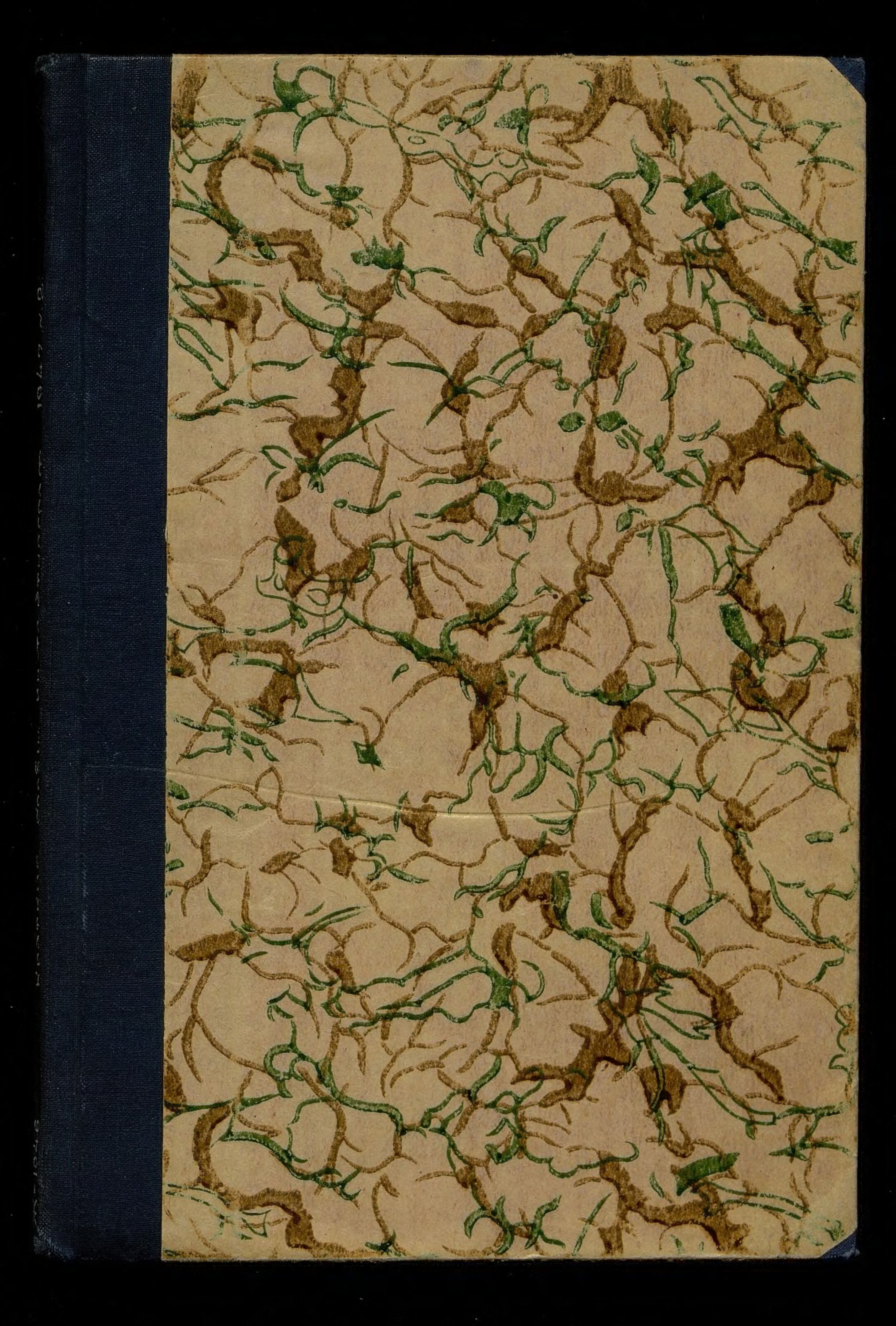
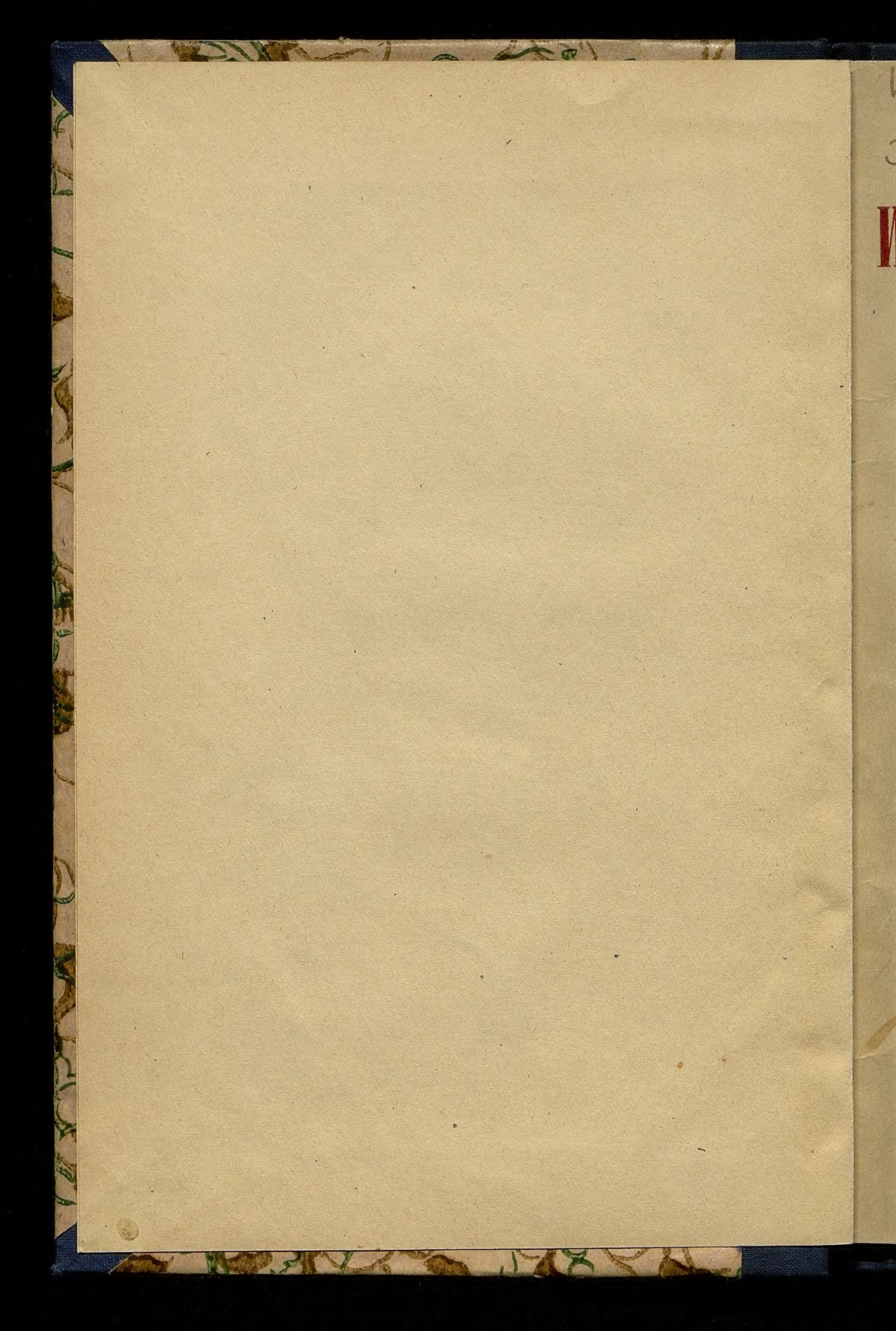

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Г. ЛЕВИН

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В 1945 г.

Второй выпуск «Кратких сообщений Института этнографии» посвящен в основном результатам экспедиционных работ Института в 1945 г. В этом году, после победоносного окончания Великой Отечественной войны, Институт получил возможность широко развернуть полевые экспедиционные работы, которые во время войны пришлось значительно сократить.

Экспедиционная работа Института в 1945 г. намного превысила по своему масштабу довоенные размеры. Экспедиции Института работали в различных районах Советского Союза: от Чукотского полуострова на северо-востоке (участники экспедиции достигли самого восточного пункта нашей территории, острова Диомида) до Закарпатской Украины (район Ужгорода) на юго-западе и от южных областей Таджикистана до северных районов Коми АССР. В четырнадцати экспедициях Института приняло участие свыше 80 сотрудников Института и приглашенных.

Вот краткий перечень экспедиций, осуществленных в 1945 г.:

1. Чукотская комплексная экспедиция (руководитель проф. Г. Ф. Дебец).
2. Хорезмская комплексная экспедиция (руководитель проф. С. П. Толстов).
3. Якутская антрополого-этнографическая экспедиция (руководитель доц. М. Г. Левин).
4. Экспедиция в Коми АССР (руководитель доц. Н. Н. Чебоксаров).
5. Дагестанская этнографическая экспедиция (руководитель доц. Е. М. Шиллинг).
6. Брянская фольклорная экспедиция (руководитель старш. научн. сотр. В. Ю. Крупянская).
7. Этнографические работы на Украине:

а) Северно-Украинская экспедиция (руководитель проф. С. А. Токарев).

б) Комплексная Переяславо-Хмельницкая экспедиция (руководители проф. Б. А. Рыбаков и Д. В. Найдич).

в) Работы на Закарпатской Украине (руководители И. Ф. Симоненко и В. Ю. Крупянская).

8. Работы по сбору фольклора Великой Отечественной войны в Белоруссии (руководитель докторант Л. Г. Бараг).
9. Экспедиция к карелам Калининской области и Медынского района Московской области (руководитель Г. С. Маслова).

10. Молдавская этнографическая экспедиция (руководители проф. М. В. Сергиевский и М. Я. Салманович).

11. Дунганская этнографо-антропологическая экспедиция (руководитель доц. Н. Н. Чебоксаров).

12. Работы в Таджикистане старш. научн. сотр. Е. М. Пещерева).

13. Балканская комплексная экспедиция (руководитель проф. П. Н. Третьяков), начавшаяся уже в самом конце 1945 г. и продолжавшаяся в 1946 г.

Как видно из краткого перечня экспедиций, этнографические работы велись в тесном контакте с работами археологическими и антропологическими. Такое комплексирование работ очень положительно сказалось на результатах исследований. Этнографическое изучение ряда народов Советского Союза нашло живой отклик в правительственных органах союзных и автономных республик. Ряд экспедиций — в Коми АССР, Якутию, на Закарпатскую Украину, поездку в Таджикистан, экспедицию в Каракалпакскую АССР — Институт осуществил по инициативе республиканских правительств и научных учреждений Украины, Таджикистана, Якутской, Коми и Каракалпакской АССР, обеспечивших благоприятные условия работы экспедиций.

В настоящем выпуске «Кратких сообщений» помещены предварительные отчеты о работе некоторых экспедиций. Другие отчеты будут помещены в следующем, третьем выпуске.

Т. А. ЖДАНКО

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЧИМБАЙСКОМ РАЙОНЕ КАРА-КАЛПАКСКОЙ АССР

(Предварительное сообщение о работе 1-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР в 1945 г.)

Основной задачей этнографических работ Хорезмской экспедиции является составление систематического этнографического описания населения Хорезмской области УзССР и Каракалпакской АССР — узбеков, каракалпаков, туркмен, казахов, а также русского старожилого населения (уральских казаков) и других, более мелких этнических групп. Изучение населения низовьев Аму-Дарьи имеет большое значение для разрешения ряда важных историко-этнографических проблем, связанных с Хорезмом; например, проблемы историко-культурных связей узбеков северного Хорезма с каракалпаками, проблемы этногенеза каракалпаков и др.

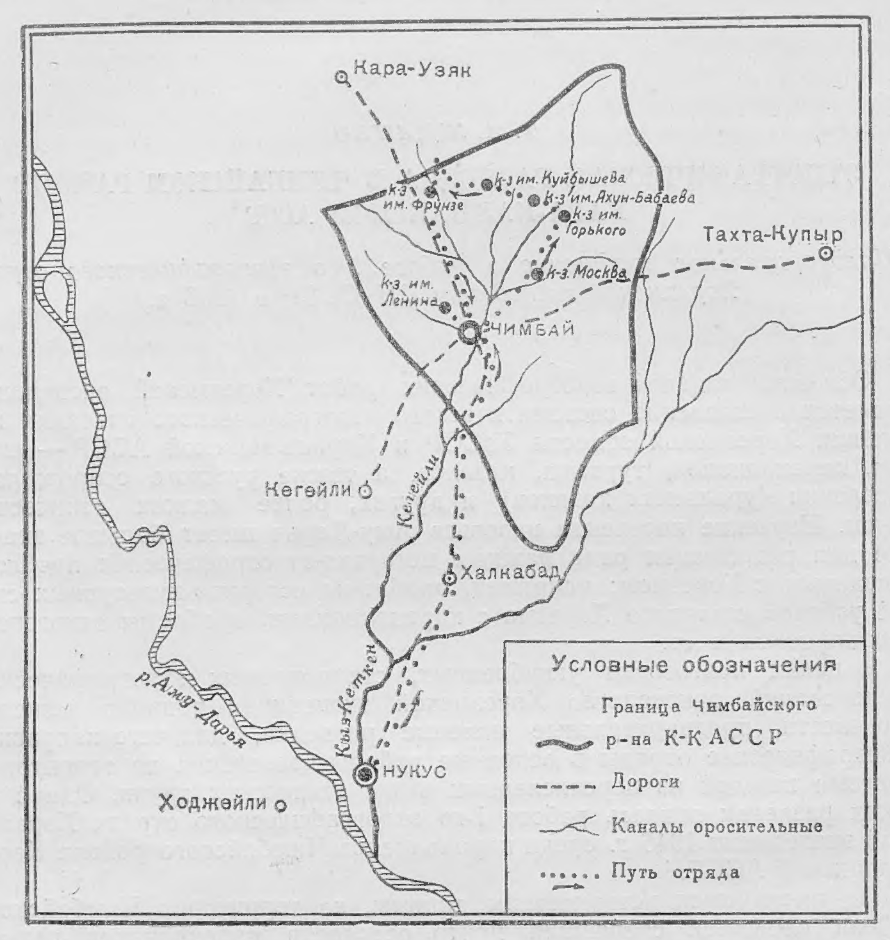
В целях подготовки углубленных, стационарных этнографических исследований руководство Хорезмской экспедиции приняло решение произвести предварительные полевые разведки, для чего направить этнографические отряды в основные районы расселения на территории Хорезма каждой из перечисленных выше этнических групп. Одной из таких разведок явилась работа 1-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1945 г. среди каракалпаков Чимбайского района Каракалпакской АССР. [1]

По имеющимся историческим данным, на территории Чимбайского района сложился старейший центр оседлости каракалпаков дельты Аму-Дарьи. Каракалпаки живут здесь компактно, составляя почти сплошное население района. До настоящего времени у них сохранилось сознание своей принадлежности к определенному роду и племени. Преобладают четыре крупных, игравших значительную роль в истории Хорезма племени: ктай, кыпшак, кенегес и мангыт. При этом племя ктай, представители которого сейчас живут на обширной территории правого берега канала Кегейли, является одним из самых древних и наиболее

[1] Начало этнографического изучения Хорезма с каракалпаков, а не с более многочисленных узбеков объясняется привлечением в 1945 г. коллектива Хорезмской экспедиции, возглавленного профессором С. П. Толстовым, к составлению труда «История каракалпаков и Каракалпакии», намеченного к изданию в 1948 г. Однако уже в 1946 г. параллельно с работами среди каракалпаков производились этнографические разведки среди северной и южной группы узбекского населения Хорезмской области УзССР.

многочисленных племен каракалпаков: так, по данным 1924 г., при общей численности каракалпаков низовий Аму-Дарьи в 97 800 человек ктай составляли 27 213 человек.[1]

Все изложенное выше давало основание полагать, что материалы, собранные в исторически сложившемся центре каракалпаков Хорез-

1. Маршрут разведки этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР в Чимбайском районе (1945)

ма — Чимбайском районе, отразят наиболее полно своеобразие культуры и быта каракалпакского народа, явятся существенным источником в работе по восстановлению картины общественного строя каракалпаков на протяжении их истории до Великой Октябрьской революции и смогут послужить отправной точкой для изучения и сопоставления этнографических данных, собранных в других каракалпакских районах дельты Аму-Дарьи.

Программой работ отряда было намечено собрать следующие ориен-

[1] Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2. Хорезм, Ташкент, 1926, стр. 114.

тировочные сведения, необходимые для дальнейших углубленных исследований:

1) Записать сохранившиеся в народных исторических преданиях и в памяти стариков сведения об истории заселения каракалпаками территории Чимбайского района. Восстановить, по возможности, картину расселения основных родоплеменных групп каракалпаков на территории района в XIX — начале XX в.

2) Собрать сведения об основных чертах, характеризующих общественный строй каракалпаков до революции: уточнить данные о системе племен, родов и родовых подразделений; выяснить вопрос о наличии пережитков общинно-родового строя и древних форм семьи и брака у каракалпаков.

3) Зафиксировать основные элементы материальной культуры каракалпаков Чимбайского района (жилище, одежда, пища, главные виды транспортных средств) и их искусства (ковровые изделия, вышивки, ювелирные изделия).

14 августа 1945 г. отряд в составе пяти человек научных сотрудников Института этнографии АН СССР под руководством автора прибыл в Нукус; из Нукуса отряд выехал в г. Чимбай, а затем в Чимбайский район, где работал в колхозах Пахтаабадского аулсовета (колхозы им. Максима Горького, им. Ахун-Бабаева) и Кенесского аулсовета (колхозы им. Куйбышева, им. Фрунзе). Частично во время переездов были затронуты обследованием колхозы Москва, им. Кирова (Пахтаабадского аулсовета) и колхоз им. Сталина, Кенесского аулсовета. По возвращении отряда в Чимбай, кроме проведения работы в артелях города, обследования городского жилища и т. п., были сделаны выходы отряда в колхозы им. Ленина и им. Андреева, Бахтлынского аулсовета.

К 15 сентября отряд возвратился в Нукус.

МАТЕРИАЛЫ, СОБРАННЫЕ ОТРЯДОМ

А. Сведения об истории заселения Чимбайского района каракалпаками

За период работы участниками отряда произведены 24 полевые записи на темы, касающиеся системы каракалпакских племен и родов, истории отдельных родов, их генеалогии, легенд об их происхождении и родоначальниках; попутно записано несколько устных народных преданий об истории каракалпаков до их расселения в дельте Аму-Дарьи.

При расспросах о времени прихода каракалпаков на современную территорию большинство информаторов говорят о недавнем прошлом — около 100-120 лет тому назад. Некоторые из них утверждают, что вначале хивинские ханы предоставили каракалпакам земли на северном левобережье Аму-Дарьи — в районах городов Кунграда, Мангыта, Кыпчака, Ходжейли, но из-за постоянных нападений туркмен каракалпаки вынуждены были перейти на правый берег, земли которого были им предоставлены на условиях договора с Хивой. Эта местность представляла собой в тот период, как рассказывали нашим информаторам их отцы и деды, незаселенную равнину с множеством озер и протоков, берега которых были покрыты тугайными зарослями. Поселившись в дельте, каракалпаки занимались земледелием, ведя полукочевой образ жизни; сняв урожай с одного участка земли, они в следующие годы сеяли зачастую уже в другом месте.

Первым районом оседлости родов и племен, входящих в состав объединения «Он-торт-уру»,[1] считают берега канала Кегейли; в народной памяти сохранились воспоминания о межплеменной вражде, причиной которой был недостаток воды в этом часто пересыхавшем оросительном канале. По одному из преданий племена ктай и кыпшак первоначально расселились вдоль левого берега Кегейли, а племена кенегес и мангыт — по правому берегу, имевшему худшие условия орошения. На этой почве происходили постоянные трения между указанными двумя группами племен, пока кенегес-мангыты не настояли перед хивинским ханом на переделе орошенных земель путем жребия. При этом кенегес-мангыты подкупили хивинских чиновников, в результате чего были допущены злоупотребления и обман во время бросания жребия, и дело оказалось решенным в пользу кенегес-мангытов, переведенных ханской администрацией на обильные водой земли левого берега Кегейли; ктай-кыпшаки же были водворены на правом берегу, где обитают и поныне. Отряду удалось собрать сведения о времени расселения здесь некоторых отдельных родов, например:

а) *Род аралбай племени ктай* (территория колхоза им. Ахун-Бабаева Кенесского аулсовета) живет здесь 4 поколения (около 100 лет). Переселение на эту территорию связывается с именем известного каракалпакского бия Фазиль-бека, упоминающегося в хивинских хрониках XIX в. в качестве одного из крупных военачальников хивинского хана Рахим-Кули-хана. Деятельность Фазиль-бека относится к 40-м годам XIX в. По рассказам стариков, приход к Кегейли рода аралбай вызвал борьбу за землю и воду с другими, жившими здесь уже давно родами племени ктай: айтеке, шеруши и кайшилы. Раздоры прекратились, когда аралбаи провели из Кегейли свой оросительный канал Аралбай-яб, на берегах которого и поселились (Полевая запись № 4).

б) *Роды каз-аяклы и кайшилы племени ктай* (территория колхозов им. Фрунзе и им. Сталина Кенесского аулсовета). Эти два рода считаются родственными и, согласно записанной среди них генеалогии, возникли сравнительно недавно — 11 поколений, около 275 лет назад.

Каз-аяклы насчитывают всего 90 лет своей жизни в данной местности; накануне нашей беседы с 73-летним стариком из рода каз-аяклы в колхозе им. Фрунзе умер другой старик, родившийся еще до переселения сюда своего рода. Сохранилось предание, что ранее род каз-аяклы жил на Джанга-Дарье (см. ниже), оттуда часть его перешла к Кунграду, а затем сюда, на Кегейли (Полевая запись № 15).

Кайшилы также ранее жили на Джанга-Дарье, откуда переселились в местность Шурахан, а потом часть их переселилась на нынешнюю территорию. Одно из современных родовых подразделений кайшилы ведет свое происхождение от некоего Акымбета Шораханши, жившего в Шурахане; он был сыном Байбулата, который считается родоначальником кайшилы и современником (двоюродным братом) Сунака — родоначальника каз-аяклы.

До настоящего времени чимбайские кайшилы поддерживают тесную связь с турткульскими (шураханскими) (Полевая запись № 18).

в) *Род салтыр племени кыпшак* (территория колхоза им. Куйбышева Кенесского аулсовета). Первоначально из Туркестана, с низовий Сыр-Дарьи, переселился в пределы нынешнего Тахта-Купырского

[1] В объединение «Он-торт-уру» (четырнадцать родов) входят племена: ктай, кыпшак, кенегес и мангыт.

района, оттуда часть его ушла к озеру Кара-Терень, а часть на левый берег Аму-Дарьи, к Кунграду. На современной территории живут около 100 лет. Старики рассказывают, что салтыры прикочевали сюда на своих арбах в те времена, когда жил еще основавший г. Чимбай торговец-сарт Чин-бай (Полевая запись № 13). Как известно, Чимбай — небольшой торгово-ремесленный центр, возникший на месте г. Шах-Темира,— упоминается впервые в исторических источниках первых десятилетий XIX в.

Путем опроса колхозников в районах маршрута отряда и на основании дополнительных сведений, полученных от председателей аулсоветов и колхозов в Чимбайском райисполкоме, а также в результате работы над изучением расселения каракалпакских родов, нам удалось составить список преобладающих количественно родов в каждом из 51 колхоза Чимбайского района. К списку имеется карта колхозов Чимбайского района. Эти предварительные материалы дают возможность ориентироваться в расположении родовых земель каракалпаков Чимбайского района до революции.

Как уже упоминалось выше, попутно с историей своих родов некоторые старики сообщали легенды о прошлом каракалпаков до их расселения в Хорезме, во владениях хивинских ханов. Хотя эти легендарные сведения нельзя ни в какой мере рассматривать в качестве достоверного исторического материала, тем не менее предания народа, а в особенности каракалпакского народа, лишь в конце XVI в. впервые упоминающегося в нарративных исторических источниках, вызывают большой интерес у исследователей — историков и этнографов.

В записанных нами преданиях упорно держится традиция первоначального пребывания каракалпаков на северном побережье Черного моря, по одному из вариантов близ современной Одессы, по другому — в Крыму. Следующими этапами передвижения своих предков с запада на восток каракалпаки считают: Едиль (Волга) — где они находились в составе Золотой Орды; далее Жайык (Яик — Урал) и северо-восточное Приаралье — пески Кара-Кум; наконец, низовья Сыр-Дарьи — Казалы. В период своего пребывания в низовьях Сыр-Дарьи каракалпаки, по преданию, вместе с узбеками и казахами входили в состав государства ногаев (Ногаистан).

К этому же периоду относится чрезвычайно интересная легенда о кратковременном существовании каракалпакского ханства в горах Улу-тау; легенда распространена в роде бессары племени ктай. Согласно этой легенде, каракалпакское ханство возникло на землях, выделенных из владений казахского хана Тевеккеля, и во главе его был хан из казахов — Батыр. Однако вскоре Батыр-хан был убит Тюбетом, каракалпаком племени ктай. В результате этого распалось ханство, и каракалпаки были изгнаны из Улу-тау. Они разделились на три части: первая осталась жить среди казахов, вторая ушла к Ташкенту, Коканду и Бухаре, а третья на Джанга-Дарью. С пребыванием своих предков в составе Улу-Тауского ханства связывают старики происхождение боевого клича — урана племени ктай — «Ултау!»

Значительное место в легендах уделяется периоду пребывания каракалпаков на Джанга-Дарье (Джаны или Яны-Дарья, отделявшаяся от Сыр-Дарьи несколько ниже современного города Кзыл-орда и направлявшаяся через пески Кызыл-Кум на северо-запад, к Аральскому морю, в настоящее время представляет собой высохшее старое русло).

С этим временем связывают значительное развитие у каракалпаков наряду со скотоводством поливного земледелия. Впрочем старики при этом добавляют, что еще до своего прихода с запада в Туркестан каракалпаки знали земледелие «лучше, чем узбеки».

Прекращение жизни на берегах Джанга-Дарьи, по преданиям, было следствием умышленного преграждения ее русла казахами (имеется другая версия — река будто бы была запружена по приказу бухарского эмира в наказание за постоянное участие каракалпаков в восстаниях против Бухары). После того как пересохло русло Джанга-Дарьи, каракалпаки вынуждены были уйти оттуда: часть ушла к Бухаре, основная же масса — в Хорезм.

В общем в преданиях насчитывают 6—7 мест обитания каракалпаков до их прихода в Хорезм. Эти постоянные передвижения, сохранившиеся в народной памяти, объясняются стариками крайней воинственностью каракалпаков, их протестом против произвола отдельных правителей, угнетавших численно небольшой, но свободолюбивый народ.

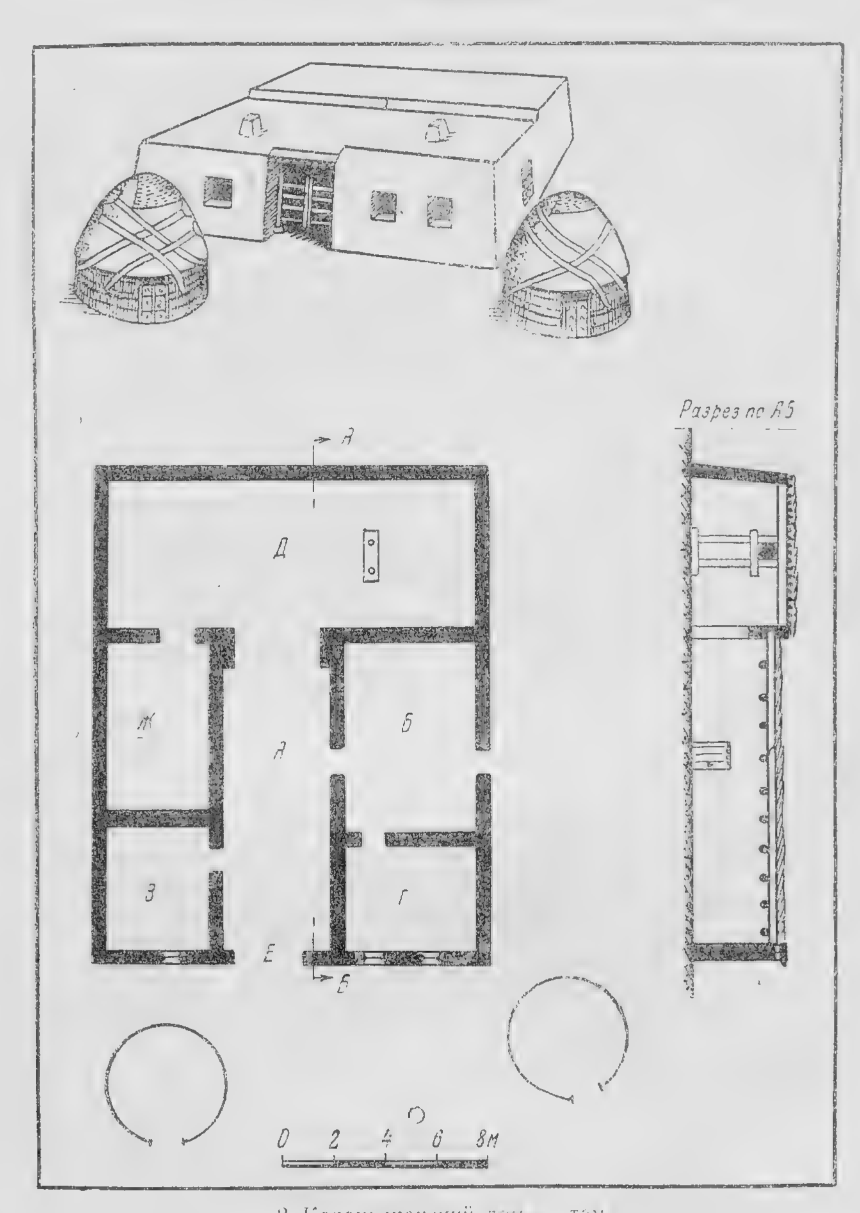
Чем далее в глубь истории, тем, конечно, более туманными и запутанными рисуются в легендах события далекого прошлого каракалпаков. Сравнивая предания, собранные в 1945 г., с записанными в середине XVIII в. П. Рычковым и в XIX и начале XX в. несколькими другими русскими исследователями, мы видим совпадение в них целого ряда характерных черт: движение от Волги на восток к Аральскому морю и Сыр-Дарье, политическая и этническая связь с ногаями и др. Легенды о ханстве в горах Улу-Тау в литературе не встречается, и она записана нами, повидимому, впервые.

Жизнь каракалпаков в низовьях Сыр-Дарьи и дальнейшие переселения их в пределах Средней Азии, относящиеся к более близкой нам по времени эпохе, освещаются в преданиях с большим приближением к имеющимся достоверным историческим данным XVI—XVIII вв. В них отражаются борьба с казахами, карательные походы эмиров Бухары и другие события. Большинство каракалпакских родов, живущих в настоящее время в Чимбайском районе, действительно называют прежней территорией своего обитания (до Хорезма) берега Джанга-Дарьи. Показательно также, что каракалпаков, живущих близ Бухары, здесь считают близко родственными, лишь отколовшимися частями тех же родов, которые обитают сейчас в дельте Аму-Дарьи.

Б. Сведения об общественно-бытовом укладе каракалпаков в XIX—начале XX в.

(Пережитки общинно-родового строя)

По этому разделу программы отрядами прежде всего была проведена работа по уточнению системы родовых делений каракалпаков. Изучение системы родов велось путем опроса стариков, указанных руководством колхозов в качестве знатоков истории того или другого рода. Из племени ктай участникам отряда удалось опросить стариков из родов: бессары (2 человека), аралбай, каз-аяклы, кырк, кайшилы и айтеке (всего 7 человек). Из племени кыпшак — представителей родов канглы, сангмурын, салтыр (2 человека), жагалтай, боганалы, майлыболта (всего 7 человек). Из племен кенегес и мангыт — двух человек, из племени конграт (в г. Чимбае) — двух человек.

2. Каракалпакский дом — „там"

Колхоз им. Горького, Чимбайский район

А дализ—сени, *Б* уйжай — зимнее помещение для юрты, *В*, *Г* } ожире — жилые комнаты

Д сейсхона — хлев, *Е* даруаза — ворота, *Ж* атхона — конюшня

Беседы проводились в форме проверки и уточнения сведений о родовых делениях каракалпаков, имеющихся в литературе и собранных за последние годы А. С. Морозовой, научным сотрудником Научно-исследовательского института истории, языка и литературы КК АССР. Одновременно записывались легенды о происхождении родов и генеалогии некоторых из них. Почти все роды своими предками считают мужчин. Однако, как пережиток матриархата, можно указать на

легенду о происхождении четырех родов из племени ктай: айтеке, шеруши, анна и куюн от женщины-туркменки (по другому варианту — калмычки), захваченной в плен каракалпаками. Интересно, что племя мюйтен, изучением которого занята А. С. Морозова, также ведет свое происхождение от женщины по имени Ак-Шолпан (Белая Венера); уран этого племени — «Ак-Шолпан!»

При изучении взаимоотношений между родами большое внимание уделялось фиксации экзогамии, до настоящего времени сохранившейся среди большинства сельского населения. Из родов племени ктай восемь — строго экзогамны, брак между мужчиной и женщиной одного и того же рода запрещен обычаем и не практикуется. Девятый род того же племени — кайшилы — не экзогамен. Брак между представителями его мелких подразделений разрешается; однако необычайность факта узаконения нарушения экзогамии здесь подчеркивается тем, что существует несколько преданий, объясняющих причины такого исключительного положения рода кайшилы. В племени кыпшак все роды экзогамны, за исключением одного, наиболее крупного — канглы.

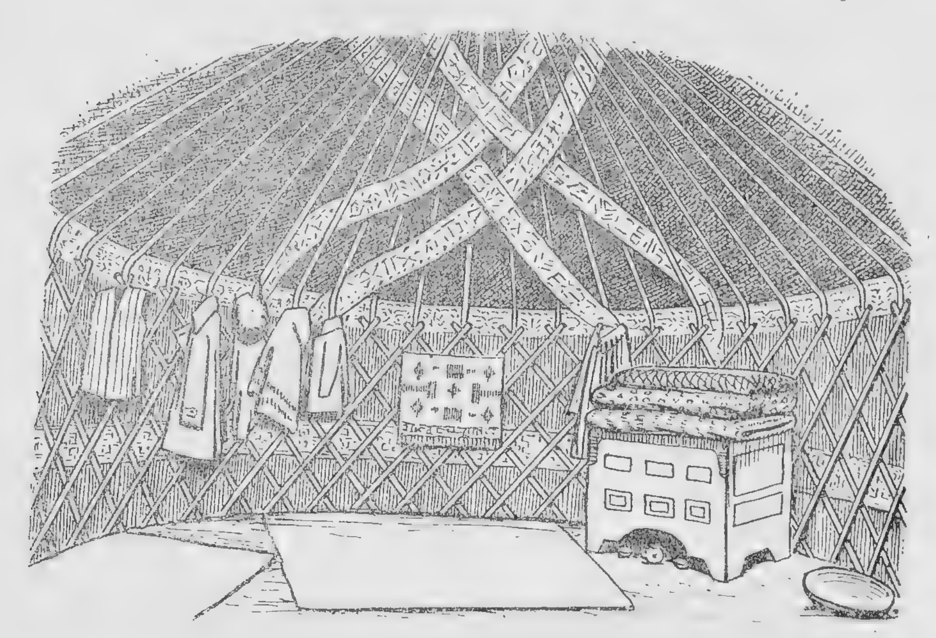
Среди кенегесов и мангытов подобных исключений обнаружить не удалось. Экзогамия оказывается одним из наиболее устойчивых пережитков общинно-родового строя, сохранившимся даже до наших дней.

В связи с изучением истории семейного строя каракалпаков отрядом было составлено 13 схем-записей номенклатуры родства: 8 — от лица мужчины и 5 — от лица женщины. Каждая из таких схем представляет собой комплекс терминов, обозначающих наименование всех родственников данного конкретного лица. После сводки собранных таким путем в разных местностях и от лиц разных возрастов данных мы получили около 200 терминов родства. Несмотря на ряд пробелов, которые необходимо будет восполнить при дальнейшей работе, уже и сейчас можно отметить несомненные следы группового брака в номенклатуре родства каракалпаков. Термины родства не соответствуют отношениям, существующим в современной каракалпакской семье, и отражают семейный строй, существовавший в глубокой древности у предков каракалпаков. На классификационную систему номенклатуры родства указывает целый ряд фактов: а) отсутствие абстрактных терминов для кровных брата и сестры — номенклатурой родства и родные и двоюродные братья и сестры делятся на старших и младших, со специальным обозначением для каждой из этих групп (ага, ини, апа, карындас); б) существует специальный термин (иногда — предикат) — «дайы» для обозначения родства по матери (дядя — «дайы»» тетка — «дайы-апа» и т. д.); в) мужья сестер называют друг друга «бажа»; г) дети сестер, независимо от пола, при обращении друг к другу употребляют термин «бöле»; д) мужчина называет детей своих сестер (племянников по сестрам) «жиен», а по братьям — «ини» и «карындас», т. е. так же, как и своих родных младших братьев и сестер, и т. д.

Наряду с номенклатурой узкосемейных отношений существует система терминов, с помощью которых обозначаются сородичи мужа или жены: куда, куда-гай, куда-бола, кудаша и т. д.

Одной из задач отряда, связанной с изучением пережитков общинно-родового строя, было описание свадьбы у каракалпаков; произведено 5 полевых записей по свадьбе, что дает возможность описать главные старинные свадебные обряды каракалпаков, отличающиеся чрезвычай-

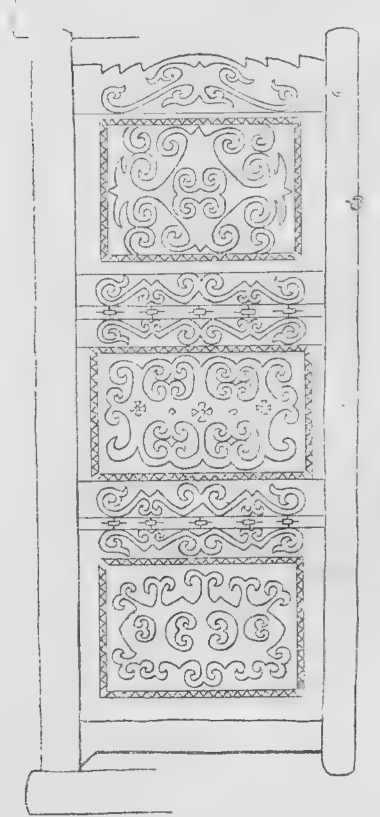
ным своеобразием и красочностью. Свадебных обрядов ислам, видимо, коснулся очень мало, и многие из них отражают пережитки родовых отношений и верований. К таковым принадлежат в первую очередь упоминавшийся выше обычай экзогамии и сравнительно недавно изжитый обычай уплаты калыма за невесту; обычаи, характеризующие участие всех сородичей жениха и невесты в свадебных обрядах, например,— раздел туши быка, привезенного в день свадьбы женихом в аул невесты, между всеми ее сородичами, чтобы каждый из жителей аула получил хотя бы небольшой кусок мяса («сох»). Пережитком матрилокального брака следует считать обычай оставления женщины в доме отца после свадьбы на некоторый период, иногда на несколько лет. Характерен также обряд прощания женщины с сородичами перед отъездом в аул мужа и, наоборот, обряды, связанные с введением ее в род мужа в день ее приезда в его аул (представление молодой старикам-сородичам мужа, одаривание ею же девушек и женщин из рода мужа); наконец, еще недавно был повсеместно распространен у каракалпаков обычай левирата.

3. Внутренний вид каракалпакской юрты
Колхоз им. Горького, Чимбайский район

Менее архаических черт сохранилось в похоронных обычаях каракалпаков, подвергшихся, вероятно, уже давно сильному влиянию ислама. Однако и здесь наряду с точным выполнением законоположений ислама мы видим пережитки древних, доисламских обычаев, связанных прежде всего с культом предков. Еще не окончательно изжита обязательность похорон на родовых кладбищах, сохранились воспоминания о временах, когда труп каракалпака, умершего далеко от своего аула, везли хоронить на родовое кладбище, к могилам предков. При изучении этой темы большой интерес представляет сопоставление этнографических данных с материалами народного эпоса, в которых

чрезвычайно ярко отражается культ предков. Например, в эпосе «Кырк кыз» (обработанном научн. сотрудн. Каракалпакского Научно-исслед. института истории, языка и литературы т. Кажуровым) характерен разговор бая Аллаяра на кладбище со спрятавшимся в гробнице хитрым пастухом Журинтазом, который представился предком Аллаяра и дает ему приказания, беспрекословно выполняемые могущественным баем.

4. Резная дверь каракалпакской юрты
Чимбайский район

Встречающийся в этом же произведении термин «агаш-ат» (деревянный конь) — старинное наименование носилок-гроба, на котором несут покойника к месту погребения, до настоящего времени часто заменяет у каракалпаков современный термин — «табыт» и является, возможно, пережитком похорон, характерных для тюркских кочевников раннего средневековья, сопровождающихся положением в могилу вместе с покойником его коня, убитого во время погребального ритуала у могилы.

Весьма архаичным является обряд втыкания высокого шеста в могилу в головах покойника, а также и встречающийся до настоящего времени обычай положения на могилу умершего ребенка колыбели — «бешик».

Изучение древнего похоронного обряда имеет большое значение для разрешения проблемы этногенеза каракалпаков. Организация, наряду с этнографическим, и археологического исследования их старинного похоронного ритуала и сопоставление этих данных с поздне-кочевническими захоронениями степей Южной России, Поволжья, Урала и Казахстана могли бы пролить свет на проблему этнических связей каракалпаков с печенегами и с другими тюркскими кочевниками средневековья, до настоящего времени еще не разрешенную. В дополнение к сбору этнографического материала здесь чрезвычайно важно было бы провести запись фольклористами причитаний, содержание которых в большинстве случаев очень архаично.

В. Основные элементы материальной культуры

Работа по изучению жилища каракалпаков велась в шести колхозах и в Чимбае. Всего зафиксировано в планах, поперечных разрезах, рисунках и чертежах 12 объектов в аулах и 6 в Чимбае. Изучались тип расселения, усадьба, юрта и дом («там»), строительная техника, производство стройматериалов (камышевые циновки-ширпа, ший). Описано производство деревянных частей юрты. Разумеется, наша предварительная этнографическая разведка дает возможность лишь ориентировочно наметить некоторые характерные черты основных ти-

пов жилища в Чимбайском районе. Так, выясняется тип дома, который считается «старым каракалпакским» и в противовес колхозным домам поселкового типа представляет собой столь распространенную в Хорезмском оазисе замкнутую постройку, с входом через ворота — «дарауза», которые ведут в более или менее длинный коридор — «дализ»;

5. Старинная каракалпакская женская шуба с вышитыми нарукавниками „женгсе"

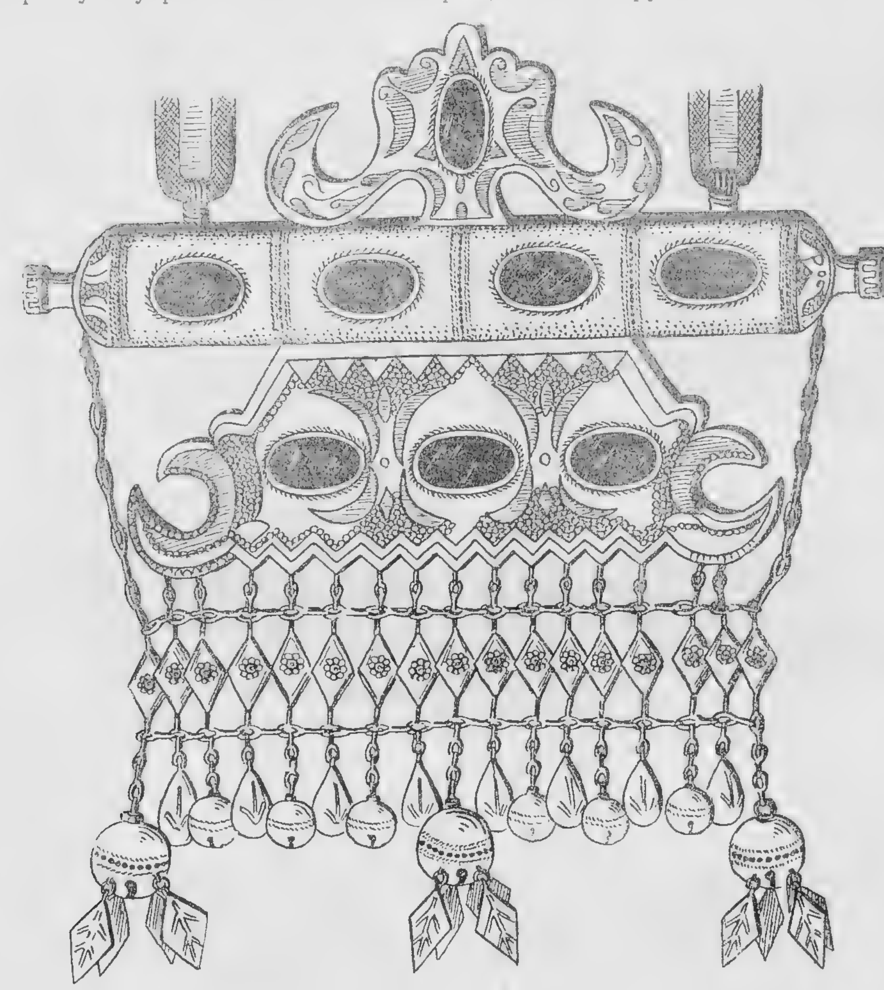
Принадлежит колхознице Г. Досбергеновой, Чимбайский район

от дализа идут двери в жилые помещения — «ожире»; последних обычно бывает не менее двух. Кроме «ожире» дализ соединяет собою хлев «сейсхона», кладовые и, наконец, «уй-жай» — высокое помещение, крытое легкой кровлей, с возвышением («спа») вдоль стен, предназначенное для установки юрты в зимнее время (летом юрта находится вне дома). Уй-жай отсутствует лишь в беднейших домах, владельцы которых складывают на зиму части юрты в дализе. Наряду с этим имеются богатые дома, где уй-жай и сейсхона достигают очень больших размеров, а число ожире достигает трех-четырех.

Если в аулах мы видим постройки исключительно глинобитные, то в Чимбае преобладает каркасная техника. Постройки Чимбая весьма интересны и требуют внимательного изучения. С одной стороны, специфическая каркасная техника, незнакомая каракалпакам, но широко распространенная в Хорезме, подтверждает исторические сведения о первоначальном строительстве города узбеками. С другой стороны, некоторые особенности плана старых городских домов (в частности, сходный с уй-жай по устройству, размерам и пр. айуан) указывают на

вероятность заимствования каракалпаками для своих домов — «там» основных черт узбекской (хорезмских узбеков) городской архитектуры.

Кроме материала, характеризующего каракалпакские постройки, зафиксирована домашняя утварь (свыше 100 рисунков и чертежей), дающая картину внутренней обстановки юрты, тама и других видов жилища.

6. „Айкель“ — каракалпакское нагрудное женское украшение
Колхоз им. Куйбышева, Чимбайский район

Из транспортных средств подверглись изучению все виды арбы и лодка — кеме.

Значительный материал собран по одежде каракалпаков, а также ювелирным украшениям. Зарисовано и описано свыше 50 образцов одежды, в том числе около половины относится к старинному женскому костюму.

Попутно с изучением жилища и одежды начат сбор образцов народного изобразительного искусства каракалпаков: художественной вышивки, резьбы по дереву, ковровых изделий. Большинство из этих предметов отличается высоким художественным мастерством, богатством орнамента и своеобразной техникой.

5843

К. М. ШИЛЛИНГ

ДАГЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1945 г.

Экспедиция была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР и Историческим факультетом Московского государственного университета. Руководство экспедицией, как и в предыдущем году, было поручено автору предлагаемой заметки.

Экспедиция 1945 г., естественно, продолжала работы 1-й Дагестанской этнографической экспедиции, снаряженной теми же учреждениями в предыдущем году. В свою очередь преемственность работ 1945 г. приняла на себя 3-я Дагестанская экспедиция, осуществленная в 1946 г. Продолжение полевых работ в Дагестане спланировано и на последующие годы.

Экспедиция развернула работы, разбившись на несколько отрядов: а) Хунзахская группа (Хунзах и 5 аулов Хунзахского плато); б) Гидатлинско-Кахибская группа (6 основных аулов Гидатля и аулы Кахиб, Гоор, Колоб — Кахибского района); в) Тляротинская группа (Тлярота, Тилютль, Укал, Кутлаб, Тлядал, Бежита, Чодоколоб, Кособ — аулы Тляротинского района); г) Гунибско-Чародинская группа (Чох и Ругуджа Гунибского района; селения Дусрахского, Тлесерского и Карахского ущелий Чародинского района).

Антропологическое исследование велось в Хунзахском, Кахибском и Тляротинском районах. Архитектурный обмер производился в Гунибском и Чародинском районах. Художественные зарисовки велись во всех районах маршрута экспедиции.

Главной задачей работ было собирание материалов по этнографии крупнейшего горского народа Дагестана — аварцев. Из приведенных выше сведений по маршруту видно, что обследованием была охвачена значительная часть территории обитания аварцев, а именно Хунзахское плато и ущелья рек Аварское Койсу и Кара-Койсу. Эта территория вместе с частями Северной Аварии, которую автор посетил в 1943 г., покрывает почти всю основную область расселения аварцев в пределах Дагестана. Для окончания этнографического обследования аварцев и соседящих с ними мелких андо-цезских народностей остается, таким образом, посетить Ботлихский, Ахвахский и Цумадинский районы, а равным образом побывать в аварских селениях северного Азербайджана.

Экспедиции удалось собрать значительные данные по более или менее полной этнографической программе. Выборочно упомяну о некоторых наиболее примечательных разделах этих материалов.

По разделу истории социального строя выяснена картина сложного членения, отображающего стадию давно разложившейся первобытно-общинной формы, распада рода, сложившихся сильных территориальных соседских общин и их союзов и зачатков феодализации. Первая и наиболее крупная категория общественного членения аварцев это

1. Старинный аварский жилой дом (постр. XVIII в.)
Аул Ругуджа Гунибского района Даг. АССР

так называемое «бо», т. е. «войско» или «народ». Такие части было принято в существующей литературе называть вольными обществами. Предполагаю, что в лице некоторых «бо» перед нами остатки племенной дифференциации аварцев. Подразделениями «бо» являлись аулы (аул — росо). Росо в свою очередь делится на авалы (кварталы), когда-то, очевидно, родовые, а эти последние состоят из крупных фамилий, так называемых тлибилов (тлибил буквально — корень). Следующую категорию (членение тлибила) составляет «рукъ» (буквально — дом), представляющий собой группу родственных, входящих в тлибил, семейств. Тлибил и «рукъ» суть формы так называемых патронимий. Наконец, последней, самой мелкой категорией является семья (хизан), которой в прошлом предшествовала так называемая большая семья со старшим мужчиной во главе.

В связи с вопросом об общественном строе очень интересные данные собраны по старому военному быту, башням, укреплениям, преда-

ниям о происхождении селений и межплеменным отношениям. Вместе с тем тщательно изучалась местная архитектура, жилые дома, их обстановка и характерные черты домашнего быта. Установлено, что местоположение и особенности планировки горных аулов обусловлены прежде всего стратегическими соображениями, целями обороны. Выяснено первичное членение ряда старейших аулов на разбросанные родовые поселки, позднее объединившиеся и усиленные фортификационными сооружениями. Описан архаичный тип однокамерного дома (в ряде случаев дома-крепости) с единственным жилым залом, площадью до 100 кв. м. Однокамерные дома Гидатля или Караха, очевидно, были жилищем больших, не разделившихся семейств.

2. Старинная башня, в прошлом — собственность тлибила (родственной группы патронимного характера), ныне жилой дом нескольких семейств

Аул Гочоб Чародинского района Даг. АССР

По разделу домашних и кустарных производств собрано много материалов. Выявлены впервые некоторые производственные очаги, например, тляротинское ковровоткачество, изготовление женских поясов с оловянными украшениями в Кахибе.

Изучение женского национального костюма вскрыло наличие чрезвычайно большого количества местных вариантов и неизвестных до сего времени форм. Оказалось, в частности, что украшения и головные уборы носят пережитки апотропейной значимости, что связано с древним мировоззрением народа, относящимся к поре до распространения ислама.

В системе религиозных верований и обрядов за мусульманским слоем обнаружены остатки языческих культов и элементов полуязыческого христианства. Наиболее ярко выраженные пережитки приурочены к весеннему равноденствию и празднику в честь урожая и плодородия.

Вместе с тем намечены некоторые датировки и пути, относящиеся к выяснению процесса распространения в Аварии христианства и вытеснения его исламом. Христианство, например, в Кахибском районе и некоторых других местах, проникавшее из Грузии, держалось до XIV—XV вв. В ауле Ругуджа Гунибского района нам удалось найти камень с хорошо сохранившейся надписью христианского содержания на грузинском языке. Ориентировочное определение этого памятника (который будет тщательно изучаться) дает датировку XIV—XV вв.

Ислам, занесенный в Дагестан еще при арабах, окончательно укрепился в «стране гор» за период от XIII по XV в. (в разных местах в разное время).

По разделу духовной культуры записаны многочисленные варианты свадьбы, сведения о родильных и похоронных обрядах, данные по женскому быту, правилам общественного поведения и т. д. В Гидатле был обнаружен рукописный кодекс адатов. Его удалось полностью перевести. Это ценное пополнение не столь уж многочисленных имеющихся в литературе подлинных адатных записей. В ряде обычаев выявлены отражения остатков древнейших общественных порядков, начиная от пережитков матриархата.

Записан ряд преданий о борьбе с арабами, персами и тремя имамами (Гази Магомедом, Гамзатом и Шамилем). Следует отметить, что в оценке деятельности Шамиля и его предшественников кое-где (например, в Хунзахе и других местах) констатированы резкие оппозиционные моменты, нарушающие представление о единогласно положительном отношении горских масс к имаму и созданному им теократическому устройству.

Экспедиция собрала богатый материал по орнаменту, в частности по древней местной петрографике, в которой встречаются изображения охотничьих сцен, знаки критского лабиринта, варианты спиралей, кресты, знаки руки и т. д. Некоторые элементы орнамента носят черты особой семантики, повидимому связанной с эпохой домусульманских верований.

Собрана небольшая музейная коллекция (большею частью по резной деревянной утвари), предназначенная для Музея антропологии и этнографии в Ленинграде.

В настоящем очерке мы должны ограничиться этими краткими предварительными сведениями, естественно, не осветившими всех вопросов и разделов работы экспедиции. Материалы экспедиции предположено подготовить к печати.

Необходимо отметить большую помощь, оказанную экспедиции Совнаркомом Дагестанской АССР, Дагестанским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы и Дагестанским государственным музеем, а также руководящими работниками Хунзахского, Кахибского, Тляротинского, Гунибского и Чародинского районов.

М. С. АКИМОВА и М. А. БУЛАТОВА

К АНТРОПОЛОГИИ АВАРЦЕВ

Население Дагестана, в том числе и аварцы, в антропологическом отношении до сих пор исследованы недостаточно. По аварцам имеются данные Эркерта,[1] которым была обследована небольшая группа в 70 человек. В 1932 г. Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебецом измерено 197 человек аварцев в Казбековском районе (материалы не опубликованы).

Летом 1945 г. явилась возможность продолжить антропологические исследования в Дагестане. В этнографическую экспедицию, организованную Институтом этнографии АН СССР, был включен от Института и Музея антропологии МГУ антропологический отряд в составе двух человек — авторов данной статьи.

Задачей отряда являлось обследование одной из наиболее многочисленных народностей Дагестана — аварцев, занимающих значительную часть территории юго-западного Дагестана.

По первоначально намеченному в Махач-Кале маршруту наш отряд должен был провести работу в наиболее отдаленных западных и северо-западных районах Аварии: Тляротинском, Цумадинском, Кахибском и Ботлихском. В последнем районе, кроме аварцев, должны были быть обследованы андийские и дидойские народности, населяющие этот район. В первый же день после выезда из Махач-Кала экспедиция вынуждена была изменить намеченный маршрут, так как по дороге в Тляроту выяснилось, что проехать туда невозможно: после сильных дождей произошли обвалы, и дороги во многих местах засыпаны. Тогда решили через районный центр Хунзах добраться до Ботлиха. По приезде в Хунзах мы узнали, что дорога на Ботлих также засыпана обвалами. Решено было начать работу в Кахибском районе. В результате всех изменений, происшедших не по вине экспедиции, работа была проведена в трех районах: Тляротинском, Кахибском и Хунзахском.

Эти три района занимают центральную часть Аварии и тянутся полосой с юго-запада на северо-восток вдоль реки Аварское Койсу. Районные центры Хунзах и Кахиб расположены на высоких плато, поднимающихся по правому и левому берегам реки; Тлярота лежит в самой долине реки.

В каждом районе обследовалось мужское население в возрасте от

[1] Erckert. Kopfmessungen kaukasischer Völker. Archiv für Anthropologie, Bd. XVIII—XIX, 1891.

18 до 50 лет. Исследовано также несколько человек моложе и старше указанных возрастов. Всего обследовано 475 человек. Возрастное распределение дано ниже:

до 24 лет	204	человека
25—34	100	человек
35—50	159	„
51 и старше	12	„

Работа проходила в районных центрах, куда собиралось мужское население из ближайших сельсоветов. Обследование производилось по методике, принятой в Институте антропологии МГУ.

При предварительной обработке материала исключены данные, относящиеся к субъектам моложе 18 и старше 50 лет. Кроме того, численно уравнена по всем трем районам возрастная группа 18—20 лет, вследствие чего обработано не 475 бланков, а 419.

Собранный по трем районам материал позволяет дать следующую антропологическую характеристику аварцам.

Размеры головы. При сравнительно небольшом размере продольного диаметра (табл. 1) поперечный диаметр головы у аварцев большой. Головной указатель (85.8) говорит о сильной брахикефалии. Высота головы небольшая.

Таблица 1

Аварцы. Измерительные признаки

	N	Min — Max	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(v)$
Продольный диаметр головы	415	168—202	184.85±0.31	6.30±0.22	3.41±0.12
Поперечный диаметр головы	415	146—180	158.65±0.25	5.13±0.18	3.[illegible]3±0.11
Морфологическая высота лица	413	108—149	128.26±0.34	6.96±0.24	5.43±0.19
Скуловая ширина лица	414	130—163	145.15±0.25	5.16±0.18	3.56±0.12
Длина носа	415	46— 68	57.52±0.20	4.11±0.14	7.14±0.25
Ширина носа	415	29— 48	35.54±0.14	2.76±0.10	7.77±0.27
Высотный диаметр головы	396	108—153	124.28±0.35	6.96±0.25	5.60±0.20
Высота верхней губы	413	11— 27	17.88±0.14	2.94±0.10	16.38±0.57
Длина тела . .	396	148.3—184.5	167.42±0.30	5.96±0.21	3.56±0.13
Головной указатель .	415	77.04— 93.0	85.86±0.15	3.10±0.11	3.61±0.13
Морфологический лицевой указатель .	412	76.13—102.80	88.40±0.24	4.96±0.17	5.61±0.20
Носовой указатель	412	45.31— 81.63	61.98±0.31	6.26±0.22	10.10±0.35

При резко выраженной брахикефалии аварцы имеют сильный наклон лба (табл. 2). Почти у половины (47.1%) исследованных наклон лба определяется баллом 1, в несколько меньшем проценте встречается балл 2. Прямой лоб отмечен у 7.9%. Наклонному лбу соответствует обычно сильно развитое надбровье. Однако в данном случае полного соответствия нет, так как процент сильно развитых надбровий несколько ниже по сравнению с процентом сильно наклонных лбов. Анализ сочетаний этих двух признаков у отдельных индивидуумов выходит за пределы краткого сообщения.

Таблица 2

Аварцы. Описательные признаки

	M	В процентах						M
		0	1	2	3	4	5	
Рост бороды (у лиц старше 25 лет)	264	—	3.67	6.94	36.33	35.51	17.55	3.56
Наклон лба	418	—	47.13	44.97	7.90	—	—	1.61
Развитие надбровья	418	—	16.03	46.65	37.32	—	—	2.21
Профиль спинки носа	418	—	5.98	44.98	30.86	18.18	—	2.61
Положение кончика носа	418	—	17.22	35.41	47.37	—	—	2.30
Горизонтальная профилировка лица	417	—	9.11	57.79	33.09	—	—	2.24

Лицо у большинства исследованных аварцев имеет среднюю горизонтальную профилировку (табл. 2). В значительном проценте встречаются субъекты с сильной горизонтальной профилировкой. Плоское лицо отмечено у 9,1%. Морфологическая высота лица (табл. 1), измеренная от точки пересечения медиальной сагиттальной плоскости с линией, соединяющей нижние края бровей, характеризуется величиной выше средней, ширина лица большая. По указателю лицо мезопрозопное.

Нос у аварцев имеет значительную высоту и небольшую ширину, что дает довольно низкий носовой указатель, который все же позволяет отнести аварцев к группе лепторинов. Форма наружного носа характеризуется преобладанием прямых и выпуклых спинок носа (табл. 2), причем чаще встречаются прямые (44.9%). В значительном проценте (18.2%) отмечен волнистый профиль. При выпуклой спинке носа изгиб находится в верхней части у самого корня; в средней и нижней части спинка носа оказывается прямой. Кончик носа чаще всего опущенный. Такая форма встречается почти у 50% исследованных. В значительном проценте встречается прямое положение кончика носа.

Характерным для аварцев является большой размер высоты верхней губы (17.9 мм).

В строении верхнего века у аварцев отмечается слабое развитие складки, определяющееся баллом 1 (табл. 3). В большинстве случаев

Таблица 3

Аварцы. Складка века

	0	1 *pmd*	1 *p*	1 *pm*	1 *m*	1 *md*	1 *d*	2 *pmd*	*N*
Абсолютное число	82	218	1	1	2	44	10	14	372
Проценты	22.04	58.60	0.27	0.27	0.54	11.83	2.69	3.76	100.0

эта складка имеет протяженность по всему веку. У пятой части исследованных складка вовсе отсутствует.

Пигментация. Аварцы исследованных районов имеют темную окраску волос (табл. 4), причем преобладают №№ 4 и 5 шкалы Фише-

Таблица 4

Аварцы. Цвет волос

	Черные (IV) 4—5, 27	Темнорусые (III) 6—8	Русые (II) 9—12, 26	Светлорусые (I) 13—15	Белокурые (0) 16—25	*N*
Абсолютное число	196	6	3	—	—	206
Проценты	95.61	2.93	1.46	—	—	100.0

Таблица 5

Аварцы. Цвет глаз

Тип и номер	I	II	III	*N*	*M*
	Темный № 1—4	Средний № 5—8	Светлый № 9—12		
Абсолютное число	92	269	56	417	—
Проценты	22.29	64.27	13.44	100.0	1.91

ра, составляя 95.7%. Чаще всего встречается № 4. Темнорусые и русые волосы отмечены только у 4,3%. Других оттенков цвета волос не встречалось.

В окраске радужины глаз (табл. 5) характерно для аварцев преобладание переходного типа (№№ 5—8 шкалы. В. В. Бунака). Примерно одинаково часто встречались субъекты с желто-буро-зелеными, зелеными и серыми с желтым венчиком глазами. Темные глаза отмечены у 22.1%, причем чаще всего встречались светлокарие глаза; черные не отмечены ни разу. Светлые глаза составляют 13.4%; средний балл — 1.91.

Рост бороды. Для всех аварцев старше 25 лет характерен рост бороды (табл. 2) выше среднего (средний балл — 3.56). Нередко встречались субъекты с сильным развитием бороды.

Длина тела аварцев по межгрупповому масштабу выше среднего (167.4 см).

Приведенные данные позволяют дать следующую суммарную характеристику исследованной группы аварцев. Резкая брахикефалия при средней величине продольного диаметра и при большом поперечнике, широкое лицо с средней горизонтальной профилировкой, сильно наклонный лоб с довольно сильно развитым надбровьем, выпуклая или прямая спинка носа, большая высота верхней губы, темная пигментация волос, смешанный тип цвета глаз, довольно сильное развитие бороды, длина тела выше среднего. Вся совокупность приведенных признаков позволяет отнести аварцев к европейскому в широком смысле слова типу.

Таблица 6

Измерительные и описательные признаки

(Сравнительные данные)

		Аварцы (Акимова, Булатова)	Аварцы (Эркерт)	Кумыки (Дебец, Трофимова)	Лаки (Эркерт)	Даргинцы (Эркерт)	Лезгины (Эркерт)	Ногайцы (Трхо)	Армяне (Анисеров)
Число наблюдений		415	70	130	35	82	43	176	114
Продольный диаметр		184.9	185.1	184.6	185.2	187.3	185.6	186.3	179.0
Поперечный „		158.7	159.2	161.8	158.0	161.7	161.9	155.4	154.0
Головной указатель		85.9	86.1	88.3	85.3	84.6	87.4	83.3	85.2
Морфологическая высота лица		128.3	123.3	127.0	120.4	125.9	125.3	132.3	124.0
Скуловая ширина		145.2	146.0	145.7	146.5	146.3	146.6	147.4	139.5
Морфологический лицевой указатель		88.4	84.5	87.3	83.2	86.1	85.6	89.9	88.2
Носовой указатель		62.0	65.0	63.0	67.2	63.8	63.2	59.5	61.5
Длина тела		167.4	—	165.9	—	—	—	162.5	165.7
Рост бороды (после 25 лет)		3.56	—	3.84	—		—	1.82	—
Цвет глаз в %	1. Темные	22.1	50.0	40.3	23.6	21.0	40.4	61.6	62.3
	2. Смешанные	64.5		31.2	—	—	—	33.4	27.2
	3. Светлые	13.4	—	8.5		—		—	10.5
	M	1.91	—	1.32	—	-	—	1.62	1.43
Складка верхнего века M	Проксимальная	0.67	—	0.39			—	0.54	—
	Медиальная	0.79	—	0.50	—	—	-	1.15	—
	Дистальная	0.81	—	0.70	·		—	1.04	—

При сравнении данных, полученных нами, с данными Эркерта[1] по большинству признаков отмечается сходство (табл. 6). Значительная разница наблюдается в размере морфологической высоты лица и в пигментации радужины. Разница в высоте лица объясняется тем, что Эркерт брал этот размер от точки, ориентированной на углубленный пункт корня носа; мы сделали для краткого сообщения вычисление по этому признаку по нижнему краю бровей. Если учесть, что расстояние между этими двумя точками в среднем равно 5—6 мм (для всех групп), то различия в высоте лица окажутся незначительными. Более существенная разница имеется в цифровых данных по пигментации глаз. Эркерт отмечает среди аварцев 50% темных глаз; по нашим данным темных глаз всего лишь 22,1%. Установить критерий для классификации темной категории глаз у Эркерта не удалось.

Для сравнения аварцев с другими народностями Дагестана приводим табл. 6. Из приведенных в этой таблице данных видно, что аварцы обнаруживают большое сходство с этими народностями. Отмечаются некоторые различия в ширине лица и пигментации глаз. Аварцы в отличие от других народностей Дагестана имеют несколько меньший размер скуловой ширины и меньший процент темных глаз. По первому признаку различия незначительные. В целом же эти народности составляют единый антропологический тип, который характеризуется: 1) большим поперечным диаметром головы при среднем или выше среднего продольном, что дает высокую степень брахикефалии; 2) большой скуловой шириной лица; 3) сравнительно невысоким процентом темных глаз.

Сравнение аварцев с ногайцами, с одной стороны, и армянами — с другой, позволяет установить определенные различия между этими тремя группами. Ногайцы Ембайлукского района, по данным Ярхо,[2] в отличие от аварцев имеют более длинную и более узкую голову, а отсюда и меньший головной указатель, более высокое и широкое лицо, меньшую длину тела, слабо развитую бороду, преобладание темных глаз, более сильное развитие складки века. Нахичеванские на-Дону армяне, по данным Ансерова,[3] отличаются от аварцев меньшими абсолютными размерами головы; в головном указателе разница небольшая. Они отличаются также меньшей скуловой шириной, преобладанием темных глаз.

Таким образом, приведенный небольшой сравнительный материал позволяет говорить о наличии особого антропологического типа, характерного для народностей Дагестана.

[1] Erckert. Kopfmessungen kaukasischer Völker. Archiv für Anthropologie. Bd. XVIII—XIX, 1891.

[2] А. И. Ярхо. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934) АЖ, № 1, 1936.

[3] Н. И. Ансеров. Нахичеванские на-Дону армяне в антропологическом отношении. РАЖ, т. 15, вып. 1—2, 1926.

С. А. ТОКАРЕВ

СЕВЕРНО-УКРАИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1945 г.

Работа Северно-украинской экспедиции 1945 г. составляет часть обширного плана многолетней экспедиционной работы, которая должна охватить разные, по преимуществу мало изученные области и районы УССР. В 1945 г. работа по недостатку средств и времени была развернута в ограниченном масштабе.

Северно-украинский отряд состоял из группы студентов-этнографов Исторического факультета МГУ (8 чел.) под руководством автора. Экспедиция работала один месяц (18 августа — 17 сентября), из которого непосредственно на работу потрачено 20 дней.

Местом работы был Михайло-Коцюбинский район Черниговской области — между Черниговом и Днепром. Обследованы три больших села: Ведильцы, Мнёво и Навозы. Район был избран как расположенный вблизи украинско-белорусской этнографической границы (проходящей здесь как раз по Днепру) и потому интересный с точки зрения изучения культурных взаимовлияний обеих национальностей, смешанных и переходных культурных форм. С другой стороны, этот район, как лежащий в стороне от больших городов и промышленных центров, сохранил много архаичных элементов в быту и культуре населения.

Как в языке, так и в культурно-хозяйственном типе населения обследованного района замечается смешение украинских черт с белорусскими и южно-великорусскими, при преобладании все же первых. Хотя местный говор специально не изучался экспедицией, но поверхностное наблюдение показывает его смешанный и переходный характер при северно-украинской основе: *о* и *ѣ* обычно не переходят в *і*, а сохраняются со слабыми следами дифтонгизации — пуол, пиечь, но хліб, снідать; *е* без смягчения предыдущего согласного, аканье без дзеканья; 1-е лицо мн. ч.— *мо*, иногда с ударением («заберемó»); окончания дат. пад. *ові* — нет; зват. форма — на *о* (*тато, мамо*); чисто украинские слова: *бачить, дивиться, краще, треба, е, нема, чи, як, це, га, хай (нехай), трохи, тай годи* и пр.

Местные жители отмечают, что в этом районе в каждом селе есть свои особенности говора. Еще более заметны индивидуальные различия в языке: одни (особенно женщины) говорят более или менее чисто украинским языком, другие смешивают украинскую речь с русской, третьи говорят почти чисто по-русски (главным образом мужчины, бывшие в городах, на военной службе).

Наиболее интересный материал собран экспедицией по жилищам и постройкам. В этой области, как и в других элементах материальной культуры, очень отчетливо видно смешение украинских и белорусских элементов. В то же время здесь обнаруживается бытование таких архаичных форм в постройках, которые позволяют проследить эволюцию народного жилища на данной территории и тем пролить свет на общие вопросы развития восточнославянского жилища.

Экспедицией был применен метод массового обследования построек с целью выявить степень распространенности отдельных элементов и типов жилища. Этот метод состоит в сплошном обходе дворов в обследуемом селе с фиксацией определенных элементов построек и нанесением схематических (глазомерных) планов и зарисовок. Данный прием (разработанный Н. И. Лебедевой и несколько видоизмененный мною) редко применяется этнографами ввиду его трудоемкости, но он дает ценные результаты, допуская статистическую обработку полученного материала и создавая объективно точную картину преобладания известных типов и форм вместо более или менее субъективного впечатления.

Собранный этим методом материал составил: по с. Ведильцам 65 дворов (из 150 сохранившихся после немецко-фашистской оккупации, либо вновь выстроенных), по с. Мнёву — 250 (из 335 в основной части села), по с. Навозам — 400 (из 440 приблизительно). Всего 715 дворов (см. табл.).

Количественное распределение типов жилых построек в трех селах Михайло-Коцюбинского района Черниговской области

Типы	Ведильцы		Мнёво		Навозы	
	число	%	число	%	число	%
Х	—	—	9	3.6	10	2.5
Х + С	19	33.3	124	49.6	184	46.0
Х + С (+ К)	2	3.5	22	8.8	64	16.0
Х + С + К	29	50.9	78	31.2	84	21.0
Х + Х	—	—	5	2.0		
Х + Х + С	5	8.8	9	3.6	52	13.0
С + Х + Х + С	—	—	1	0.4	—	—
Х + С + Х	1	1.7	1	0.4	—	—
Сложные и нетипичные формы	1	1.7	1	0.4	6	1.5
Всего	57	100	250	100	400	100

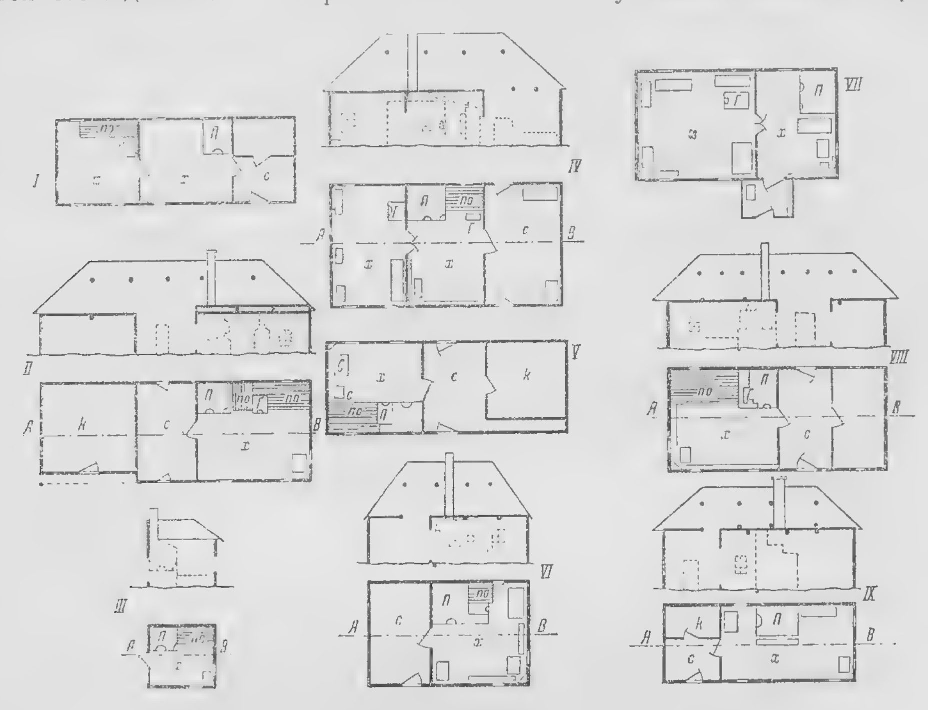
Обозначения: Х—хата, С—сени, К—комора.

Сверх того бегло осмотрены постройки в с. Карховке. Наиболее характерные образчики отдельных типов жилья были подвергнуты более подробному изучению, со съемкой планов и разрезов, с зарисовками и фотоснимками.

В жилых постройках целиком господствует срубная техника. Все хаты без исключения представляют собой рубленые постройки из круглых бревен, либо из отесанных или полуотесанных (с внутренней стороны) брусьев. Техника рубки — «в замок», или, реже, «в нечистый угол». Стены снаружи очень редко обмазываются глиной, еще реже белятся, но зато почти всегда промазываются места соединения бревен, выпуклости которых остаются голыми. Встречается иногда сплошная обмазка стены желтой глиной, которая затем инкрустирует-

ся по всей поверхности обломками кирпича для укрепления обмазки; это придает постройке своеобразный и довольно живописный пятнистый вид (с. Карховка, прежде и в с. Ведильцах).

Сени, комора и надворные постройки тоже рубятся обычно из бревен, но более грубым способом и без промазки пазов между ними. Углы нередко делаются не срубом, а «в шул»: отесанные концы бревен закладываются в вертикальные желобки угловых столбов. Встре-

1. Типы планировки украинского жилища

Михайло-Коцюбинский район Черниговской области

I. Тип Х + Х + С (*с. Ведильцы*, хата Натальи Тукун) II. Тип Х + С + К (*с. Мнёво*, хата Саввы Дрозда) III. Тип Х (*с. Мнёво*, хата Марии Лутенко) IV. Тип Х + Х + С (*с. Мнёво*, хата Прасковьи Хропатой) V. Тип Х + С — К (*с. Ведильцы*, хата Омелько Вороха) VI. Тип. Х + С Х (*с. Навозы*, хата Палашки Скибы) VII. Тип Х + Х + С (*с. Навозы*, хата Матвея Корень) VIII. Тип Х+С+К (*с. Ведильцы*, хата Параски Фрол) IX. Тип Х+С+К (*с. Навозы*, хата Гарпины Кириенко)

Обозначения:

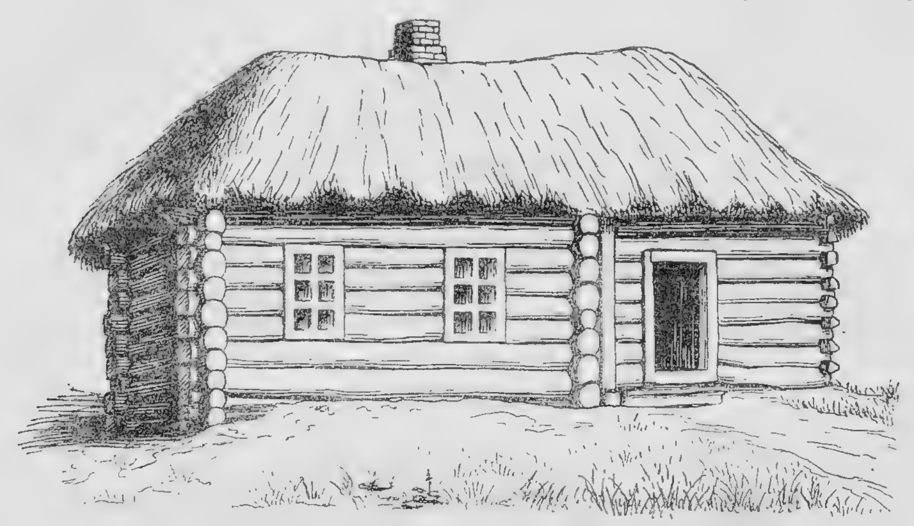
Х — хата, С — сени, П — печь, По — пол (настил, нары), К — комора

чаются и дощатые хозяйственные постройки и еще более облегченные — плетеные. Крыши всегда четырехскатные, сооружаются на стропилах (кроквах); только в сараях крыша нередко строится архаическим способом, на столбах. Кроются соломой, обычно под щетку.

Наиболее интересен вопрос о развитии горизонтального плана жилой постройки. Здесь прослеживаются две основные линии развития. Одна из них ведет от простейшей однокамерной к трехкамерной однохатной постройке (с одним жилым помещением). Эту линию можно проследить во всех ее стадиях и деталях. Вторая линия, исторически гораздо менее ясная, ведет к появлению двуххатных форм.

Элементарным типом срубной постройки является однокамерное жилье, без всяких пристроек (см. рис. 1, III). Этот тип встречается в

обследованном районе, хотя, конечно, редко (в Навозах 2.5%, в Мнёве 3.6% из осмотренных домов). Отсюда намечается переход к двухкамерной постройке типа Х + С (хата + сени) (см. рис. 1, VI, рис. 2). Появление и развитие сеней можно проследить во всех стадиях от элементарной до наиболее развитой формы. Иногда встречается лишь намек на сени: соломенный навес над входом, жерди, кое-как положенные с крыши на землю, плетень перед входом, означающий контур воображаемых сеней; нередко дощатая пристройка; реже, но встре-

2. Двухкамерное жилище (внешний вид)
Хата Омелько Николаевича Хропатого, с. Мнёво

чаются, плетневые сени, однако более солидного вида, на столбах и под общей крышей с хатой. Еще более солидные сени — из тесин или досок, вертикально поставленных или положенных горизонтально и закрепленных в угловые столбы. Наконец, очень часто сени — это сруб, как и хата, но всегда особый, из другого, более грубо обработанного материала, «в нечистый угол», без промазки, нередко со щелями между бревнами. Этот второй сруб обычно пристроен к хате при помощи столбов и прикреплен железными скобами. Последний тип составляет наиболее обычную форму сеней.

Сени имеют общую с хатой крышу, но это всегда конструктивно отдельная часть постройки, заметно отличающаяся от хаты и по внешнему виду. По размерам сени могут почти равняться хате, но в них не бывает окон, печи, дощатого пола («моста») и потолка. Используются сени по-разному: в них производятся некоторые хозяйственные работы, хранится инвентарь и запасы, особенно если нет особой коморы.

Таким образом, все стадии развития от однокамерного к двухкамерному жилищу бытуют в изученном районе. Если это развитие намечено правильно, то оно проливает свет на вопрос о происхождении сеней как второго элемента восточнославянского жилища. Это — неотапливаемая пристройка, развившаяся из навеса над входом в жилье и превратившаяся в самостоятельное помещение для хозяйственных целей.

Двухраздельный тип жилища Х + С является господствующим на данной территории. Построек этого типа в с. Мнёве насчитывается 49%, в Навозах — 46%, в Ведильцах меньше — 33%. Фактически их еще больше, так как при подсчете сюда не включены постройки, в которых от сеней отгорожена часть наподобие коморы.

Это разделение сеней есть уже переход от двухкамерности к трехкамерности. Переход этот тоже представляет собой целый ряд промежуточных стадий. Внутри сеней иногда отгораживается невысоким заборчиком сбоку или в углу место для свиней, птицы, телят. Заборчик заменяется местами дощатой перегородкой обычно не доверху и не во всю ширину сеней. За ней место для хранения хозяйственных вещей. Дощатая перегородка может быть и более солидной, глухой с дверью. Она может отгораживать глубину сеней или их боковую часть, против входа в хату. В таком случае перед нами уже подобие настоящей коморы (рис. 1, VIII).

Если такие постройки, с разделением сеней внутри, признать трехкамерными (Х + С + К), то таких условно трекамерных жилищ окажется в Мнёве 40%, в Навозах 37%, в Ведильцах 53%. Однако большинство их в действительности должно быть отнесено не к трехкамерному, а к двухкамерному типу: и по наружному виду и конструктивно они состоят из двух частей, обычно — из двух почти равновеликих срубов. Внутренняя перегородка в сенях не меняет дела. Во многих домах она поставлена гораздо позже, чем сооружена основная постройка, и нередко в старых сенях видишь новенькую дощатую перегородку.

Перед нами, очевидно, не настоящая конструктивная трехраздельность жилища, а некоторый ее суррогат: нуждаясь в особом помещении для хранения вещей, продуктов, инвентаря (ибо сени — проходное помещение), хозяева отгораживают для этой цели часть сеней в качестве коморы. В действительности, таким образом, в обследованных селах резко преобладает двухраздельный план жилища (Х + С). Нельзя не сопоставить этого факта с таким же господством двухкамерного типа в соседней Белоруссии, что хорошо установлено Н. И. Лебедевой. [1] Перед нами, может быть, древний культурный слой, общий белоруссам и северным украинцам.

Настоящая трехраздельная постройка встречается в изученных селах сравнительно редко: о ней можно говорить лишь тогда, когда комора — третья часть постройки — представляет собой особый сруб. Он примыкает к сеням как их продолжение, подобно тому, как сами сени составляют продолжение хаты. Он может при этом быть меньшей ширины, чем сени, и тогда его фасад или задняя стена отступает от линии стены хаты-сени, составляя спереди или сзади уступ, уходящий под навес крыши, иногда опирающийся на столбы (рис. 1, II). Комора в таких случаях имеет обычно отдельный ход снаружи, с той же стороны, как и сени, или с противоположной, а из сеней хода не имеет (или он прорублен недавно). Наконец, комора может в виде особого сруба помещаться внутри сруба-сеней (рис. 1, V). Все названные случаи наблюдаются в обследованных селах, хотя и редко.

Во всех таких случаях комора представляется особым сооружением, как бы извне приставленным к хате или сеням. И очень вероятно,

[1] Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.

что исторически именно таково ее происхождение. По рассказам стариков, прежде коморы часто строились отдельно от жилья, во дворе. Так строится доныне у белоруссов клеть (свирон), так строится она и у литовцев. У русских исследователи предполагают такое же самостоятельное происхождение клети, лишь впоследствии, и то не вполне, слившейся с избой-сенями. У чехов и словаков прослеживается такое же самостоятельное бытование в прошлом клети. Весьма правдоподобно, что в прежнее время и в изученном нами районе господствовало обособленное положение коморы («вімбара») на дворе при двухраздельности жилой постройки Х + С.

В настоящее время отдельных комор, стоящих во дворе, почти не встречается (если не считать сарайчиков, выполняющих отчасти их роль), как не встречается и особых клунь для немолоченного хлеба (который сейчас тоже хранится, когда он есть, в тех же сараях или в сенях).

Когда же и почему исчезли самостоятельные коморы, присоединившись к сеням или слившись с ними? В ответ на этот вопрос жители указывают на два обстоятельства: боязнь воровства, заставившая хозяев держать добро ближе к хате, и «преследование» богачей, хранивших в коморах свое имущество (в период раскулачивания), что, повидимому, сделало самый факт обладания коморой одиозным. Если это верно, то лишь в новейшее сравнительно время вышли из употребления отдельные коморы. Естественно, что в замену им и стали усиленно отделять особое помещение в сенях, которое и превратилось в комору или стало выполнять ее функцию.

В ряде обследованных случаев комора, непосредственно примыкающая к сеням в виде особого сруба, действительно стояла раньше отдельно, а впоследствии была перенесена и пристроена к сеням.

Такой же процесс перенесения клети и пристройки ее к сеням был отмечен как факт новейшего времени Н. И. Лебедевой для Белоруссии.

Если изложенные соображения верны, то можно думать, что трехкамерность в плане жилой постройки в изученном районе является не результатом внутренней эволюции двухкамерного жилья или расчленения сеней на сени-комору, а скорее результатом контаминации этого процесса расчленения с другим процессом, в силу которого самостоятельная прежде хозяйственная постройка присоединилась к жилой. В таком случае развитие трехкамерного плана в изученном районе более аналогично эволюции построек у белоруссов и русских, чем у коренных украинцев. У последних, в степной Украине, трехкамерность может иметь совсем иное происхождение.

Тем более не имеет ничего общего указанный процесс развития трехкамерности с эволюцией франконского (верхненемецкого) трехкамерного дома с отапливаемыми сенями.

Вопрос о происхождении двухкатных форм жилища на изученной территории менее ясен. Они встречаются здесь редко (рис. 3). В Навозах двухкатных построек (типа Х + Х, Х + Х + С, причем сени стоят или на продолжении оси дома или сбоку, в виде «колидора») только 13%, в Ведильцах около 12%, а в Мнёве всего 6—7% (рис. 1, I, IV, VII). Так как Мнёво вообще представляет, по многим признакам, село с сохранившимся наиболее архаичным обликом в постройках, то такое количественное соотношение уже само наводит на

мысль о позднем появлении здесь построек двухчастного плана. Об этом же говорят и сведения по истории отдельных построек этого типа. Среди них почти нет очень старых. Напротив, о большинстве известно, что такое жилище с двумя хатами возникло в результате перестройки однохатного дома: вторая хата поставлена вместо прежних сеней. Правда, отмечены и случаи противоположного перехода: дом построен на две хаты, но одна из них заброшена, используется как сени, как комора или хлев, в ней не живут. Однако и эти факты приводят к тому же

3. Двухчастное жилище (внешний вид)

Хата Федора Омельковича Тукун, с. Ведильцы

выводу. Создается впечатление, что двухчатная постройка не коренится в глубокой народной традиции; ее редко сооружали и зачастую уже построенную превращали в более привычную однохатную.

Следует отметить, что среди построек двухчатного плана совершенно отсутствует один тип, широко распространенный в коренных степных областях Украины: тип X + С + X, т. е. две хаты, разделенные сенями. Этот тип, хорошо известный и южным и северным великоруссам («чистая изба», «светлица» или «горница», строящаяся на месте клети по другую сторону сеней), совершенно не встречается в изученном нами районе. Исключением является одна постройка в с. Карховке.

Зато двухчатная постройка нередко оказывается разделенной на две отдельных хаты, с забитой дверью между ними и с выходами из каждой через отдельные сени (тип С + X + X + С). Таким путем двухчатная постройка фактически превращается в два отдельных жилища двухкамерного плана каждое. Живут в них в таких случаях чаще две сродственные семьи, отец и женатый сын, невестка и свекор со свекровью. Этот факт опять говорит о какой-то инородности двухчатного типа постройки в изучаемой нами среде, о стремлении свести его к привычному типу постройки с одним жильем.

Хотя происхождение и история двухчатного жилья на изучаемой территории остаются все же пока весьма неясными,— а для выяснения этого вопроса необходимо привлечение старого литературного и архивного материала, что пока не сделано,— однако представляется

почти несомненным, что на этой территории двуххатный план жилья не является исконным, а скорее поздним и, может быть, заносным.

Экспедицией обследованы формы застройки усадьбы. Господствующим является разбросанное и беспорядочное расположение хозяйственных и жилых построек на усадьбе. Замкнутый двор встречается как исключение, главным образом у более богатых. Чаще всего встречаются такие черты в порядке застройки усадьбы: жилой дом поставлен фасадом к улице, против входа или перпендикулярно улице; сарай и хата фасадами друг к другу; сарай или сараи расположены задней стеной на улицу или составляют часть боковой изгороди усадьбы; нередко встречается глаголеобразная форма сарая.

В новейшее время сохранилось малое, сравнительно с прошлым, количество и разнообразие надворных построек. Клунь, конюшен, возовней, амбаров и комор на дворе почти не встречается. Имеются лишь сараи и хлев, иногда то и другое вместе, разделенное на несколько частей: для скота, свиней, сена, соломы, снопов, дров и пр. Обычно имеется погреб, но часто запущенный, даже без навеса над ним; изредка встречается погреб в сенях. Часто во дворе колодезь с журавлем или без него, обычно на границе двух усадеб.

В расположении жилища и хозяйственных построек на усадьбе обнаруживаются чисто украинские особенности. Жилой дом никогда не выходит фасадом на улицу (исключение составляет с. Карховка, вообще не типичное по многим признакам). Как правило, хата стоит в глубине усадьбы, отделенная от улицы забором, плетнем.

Ориентировка фасада жилого дома определяется двумя условиями: положением к улице и к странам света. По с. Мнёву около 50% всех хат (точнее 46.7%: 110 из обследованных 250) стоят, хотя и в глубине усадьбы, но фасадом к улице и параллельно ей. Это положение, повидимому, надо считать наиболее излюбленным, что подтверждают и сообщения жителей. Почти такой же процент построек стоит приблизительно перпендикулярно к улице, узким боком к ней: одни жилым боком (хатой), другие нежилым (сенями или коморой); то и другое положение почти одинаково часто встречается (22,9%, 24.1%). Совсем мало построек, обращенных задней стеной к улице (6.3%). Хотя контур усадеб редко имеет прямые углы, однако хата почти всегда стоит не под косым углом к улице, а параллельно или перпендикулярно ей.

Более важным фактором, определяющим, как обычно отмечается в литературе, положение украинской хаты, является ориентировка ее по странам света. Наши материалы подтверждают это: излюбленным является положение хаты или фасадом или жилым боком на юг. Из 164 хат, ориентировка которых по странам света была отмечена (с. Мнёво), 39 хат, т. е. 24%, обращено точно или приблизительно фасадом на юг, 33 хаты, т. е. 20%,— на запад и 28 хат, т. е. 17%,— на восток; но в обоих последних случаях жилой бок (хата) обращен всегда, без единого исключения, на юг и никогда на север. Фасадом на север смотрят 12 хат, т. е. 7,4%.

Таким образом, положение хаты определяется обоими указанными факторами. Это говорит о преобладании в данном отношении украинской традиции.

Планировка села в изученном районе типична для Украины. Господствующая форма поселений, судя по четырем обследованным селам

и по устным сообщениям жителей,— большое село беспорядочного и разбросанного плана. В каждом селе имеется обычно одна главная улица или две, или несколько, с отходящими от них переулками, пересекающимися и разветвляющимися наподобие лабиринта, в котором немудрено заблудиться, с закоулками и тупиками. В стороне от главной части села обычно стоят небольшие группы хат, хутора. С обеих сторон улиц и переулков тянутся заборы, плетни и глухие задние стены сараев усадеб, в глубине которых расположены жилые постройки. Все полно зелени; деревьев много, но в числе их мало плодовых, а больше ива, тополь, белая акация, дуб и др.

* * *

Помимо построек, экспедиция занималась также изучением народной одежды, в известной части — особенно у женщин — сохранившейся до сих пор. Сделаны некоторые наблюдения и над семейным бытом и изменениями в нем, в связи с событиями последних лет, и собран материал по пережиткам древних обрядов и верований.

Д. В. НАЙДИЧ

РАБОТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА КОМПЛЕКСНОЙ ПЕРЕЯСЛАВО-ХМЕЛЬНИЦКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Летом 1945 г. в составе комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР, проводившей под руководством проф. Б. А. Рыбакова исследования в Переяславо-Хмельницком районе УССР, работал этнографический отряд, возглавлявшийся автором настоящего сообщения.

Этнографический отряд экспедиции состоял из 6 человек. В августе 1945 г. он проводил работу в передовом колхозе им. В. И. Ленина в селе Соснове, расположенном в 25 км. на северо-восток от Переяслава-Хмельницкого, недалеко от реки Супоя. Задачей экспедиции являлось изучение народной архитектуры украинцев, их одежды и орнамента.

Село Соснова лежит возле массива хвойных и лиственных лесов, тянущихся на запад и являющихся остатками древних лесов, покрывавших север Переяславщины. В крепостное время население села составляли казаки и крепостные крестьяне четырех помещиков. Перед Октябрьской революцией в селе было много богатых казаков и крестьян, имевших по 60, 100 и 300 га земли.

Колхоз организован в 1929 г. Перед Великой Отечественной войной он был оснащен новейшей техникой, имел хорошие животноводческие фермы и сад, прекрасную школу-десятилетку, хорошо оборудованный детский сад. Все это уничтожили фашисты. После их изгнания пришлось заново создавать колхозное хозяйство. В настоящее время колхоз производит зерновые и технические культуры. Животноводство представлено фермами — рогатого скота, свиноводческой и овцеводческой. Ведутся строительные работы по расширению ферм. Имеется также птицеферма, пасека и сад площадью в 15 га. За развитие животноводства колхоз в 1944 г. получил республиканское и областное переходящие красные знамена и премию в 75 тыс. руб.

Председателем колхоза с 1944 г. является член партии, партизан Отечественной войны Михаил Антонович Грім, в 1941 г. бывший комиссаром партизанского отряда, защищавшего вместе с Красной Армией Киев. Партизаны топили вражеские пароходы, взрывали мосты и нефтебазы, уничтожали по селам фашистские отряды. Два раза т. Грім бежал из лап гестапо. Как уроженец села Григоровки, он указал Красной Армии наиболее выгодную переправу через Днепр и участвовал в форсировании его. Основной рабочей силой в колхозе являются женщины, которым помогают старики и подростки.

Жилищный фонд села сильно пострадал от фашистских захватчиков, но подоспевшая Красная Армия и партизаны не дали им возможности уничтожить село.

В настоящее время село, живописно раскинувшееся по холмам, утопает в зелени фруктовых садов. Обширные усадьбы колхозников окружены садами, огородами и коноплянииками. Высокая конопля, достигающая роста человека и выше, представляет во многих усадьбах сплошные густые заросли, отделяющие хату и сад от улицы живой непроницаемой изгородью. В садах растут яблоки, груши, вишни, сливы, а в некоторых абрикосы и шелковица. В огородах созревают огурцы, свекла, капуста, помидоры, картофель, фасоль, мак, тыква и коегде дыни. Подсолнечник и кукуруза сажаются по сторонам дорожек и вокруг гряд с овощами, но местами составляют и сплошные посевы. Имеются на усадебных участках и посевы зерновых.

Перед окнами каждой хатки, как правило, разбит цветник. На фоне зелени ярко выделяются белизной подчеркивающие чистоплотность хозяек белые хатки и белые или бревенчатые хозяйственные строения.

Замечательным явлением надо признать почти полное уничтожение заборов и оград между усадьбами колхозников. Они имеются только со стороны улицы. Прежняя замкнутость и изолированность крестьянских дворов исчезли.

Жилища колхозников обычно расположены в глубине усадеб, иногда очень далеко от улицы. Постановка хаты той или другой стеной к улице и ориентировка по странам света часто зависят от конфигурации усадебного участка, но всегда стремятся поставить хату «причілковой» или «передпічней» стеной на юг.

Экспедицией собран материал, рисующий процесс развития горизонтальной планировки жилых построек от двухкамерного плана (хата + сени) к многокомнатному сложному плану. Дома колхозников представлены старыми и новыми постройками двухкамерного, трехкамерного и многокомнатного типов.

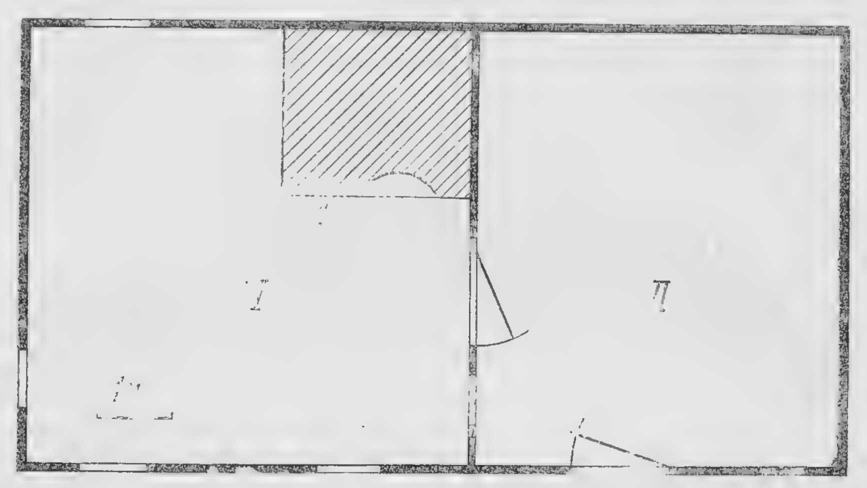
Хате А. И. Коваленко более ста лет. Она построена «у зруб у замок» и представляет двухкамерное строение хата + сени. На юг хата обращена «передпічней» (фасадной) стеной, на улицу «пороговой» стеной (где вход из сеней), а сени — боковой стеной. Пол в хате и сенях земляной, вымазанный глиной. Крыша четырехскатная соломенная. Печь расположена справа от входа и челюстью обращена к «передпічней» стене. От печи к «причілковой» стене на двух лавах — скамьях настлан «піл» из досок, заменяющий кровать.

Хата В. И. Ошкало представляет трехкамерное жилище: хата + + сени + комора. А. Харузин называет этот тип трехраздельным славянским домом, типичным своими сенями, отопляемым помещением с одной стороны и неотопляемым — с другой, имеющим долгую историю развития и своими основами уходящим в праславянскую эпоху. Он считает его общим типом для восточных, южных и западных славян.

Хата обращена «причілковой» стеной на юг и на улицу, фасадной — «предпічней» стеной — на запад. Печь находится слева от входа. Наискось от нее, в противоположном по диагонали углу, находятся «покуття» (красный угол).

Хата построена в 1889 г. в селе Строкове в 10 км. от Сосновы и в 1899 г. перевезена в Соснову, где сделали комору из нового материала. И хата и комора построены «у зруб у замок». Комора стоит на

«торчах» — дубовых колодах. Сруб хаты и сруб коморы соединены сенями, сделанными «у шули и закид». Между хатой и коморой, по четырем углам, ставят четыре «шули» — столба и соединяют между собой и со срубами продольными пластинами два фасадных и два тыловых столба. Таким образом сени представляют собой строение, две боковые стены которого составляют: одна — пороговую стену хаты со входом, другая — боковую стену коморы со входом, и только две другие стены

1. План двухкамерного жилища (Х + С).
Хата А. И. Коваленко (половина XIX в.)
Колхоз им. Ленина, Переяславо-Хмельницкий район Киевской области

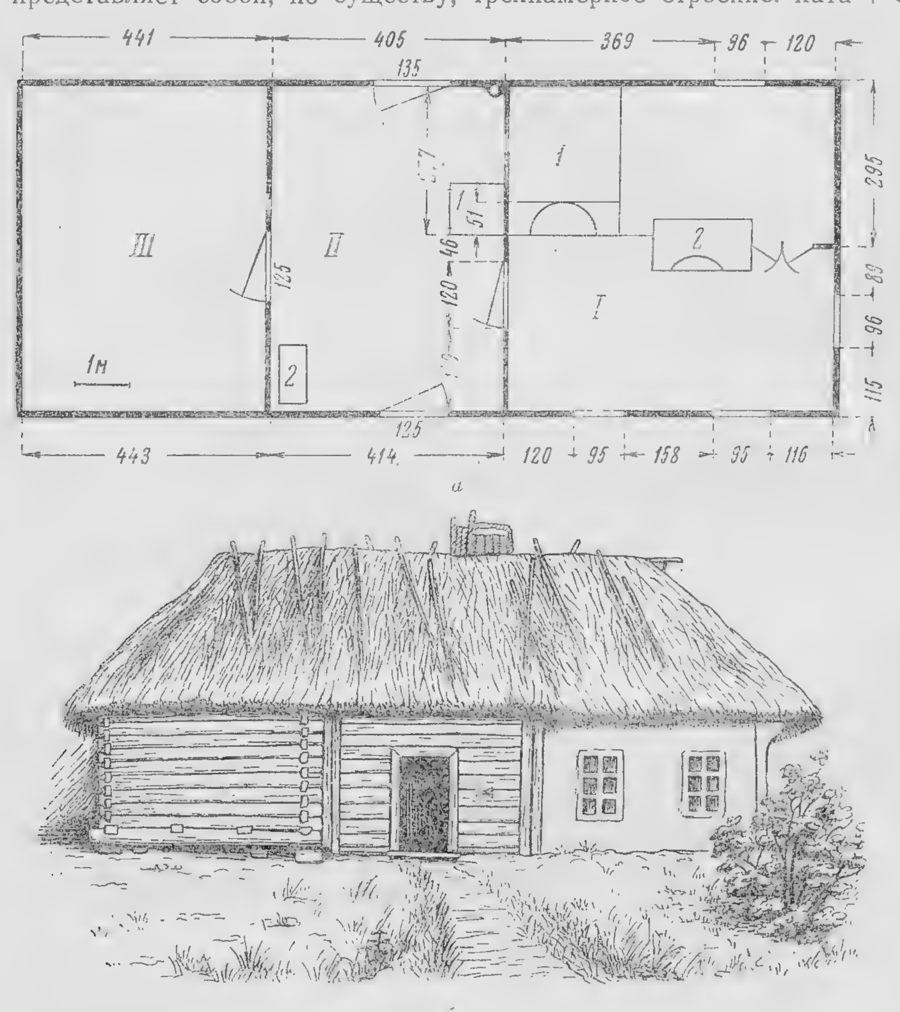
(фасадная и тыловая) сделаны «у шули». Пол в хате и сенях земляной, вымазанный глиной, в коморе деревянный. Хата обмазана глиной с навозом и побелена внутри и снаружи; комора и сени не обмазаны и не белены. Четырехскатная соломенная крыша покрывает все трехкамерное строение. Перед войной в хате была устроена рядом с печью плита, и от нее к «причілковой» стене проведена легкая дощатая перегородка с дверью, образующая как бы комнату с прерывистой стеной.

Печь построена «до бовдура», или «трубы», как чаще говорят в Соснове. В боковой пороговой стене хаты имеется отверстие из «комина» печи, выходящее в «бовдур», стоящий в сенях. Он представляет трубу, сделанную из четырех тонких высоких столбов, вертикально поставленных возле дымового отверстия из хаты и соединенных «поперечечками». Поперечечки переплетаются лозой и обмазываются глиной внутри и снаружи и также белятся.

Другим видом трехкамерного жилища является хата М. А. Ошкало: хата + сени + хата. Старая хата построена в 1865 г., новая хата и сени — в 1908 г. Обе хаты срубные в замок, сени «закиданы у шули». Строение обмазано глиной с навозом и побелено. Пол земляной, вымазанный глиной. Крыша четырехскатная соломенная. В 1940 г. в сенях сделан «чуланец», являющийся тыловой частью сеней, отгороженной досками от передней части сеней, где находятся входы в обе хаты. «Причілковая» стена новой хаты выходит на улицу и на юг, старой хаты — на север. «Передпічни» окна в обоих хатах выходят на запад. Печь в новой хате — налево от входа, в старой — направо от него. Как пра-

вило, в противоположных от печи по диагонали углах хат находятся «покуття» — красные углы.

Хата Е. Т. Гордиенко построена 16 лет назад в шулы в закидку и представляет собой, по существу, трехкамерное строение: хата + се-

б

2. Классическое трехкамерное жилище (X + C+X).

Хата В. М. Ошкало (постр. 1889 г.)

а—план, *б*—внешний вид

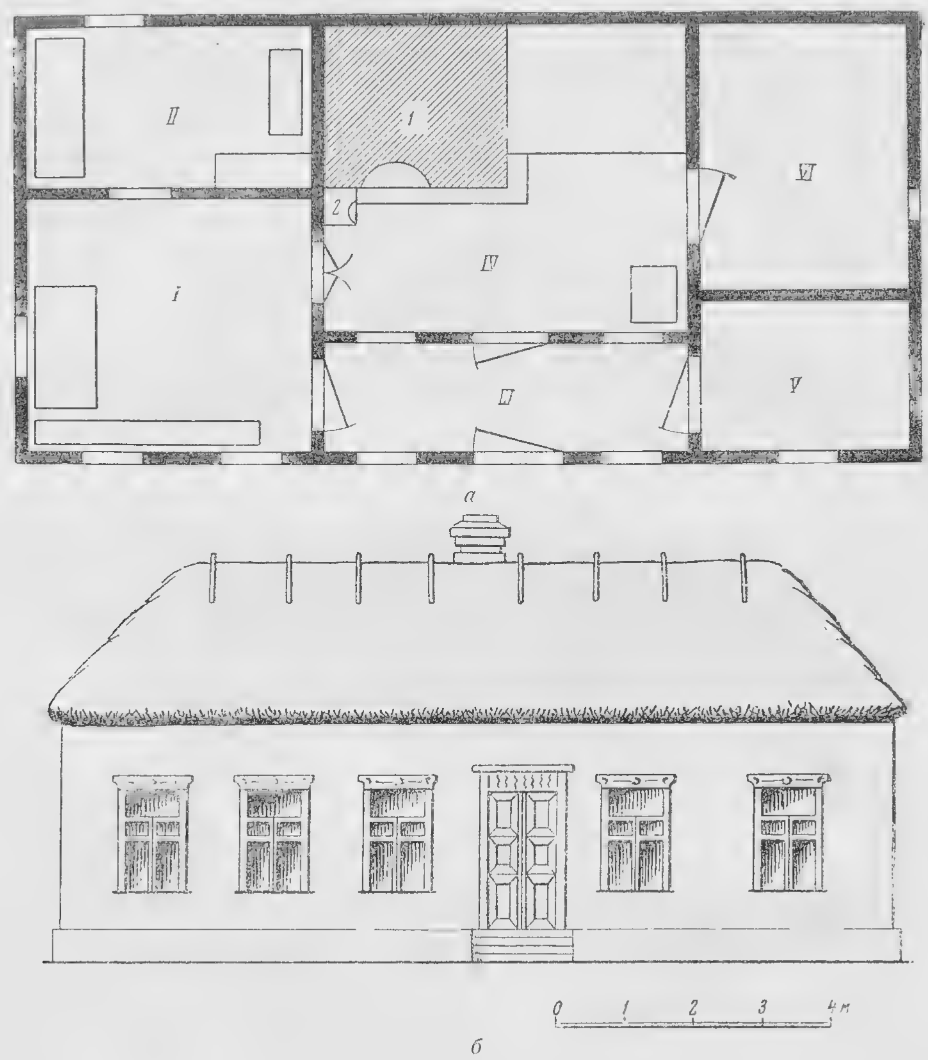
ни + хатыня; но сени уже при самой постройке дома уменьшены, и половину их занял чулан. Перед домом имеется вход с двухскатной крышей на четырех столбах.

Хата С. И. Ошкало, построенная в 1938 г. в шулы в закидку, является пятикомнатным строением: сени + чулан + хата + комната + комната.

Хата Л. С. Рощина построена хозяином по собственному плану. Это красивый дом с разрисованными деревянными наличниками окон. В нем имеются следующие помещения: комната + комната + сени + хата +

хижа + чулан. Л. С. Рощин — механик по специальности, самородок в области художественного оформления жилища и рисования по стеклу.

Изученные материалы показывают, что дома колхозников, построенные перед Отечественной войной, представляют собой жилища город-

3. Многокомнатное жилище

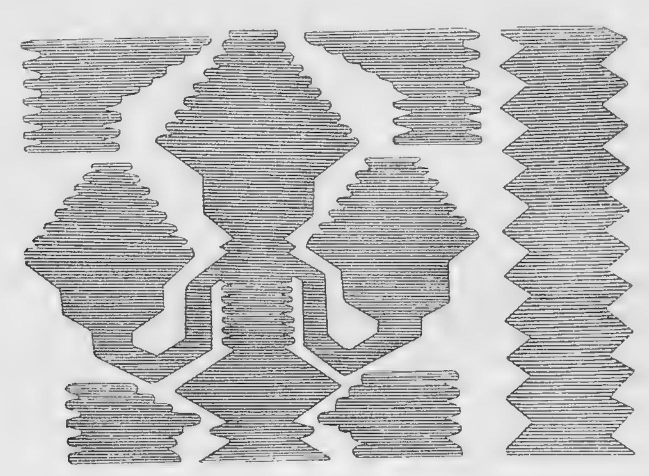
Шестикомнатный дом Л. С. Рощина, построен в 1938 г.

а — план, *б* — внешний вид

ского типа, как по плану, так и по размерам окон и дверей, но сохраняют рядом с комнатами хату с «пічью» и «пілом» для сна.

Одежда колхозников, особенно молодежи, аналогична городской. Национальный костюм бытует у старшего поколения и реже встречается у молодого. Наиболее красочной частью женского костюма является орнаментированная сорочка. Она шьется из домотканого или покупного полотна в три полотнища, с прямыми «уставками» — поликами,

пришитыми «у бік», по основе. Редко встречается рукав с прямой уставкой, пришитой «зверху» — по утоку, как в сорочке Е. И. Бут, или «суцільний» рукав без полика, как в сорочке С. И. Ошкало, приготовленной «на смерть». Сорочки с прямыми поликами, пришитыми по утоку, считаются сорочками старинного покроя. По рассказам Е. Н. Ошкало, 73 лет, Н. Ф. Дейка, 75 лет и П. И. Бут, 57 лет, подобные рубашки носили их бабушки, называвшие этот покрой «старым шитьем»; сами они носили уже сорочки с поликами, пришитыми по основе. «Уставки», рукава, «подолки» вышивают крестом, мережкой, или «вырезуванием» и «настилуванием».

4. Тканый узор с конца рушника
М. С. Нечипоренко, колхоз им. Ленина, Переяславо-Хмельницкого района Киевской области

Спидницы, фартуки и кирсетки шьют из покупной материи. Последние шьют до семи «усиків», иногда до девяти. Кроме кирсеток носят кофты из покупной материи, отделанные бархатом. «Юпки» пожилых женщин шьются из темной покупной материи и имеют пять «усиків». Этот старинный покрой «юпок» и «кожушанок» заменяется покроем типа прямого пальто.

Мужской костюм преобладает городской, только сорочка сохраняет старые формы. Она имеет туникообразный покрой второго подтипа, когда рукава пришиты к среднему полотнищу. «Комір» — ворот, грудь и «чохли» вышиты.

Орнамент бытует геометрический, растительный во всех его видах — от сильно геометризованного до чисто растительного — и животный в виде птиц и стилизованных животных.

На рушниках с ткаными красными узорами преобладают растительный орнамент и изображение «великой богини». Скифские и дако-сарматские религиозные изображения в русском народном творчестве в виде «великой богини», «царицы небесной», прослеженные проф. В. А. Городцовым в севернорусских женских вышивках, а проф. Б. А. Рыбаковым на более широком материале русского искусства, обнаружены этнографической экспедицией в тканом орнаменте украинских рушников, украшающих хаты колхозников в селе Соснове.

На домотканом рушнике В. И. Ошкало в центре узора изображена сильно стилизованная женская фигура с протянутыми руками, опирающаяся локтями на подобие жертвенников, стоящих по сторонам ее. В руках богиня держит чаши, переходящие в конские головы, обращенные к богине. Далее, рядом с жертвенниками расположены растения, над ними — изображения короны с крестом, а выше их — птица, повернутая головой к богине. По краям этот узор замыкают вертикально стоящие змеи. Этот мотив повторяется два раза, друг над другом, а затем идет более узкая полоса орнамента с изображением находящейся в центре чаши с ромбами по сторонам, рядом с которыми стоят деревья и возле них вертикальные змеи, замыкающие узор. Орнамент заканчивается узкой полосой, изображающей ряд птиц.

Изображения «великой богини» имеются на домотканых рушниках М. С. Нечипоренко, А. И. Бабич, на покупном кролевецком рушнике М. А. Ошкало и др.

Обнаруженные изображения «великой богини» в тканом орнаменте украинских рушников, употребляющихся в свадебном обряде и как «набожники», обрамляющие иконы, говорят об общности религиозных представлений украинского и русского народа, уходящих в глубочайшую, дохристианскую древность.

Кроме рушников с тканым орнаментом имеются вышитые крестом рушники, на которых превалируют изображения цветов, встречается также мотив лотоса и птицы. Геометрический и сильно геометризованный растительный орнамент вышиты «выризуваньем» и «настилуваньем». Последний вид орнамента выполняется наиболее тонко и изящно, хотя техника его выполнения наиболее трудная. Красочными рушниками чаще всего украшают красные углы, «покуття», и стены возле них.

Выявленные экспедицией интереснейшие материалы по одежде и орнаменту, в частности, изображение «великой богини», настоятельно требуют дальнейшей полевой работы и уточнения на более обширной территории.

С благодарностью отмечаем помощь, оказанную нам в работе партийными и советскими организациями района и колхоза.

И. Ф. СИМОНЕНКО

ЭКСПЕДИЦИЯ НА УКРАИНУ В 1945 г.

Экспедиция Института этнографии АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР на Украину летом 1945 г. имела целью собрать материалы, характеризующие быт западных украинцев, переселившихся с Холмщины и Лемковщины в восточные области УССР. Работа экспедиции велась в Полтавской, Николаевской и Кировоградской областях. Собран интересный материал по одежде, жилищу и некоторым обрядам западных украинцев.

ОДЕЖДА

Холмские украинцы мало или почти не сохранили украинский костюм. Мужчины носят в подавляющем большинстве костюм общеевропейского покроя. Часто можно встретить смесь европейско-польско-украинского. Так, например, брюки и головной убор общеевропейского типа, куртка — польского покроя, а рубашка — из домотканого полотна украинского покроя.

Утрата национального костюма объясняется сильным преследованием со стороны польской шляхты, имевшим место особенно за последние несколько лет перед войной 1941 г. Так, например:

1) В Холмском повите преследовали «тех, кто носил вышитые украинские рубашки. Например, в с. Сечин избивали и кололи руки иголками тем, кто вышивал, и тем, кто носил такие сорочки» (Званко Иван Александрович, с. Хилин Холмского повита);

2) «На Холмщіні боялись носить український одяг, тому що за це поляки дуже тяжко били, а перед тим здіймали український одяг, роздерали його на шматки. Отже в 1938 т. пошматкували одежу Ганни Іванівни Швай, з села Сечин, та облили нафтою, а Максилюка Івана били так, що він мусів зостатись без руки, але йому пощастило» (Пикула Петро, с. Хилин, Холмского повита).

Женщины украинки из Холмщины больше сохранили украинский характер костюма. Они носят сорочки из домотканого полотна, широкие покупного ситца или домотканого крашеного полотна «спідниці», фартуки, «блюзки» (кофточки) и головные платки (завязывая концы сзади, а старухи под подбородком). По покрою их костюмы во многом приближаются к костюму полтавской женщины.

Несколько иначе обстоит дело у лемков. Живя в горных и часто малодоступных районах северного Прикарпатья, они испытывали меньшее

влияние и меньше подвергались преследованиям со стороны поляков, поэтому они больше сохранили свой национальный костюм.

Здесь мужчины носят: 1) холошни из домотканого белого сукна, оригинального покроя, вышитые цветными шерстяными нитками; 2) камизелю (безрукавку) темного цвета с яркой цветной вышивкой; характерная особенность камизели состоит в том, что она выкраивается из одного полотнища без швов по бокам и на спине; 3) украинскую из домотканого полотна сорочку, иногда с вышивкой; 4) войлочную шляпу со светлой или темной узкой ленточкой, нашитой по окружности; 5) «опанки» (постолы) из кожи домашней выделки или покупные ботинки.

В этом костюме имеются вариации, отличающие одно село от другого:

1) В одном селе войлочные шляпы только черные, с коричневым ремешком вместо ленты и белыми речными ракушками, пришитыми к ремешку; в другом — только темнозеленые, с черной лентой, в третьем — какого-либо другого цвета, либо другого типа ленты и т. д. и т. п.

2) Холошни в одном селе или группе сел расшиты цветными нитками, а в другом — только с одним черным кантом и т. п.

3) «Камизельки» в одних селах ярко вышиты растительным орнаментом с применением бисера и металлических блестков, а в других селах — без вышивки, гладкие, но только из темносинего сукна с густым рядом медных пуговиц спереди.

У женщин еще больше разнообразия. С первого взгляда кажется, что абсолютно каждое село имеет свой костюм. В действительности это имеет место, но принцип покроя костюма остается общим для всех женщин «лемківщини».

Женщины (дівчата и молодиці) носят: 1) «опліча» (сорочка без подола), вышитые или гладкие; 2) «кабат» (спідниця), довольно широкий, со сборкой кругом; оригинальность его состоит в том, что сборки так тщательно и ровно уложены и заглажены, что создают впечатление «гофрировки»; 3) «корсет» (горсет) — короткая, без рукавов, в талию куртка; она имеет очень большой выкат воротника как спереди, так и сзади; покрой корсета почти одинаков повсеместно; зато вышивки и другие украшения варьируют, например, в одном селе корсет шьется только из темного «плиса» или сукна, вышивается бисером или цветными нитками, в другом селе он шьется из ярких цветных материй (шерстянок) с настрочкой сверху различных фигур из черной тесьмы, а в третьем селе шьют корсет из темной материи, с небольшой, почти незаметной машинной выстрочкой по краям, но зато ярко вышивают «опліча» (почти весь рукав и грудь); 4) фартук, в большинстве белый, из домотканого полотна, две трети его вышиты (снизу), и только верхняя треть остается белой; вышивка — ромб, заполненный внутри стилизованными лепестками цветка; реже носят фартук из белого покупного материала, вышивки в этих случаях гораздо меньше; 5) голову покрывают платком, завязывая концы сзади; платки в будни преобладают белые, ситцевые, а в праздничные дни «червоные», из тонкой шерстяной материи, с фабричной пестрой раскраской (растительный орнамент).

Одежда старух такого же покроя, только преобладает темный цвет и почти отсутствует яркая вышивка корсета, «опліча» и фартука.

ЖИЛИЩЕ [1]

В этнографической литературе принято считать, что украинская хата — это беленькое здание под гладко подстриженной соломенной крышей, которое выглядывает меж деревьев и кустов, окружающих его. «З дуже невеликою кількістсю винятків цей тип домінує на цілому просторі України... і дуже помітно вІдзначається від польських «халуп». [2] Крыши таких хат по всей Украине отличаются «досі великою одноманітністю,— принаймні в основних своЇх рисах, що з них найголовніша — чотирьохсхилість». [3]

Относительно планировки такого жилища все исследования дают одно показание: это «звичайний, так би мовити, класичний тип української хати — трехкамерний, що складається з сінеї, з властивої хати по один бік їх, та з комори — по другий бік». [4]

Двухкамерные жилища — сени + хата — хотя и встречаются по всей Украине, но они имеют облик «бідної або нескінченоЇ будови».

Сравнивая хату холмского украинца с этой, как ее назвал Вовк, классической хатой, нельзя не видеть их идентичности. Из материалов, собранных во время экспедиции, видно, что на Холмщине типичным жилищем украинцев является рубленое, в большинстве случаев побеленное известью помещение с четырехскатной крышей, покрытой соломой, реже черепицей или «гонтой» и еще реже железом. По внутренней планировке жилища разбиваются на три весьма неравные группы: двухкамерные, трехкамерные и различные другие варианты, по принципу той же трехкамерной хаты.

Двухкамерные постройки, состоящие из сеней и хаты, встречаются очень редко. Местное население считает, что такое жилище может встретиться только у «бобыля» или у очень бедного крестьянина. В 17 селах была встречена только одна хата с двухкамерной планировкой, но уже несколько модернизированной: сени, имеющие выход на обе стороны, перегорожены, и одна часть использована как кухня; там устроена плита, а варистая печь оставлена в хате.

Преобладающим типом жилища на Холмщине является трехкамерное сооружение, состоящее из сеней, хаты и коморы или из хаты, сеней и хыжи (меньшей хаты) вместо коморы. Стены в этих помещениях деревянные, рубленые, внутри и снаружи выбелены; крыша четырехскатная соломенная.

К третьей группе жилища украинцев Холмщины относится тот же трехкамерный тип с четырехскатной крышей, но с дополнительным внутренним делением либо сеней на две половины (кухня, комора), либо хаты на кухню и чистую половину (спальню), либо коморы и т. п.

В Засанье на «Лемківщині», упомянутый выше классический тип в планировке, в расположении камер и использовании их широко распространен. Из 14 изученных хат с. Чорна Вода Новотарского повита — пять двухкамерных, шесть трехкамерных и три трехкамерных,

[1] Украинцы Холмщины и Лемковщины переселились в восточные области УССР со всем своим хозяйством. Жилище изучалось по официальным документам, имеющимся на руках у каждого крестьянина, и по расспросным данным. В документах даны: план, размеры, конструкция, характеристика строительного материала и очень часто фотографии. По остальным элементам материальной культуры наблюдения велись в натуре.

[2] Вовк. Студії з Укр. Етногр. та Антропології. Прага, 1928, стр. 91.

[3] Там же, стр. 98.

[4] Там же, стр. 105.

но с перегородкой либо сеней, либо хаты, либо коморы. Если не принимать во внимание изменений в виде делений камер перегородками, то можно считать, что 35.71% жилищ села Чорна Вода двухкамерные и 64.29% трехкамерные (42.86% собственно трехкамерные и 21.43% с вариантами перегородок). Назначение частей жилища, их использование и терминология аналогичны распространенным в центральных и восточных районах Украины.

Во внешнем оформлении жилища лемков имеется отличие от классической украинской хаты: оно в подавляющем большинстве имеет двухскатную крышу. Из 36 изученных хат только три имели четырехскатную крышу. Объясняется это тем, что в качестве кровельного материала здесь преобладает черепица, гонта, тес, реже солома в комбинации с гонтой и еще реже железо.

Двухкамерный тип жилища, как наиболее древний, больше всего сохранился в самых отдаленных местах Карпатских гор и почти совсем не сохранился в предгорье и на равнине, где в настоящее время встречается только под названием «хыжа бобыля» (например в с. Андреевка Ново-Санчского повита).

Стены в двухкамерных хатах деревянные, рубленые, глиной не обмазаны и не побелены.

Однако во всех случаях отклонений в планировке принцип остается один: трехкамерный, который считается основным типом. В оформлении стен он ничем не отличается от двухкамерного.

Восточнее указанных повитов, т. е. ближе к Сану, жилище на территории, занятой украинцами, приобретает другой характер в планировке, назначении и использовании частей, но по конструкции и внешнему оформлению ничем не отличается от описанного выше двухкамерного и однокамерного. В подавляющем большинстве это постройки, где под одной крышей с хатой, сенями и коморой находятся «стайня», «бийско» и «стодола».

Собранный материал позволяет предположить, что данный тип жилища развился из основного типа — трехкамерного. Объединение жилых и хозяйственных построек под одной крышей по прямой оси происходило в силу ряда причин, связанных как с хозяйственно-экономическими, так и с географическими условиями. Развитие такого типа шло как по пути деления основных камер, так и по пути пристройки других хозяйственных помещений по прямой оси, которые при трехкамерном жилище строились отдельно.

В итоге о жилище лемков можно сделать следующие выводы:

1. В основе своей жилище является типичным трехкамерным жилищем украинцев;

2. В самых крайних западных уголках трехкамерный тип полностью сохранился и является господствующим;

3. Более древний тип — двухкамерный — сохранился только в самых отдаленных горных селах, как, например, с. Чорна Вода и др.;

4. Различные варианты видоизменения трехкамерного типа (разделение камер, выделение кухни, светлицы и т. п.) — явление последнего времени, происходящее под влиянием города;

5. Жилище с хозяйственными постройками под одной крышей в основе своей произошло от трехкамерного и нашло свое распростране-

ние только в районах, где это было целесообразнее с точки зрения хозяйственной и местных условий;

6. Все варианты жилища лемков (украинцев) отличаются от польского типа.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Записано три варианта свадебного обряда, причем один из них неполный, но зато со всеми песнями, которые поются, начиная с момента выхода молодых к венцу и до конца свадьбы. Среди этих вариантов имеется один интересный момент — «краянье долі». Делается это так: когда молодая идет к венцу, она берет небольшой хлебец, заворачивает его в платок и кладет подмышку, а дружка берет стакан с медом. После венца молодая идет в любую соседнюю к церкви, либо к своей — хату: вместе с ней идут близкие родственники, староста и дружки. В этой хате молодая вынимает хлеб, дает старосте, тот разрезает на маленькие кусочки, а дружка кладет на них немного меда и раздает всем присутствующим. Кусочки тут же съедаются, но большинство старается получить по несколько кусочков, чтобы снести своим домашним, главным образом, детям.

Этот свадебный обряд заслуживает дальнейшего изучения.

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

БРЯНСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(6 августа — 13 сентября 1945 г.)

Брянская фольклорная экспедиция была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР совместно с Московским государственным университетом. В работах экспедиции принял участие также Государственный литературный музей, откомандировавший своего сотрудника М. И. Кострову.

Общее руководство экспедицией принадлежало проф. П. Г. Богатыреву, частично принявшему участие и в полевой работе. Экспедиция встретила большую поддержку со стороны Брянского обкома ВКП(б), отнесшегося очень внимательно ко всем ее нуждам и принявшего участие в составлении экспедиционных маршрутов.

В соответствии с основной задачей экспедиции — изучения фольклора, связанного с событиями Великой Отечественной войны, были избраны и районы собирательской работы. Экспедиция разделилась на три отряда: первый работал в Дятьковском районе, северной группировке партизанского движения, наиболее активный центр которого — рабочий поселок Бытошь и окружающие его селения — в течение 9 месяцев после оккупации немцами Брянской области сохранял советскую власть; второй отряд был направлен в Навльский район, один из центров юго-восточной группировки брянских партизан; третий отряд работал в Брянском сельсовете; этот район был избран как один из интереснейших по сохранности традиционного фольклора.

По возвращении в Брянск были выработаны новые экспедиционные маршруты. В целях более полного изучения условий бытования и характера фольклора брянских партизан был организован ряд рекогносцировочных поездок в разные районы Брянской области: Новозыбковский, Почепский, Унечский, Жуковский и Клетнянский — районы наиболее интенсивных партизанских действий.

Фольклорное изучение Клетнянского района было значительно облегчено тем, что одновременно с экспедицией Института этнографии в этом районе работал сотрудник Комиссии по истории Великой Отечественной войны В. В. Кузин, собиравший документальные сведения по истории партизанского движения и установивший связь с 60 партизанами районного центра — Клетни.

С точки зрения изучения современного фольклора огромный интерес представляет собой и опрос гражданского населения, бывшего в значительной мере активным помощником партизан. С этой целью экспеди-

цией помимо Клетни было обследовано с. Каменец, одно из наиболее патриотических сел данного района, где население целиком было втянуто в партизанское движение. Вокруг с. Каменец в лесу были расположены партизанские лагери, и население было в постоянном общении с партизанами. Вот почему и многие произведения партизанского фольклора, полузабытые самими партизанами, сохранились в памяти окрестного населения, особенно среди детей.

Сложность поставленной задачи, краткость срока и недостаток средств не позволили в полной мере развернуть работу по собиранию партизанского фольклора. Работу экспедиции следует считать в значительной мере рекогносцировочной, требующей дальнейшего углубления и расширения. Вместе с тем нельзя не отметить своевременности начатой работы. Уже в настоящее время, как это показало обследование, партизанский фольклор в значительной мере забыт; в особенности это касается жанра частушек, поговорок, отчасти и песен. Пройдет несколько лет, и многое из партизанского фольклора будет окончательно забыто, тем более, что письменных памятников, альбомов, дневников с записями стихов и песен почти не сохранилось. Все это погибло во время немецкой блокады брянских лесов, в огне пожарищ, при многократной эвакуации населения.

Кроме непосредственных записей экспедиции удалось установить фамилии и адреса ряда партизан — знатоков и любителей фольклора, а зачастую и авторов ряда фольклорных произведений. Таким образом, в дальнейшем предстоит еще большая работа по получению фольклорных материалов от этих лиц путем установления с ними письменной связи, а в известных случаях и путем личных встреч.

Изучение партизанского фольклора велось следующим образом. Прежде всего с помощью работников района выяснялась общая история партизанского движения в данном районе; затем выявлялись его непосредственные участники. В ряде районов были организованы специальные собрания партизан. Кроме записей рассказов, в большинстве случаев из лично пережитого, на этих собраниях выявлялись любители и знатоки фольклора, с которыми в дальнейшем и производилась работа. Работа по выявлению партизанского фольклора и по выяснению вообще современного репертуара велась и среди гражданского населения, главным образом в среде молодежи и детей. Любопытно, что дети в возрасте 5—8 лет сохранили в своей памяти то, что уже утеряно взрослыми. Так, от детей записано много партизанских антинемецких частушек, распевавшихся населением в период немецкой оккупации.

При записи каждого отдельного произведения тщательно выяснялась история его возникновения, условия бытования и т. д. Был обнаружен ряд партизанских поэтов, авторству которых принадлежит значительное число песен, частушек, получивших широкое распространение в партизанской среде. Подробная документация материала ярко выявляет общественное значение фольклора, его социальную функцию. Во многих случаях фольклор играл роль общественного мнения. Таковы некоторые записанные экспедицией песни, особенно — частушки о «полицаях». В Бытоши один популярный партизанский поэт, автор многочисленных частушек и песен, однажды из-за отсутствия бумаги написал свои частушки о полицаях на березовой коре; в таком виде эти частушки были переданы в Бытошь и распевались там под шумок молодежью при общем сочувствии населения.

Помимо записей песенных текстов тщательно выяснялся весь репертуар партизан, место и роль в нем традиционного фольклора, в частности народной лирики и т. д.

По предварительным данным экспедицией записано около 300 партизанских песен (включая варианты) и значительное число партизанских и антинемецких частушек, из которых многие уже теперь имеют большой исторический интерес.

Большой интерес представляют современные «плачи». Целостных текстов не удалось записать, но получен ряд ценных сведений о тематике и характере современных плачей (это, главным образом, плачи по убитым партизанам).

Из героических жанров в наибольшем количестве записаны устные рассказы — жанр, как известно, стоящий на периферии фольклора. Наибольший интерес этих рассказов — в их правдивом отображении пережитого. В них ярко изображена интимно-бытовая обстановка партизанской жизни, запечатлен ряд героических образов. Жуткое впечатление производят рассказы детей, с наивной простотой говорящих о пережитых ужасах.

Многие рассказы имеют тенденцию к переходу в легенду, бродячий анекдот. Таковы, например, записанные экспедицией рассказы о комиссаре Мальцеве (начальнике Жуковского отряда партизан): «Как Мальцев мылся в бане с немцами», «Партизанская свадьба» и др. (следует отметить, что о Мальцеве сложены также песни и частушки). Таковы и рассказы анекдотического содержания о так называемом «помещике» — немецком ставленнике Бишларе, имевшем большую, но весьма позорную известность и за пределами Брянской области.

Экспедицией собраны также сведения о бытовании сказок в партизанской среде. В большинстве случаев это сказки-анекдоты, иногда весьма нескромного содержания (варианты подобных сказок имеются в сборниках Ончукова и бр. Соколовых). Удалось записать лишь два сказочных текста от сказочника-партизана.

Большой интерес представляют также записанные экспедицией рассказы-былички о войне (9 текстов). Это своеобразные легенды на темы о немецком разгроме и окончании войны. Их образы и мотивы весьма традиционны: говорящий волк, колдун, гадающий на петухах, мотив зажатого в руке колоса и т. п.

Широкое, почти повсеместное распространение получило весной 1943 г. обрядовое печение хлеба, в котором принимал обычно участие почти весь сельский коллектив. Испеченный хлеб передавался в следующее село, где он раздавался по кусочкам населению, а на одном из этих кусков заквашивался и пекся новый хлеб, который в свою очередь передавался дальше. Существовало поверье, что когда хлеб достигнет фронта, немцы будут разбиты и побегут.

Рассказы эти получили распространение преимущественно в среде пожилых женщин; они являются одним из ярких показателей глубокого патриотизма населения оккупированных немцами областей (обычай с хлебом зарегистрирован также в Смоленской области).

На материале быличек-поверий и обрядового печения хлеба может быть прослежена тема патриотической функции обрядового фольклора.

Экспедицией записан ряд так называемых «невольничьих» песен — песен девушек, побывавших в немецких концлагерях, а также ряд «фронтовых» частушек, т. е. частушек молодежи, главным образом

девушек, мобилизованных немцами на рытье окопов. Этот материал чрезвычайно любопытен как исторический документ.

Экспедицией тщательно выяснялся современный песенный репертуар молодежи. Значительный его процент составляют военные песни, усвоенные молодежью главным образом от фронтовиков: здесь и переделка популярных массовых песен, и более старый слой военных песен (эпохи гражданской войны, первой мировой).

Из числа записанных военных песен наибольший интерес представляют тексты песен о ген. Рокоссовском (победа под Сталинградом), о белорусском партизане, Герое Советского Союза К. Заслонове и песни московских партизан, сложившейся, повидимому, еще в 1941 г.

Особое распространение в среде молодежи имеет частушка. Экспедиции удалось произвести наблюдения и записать тексты народных частушечных подборок, так называемой частушечной песни — «игры», исполняемой под гармонь и сопровождаемой пляской. В современном частушечном репертуаре наряду с лирическими частушками большой процент составляют частушки военные, антинемецкие, о событиях на Востоке и т. д. В общей сложности экспедицией записано около 2500 частушек.

Значительная работа проведена экспедицией и по собиранию традиционного фольклора. В этом отношении Брянская область представляет большой интерес. Если в большинстве областей Центральной России ломка старого быта произошла еще задолго до революции, то здесь этой вехой служит Великая Отечественная война. До войны, по словам всех опрашиваемых лиц, еще очень хорошо сохранялся, например, старинный женский костюм (понева, вышитые рубахи и передник и т. д.), водились хороводы, справлялись все народные праздники и т. п.

Работа экспедиции в отношении старого фольклора была направлена, главным образом, на изучение обрядового фольклора. В ряде районов, особенно в Новозыбковском, Почепском, Унечском, Брянском сельском, были произведены записи по народному календарю (обряды и связанные с ними песни — рождественские, масленичные, весеннего цикла и т. д.). Записаны приметы. объяснения отдельных праздников. Особенно любопытно сравнительное изучение одного из масленичных обычаев, так называемой «колодки», описанного в большом количестве вариантов от населения разных возрастных групп; записаны интересные варианты «похорон кукушки», хороводная игра «Махоня» (разновидность «Костромы») и др. Сделаны записи сельскохозяйственных обрядов (дожиночные, зажин, жатвенные) и обрядов семейных — похоронного и свадебного. В Жуковском районе экспедиции удалось наблюдать современную колхозную свадьбу. Интересно выступление председателя колхоза в роли свата со стороны невесты. Чрезвычайно любопытны его модернизированные — на мотивы колхозной жизни — балагурные присказки (в сценах выкупа ворот, продажи места возле невесты и т. д.). Экспедицией полностью записаны сопровождающие обряд словесные тексты.

Из объектов наблюдений над современной жизнью деревни интересно также отметить ярмарку в праздник Преображения (19 августа н. ст.) в районном центре Дятьково. Она происходила при большом стечении народа из окрестных деревень. Большинство молодых женщин и девушек было одето в старинный женский костюм; бродили уличные певцы. Экспедицией сделаны записи двух духовных стихов от старика-

лирника. Один из этих стихов представляет собой молитву-заговор о благоденствии Красной Армии.

Экспедицией изучался также традиционный песенный репертуар. Кроме записей отдельных песен от разных певиц, полностью зафиксирован репертуар превосходной певицы В. Я. Сапуновой, 87 лет. От нее записано 115 песен. Основное место в ее репертуаре занимает старинная лирическая песня. От нее записано также 12 солдатских и 6 исторических песен. Среди последних — песни, отражающие события 1812 г. Характерно, что певица связывает эти песни с Великой Отечественной войной. В общей сложности экспедицией записано около тысячи песен. Зарегистрирован ряд превосходных певиц, два сказочника с значительным репертуаром и один народный актер, выступавший в молодые годы в роли балаганного «деда».

Работу экспедиции в отношении изучения традиционного фольклора следует признать лишь первым, начальным шагом, едва затронувшим те громадные фольклорные богатства, которые таит в себе Брянская область. В дальнейшем работу эту необходимо продолжить и углубить.

Одним из существенных недостатков нашей экспедиции следует признать отсутствие в ее составе специалиста по музыкальному фольклору.

Членами экспедиции проводилась также научно-массовая работа. Так, проф. П. Г. Богатырев прочитал 4 лекции на тему «Закарпатская Украина»; пишущая эти строки выступала на учительской конференции Жуковского района с докладом о задачах собирания фольклора Великой Отечественной войны, с призывом к учительству включиться в собирательскую работу. Ею была проведена также беседа о значении фольклора на совещании с партизанами в Бытоши.

Г. С. МАСЛОВА

МЕДЫНСКИЕ «КАРЕЛЫ»

(Отчет о рекогносцировочной поездке)

Летом 1945 г. Институт этнографии АН СССР командировал меня в Калужскую область в целях выяснения, существует ли в настоящее время группа медынских «карел» и что она собой представляет в этнографическом отношении.

Вопрос о происхождении медынских «карел» неоднократно ставился в литературе, однако этнографического изучения этой группы не предпринималось.

Кеппен на своей карте 1848 г. выделил б. Дороховскую волость Медынского уезда Калужской губернии, где, по его мнению, жили карелы, в это время уже говорившие на русском языке. Он считал медынских «карел» вывезенными в 60-х или 70-х годах XVIII в. из пограничных с Тверской губ. мест Гжатского уезда. В Медынском уезде они поселились вперемежку с коренными жителями уезда.

М. А. Баталин,[1] священник с. Пречистое Медынского у., говорит в своем сообщении Географическому обществу в 1856 г., что в Дороховской волости встретились и переплелись две волны переселенцев: первая, появившаяся лет 300 тому назад, состояла из «разных народов» Новгородской и Тверской губ., большей частью из селения «Карелы» Новгородской губ. (откуда и произошло их название), и вторая, появившаяся лет 90 тому назад из Смоленской губ., «от Гжатской пристани к Зубцову».

Д. К. Зеленин в работе «Великорусские говоры»[2] подверг основательной критике утверждения Кеппена о позднем переселении карел в Медынский уезд, доказав, что колонизация эта носила более древний характер и, возможно, связана с переселением карел из-за Свейского рубежа. Однако Д. К. Зеленин склонен считать население б. Дороховской волости северно-великорусскими переселенцами, появление которых, как он предполагает, относится к «Смутному времени», когда из северных уездов Московского края население уходило большей частью на юг и редко возвращалось на свои места. В позднее появившейся статье Малинина вновь поднимается этот вопрос.

[1] М. А. Баталин. Этнографические сведения о Дороховской волости Медынского у. 1856. Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Имп. Геогр. об-ва, Птг, 1915.

[2] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, СПБ, 1913.

Малинин[1] приводит документы, заставляющие убедиться, что в XVII в. в Медынском уезде появились настоящие карелы. Так, например, в документе 1665 г. говорится «...а та пустошь дворцовая, а которые живут на Медынских дворцовых пустошах и те жители крестьяне поселились в прошлых годах по призыву корелянина Кирилла Космина с товарищи собою, без указу».[2] По мнению Малинина, не все деревни Дороховской волости являлись «карельскими»; он поддерживает утверждение Баталина о переселении русских из Смоленской губ. в XVIII в. и считает, что, кроме того, русские переселялись из Боровского у. Калужской губ. в связи с постройкой завода в дворцовой Морозовской волости. Таким образом, вопрос о происхождении группы медынских «карел» представляется очень сложным. Несомненно, что переселение их из более северных областей в Медынский уезд было неоднократным.

Что же дала рекогносцировка в области этнографии? Мною были посещены Дороховский и Износковский, частью Кишняковский с/советы Износковского района Калужской области[3] (б. Дороховская или Морозовская волость Медынского у.). Население Пензовского, Дороховского, Износковского с/советов, а частично Кишняковского, Воробьевского и Пелагеинского с/советов называет себя «карелами». «Карельских» селений по Кеппену 13: села Вешки, Пречистое, Строилово, деревни Мусина, Носова, Добрый Холм (Голенищево), Пенези, Михалково, Морозово, Куновка, Аксеново, Горбатово — Дороховской волости и Дурово Барсуковской волости.

Мною установлено, что кроме перечисленных Кеппеном «карельских» селений карелами называют себя жители следующих селений: Износки, Шатрищи, Алешня, Уколово, Ухово, Сигово, Семеновское (Карельское), Тетево, Дороховая, Кишняки, Булатово, Кукушкино, Образцово, Даниловка, Калиновка, Бокшино, Паршино, Поповка, Хвощи,[4] Горки, Архангельское, Мочалки, Паново, Трушонки, Городенки, Самсонцево, Зиновьино, Ивашево. Итого 41 селение. Но и этот список является неполным. Таким образом, значительная часть населения Износковского района называет себя карелами. Б. Дороховская (или Морозовская) волость сплошь «карельская». Кроме того, многие селения за ее пределами называются также «карельскими». С западной стороны граница «карельских» селений «совпадает с границей современного Юхновского района Калужской обл. (где раньше проходила граница между Смоленской и Калужской губерниями). Селения Васькино, Ровни, Черево, Белицы и др. называются «ягунскими». «Ягуны», видимо, получили свое прозвище от произношения *его* как *яho*. С восточной стороны граница «карельских» селений менее четко выделяется. Здесь дер. Ворсобино, Леоново, Доманово и другие называют себя не «карельскими», а «барскими» (бывшими помещичьими крестьянами), от которых карелы себя отличают.

Карелы так говорят о себе: «мы русские, только называемся карелами». «Мы кономисские (экономические), и на барина не работали», или: «мы казенные и сроду не были барскими, потому называемся карелы». Объясняют и так: «карелы» — это калужане, б. Калужской губ., а

[1] Н. К. Малинин. К вопросу о происхождении медынских «карел». Живая Старина, год XXV, 1916, стр. 23—28.
[2] Там же.
[3] В Пензовский сельсовет по болезни мне не пришлось поехать.
[4] Одна сторона этой деревни — «карельская», а другая, через реку — «ягунская».

«ягуны» — это смолячане. У них разный характер, говор, обычаи. «Ягуны» характеризуют карел как «озорноватых», любящих подраться. В прошлом часто бывали драки между пограничными деревнями «ягунов» и «карел».

Об отличиях языка «карел» говорят так: «карелы — это не отдельная нация, но разговор у них другой». При сравнении говора «карел» и «ягунов» — заметна разница. «Карелы» произносят твердое «г» — «луг», «ягуны» мягкое һ — «луһ»; яканья «ягунов» у «карел» не наблюдается. Оканья нет, аканье умеренное. Следов карельского языка у «карел» не обнаруживается. [1]

Селения «карел» небольшие, состоящие в среднем из 40—50 дворов, расположенных большей частью в два порядка, причем один порядок иногда находится далеко от другого, и они разделены широкой улицей или оврагом.

Из рукописи Баталина [2] 1856 г. как будто явствует, что в б. Дороховской волости избы строились фронтоном на улицу с входом в избу со двора через сени.

В настоящее время такое расположение очень редко встречается, и крыша избы, поставленной перпендикулярно улице, является четырехскатной, а не двухскатной, характерной для фронтального расположения. Изба обычно располагается фасадом параллельно улице, с входом через сени с улицы и состоит из избы или двух изб, или пятистенка, сеней и чулана, который отгораживается досками в сенях. В прошлом имелась горница в виде сруба, о которой упоминает Баталин. План избы следующий: печь располагается у двери устьем к окнам (так называемый «белорусский» план); или же у двери помещается красный угол, а печь располагается по диагонали от него, устьем повернута к окнам. Крыша четырехскатная, крытая преимущественно соломой. Отсутствуют низкие избы с земляным полом. Изба всегда имеет хотя бы невысокое подполье. Непосредственно к избе примыкает крытый двор с отдельной крышей. Расположение двора аналогично «двурядной связи» средней полосы РСФСР, с той разницей, что крыши избы и двора располагаются вдоль улицы, а не перпендикулярно к ней, как это видим в Московской, Тверской, Ивановской и других областях.

Северно-великорусские традиции в архитектуре значительно больше проявляются в хозяйственных постройках. Здесь встречаем архаичную бесстропильную технику крытия двухскатной крышей на «лемяхах» (бревнах фронтона, на которых держатся слеги). Раньше имелись здесь ямные овины, которые в настоящее время исчезли. Имеются бани.

Старинный женский комплекс одежды состоял из рубахи с прямыми поликами, из сарафана косоклинного и прямого (поневы не было), фартука с рукавами или без рукавов, подвязывавшегося выше груди. «Сороку» с позатыльником помнят немногие женщины. Этот головной убор был заменен «сборником» из бархата или другой ткани. Задняя часть его украшалась вышивкой золотом, а по очелью он повязывался шелковым платком, свернутым в жгут и завязанным сзади. Шею украшали янтари. Лапти плели из липового лыка с круглой головкой (так называемого «московского типа»). Вышивки, выполненные по выдерган-

[1] То же отмечает Дурново. См. Н. Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губ. СПБ, 1903.

[2] Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Имп. русск. Геогр. об-ва. Птг., 1915, стр. 579.

1. „Карелка" в старинной одежде: рубашке, сарафане с поясом и повойнике с платком *д. Дороховая, Износковского района Калужской области*; сним. 1945г.

ному холсту белой нитью или с добавлением красной нити, называются «строки». Распространены «переборы» — узорное тканье, выполненное красной бумагой по холсту. «Переборы» украшали рукава рубахи, фартук и концы полотенец. Орнамент носит геометрический характер. В «строках» встречаются изображения человеческих фигур или птиц. «Строки» по расцветке и характеру орнамента близки к вышивкам всей юго-западной части Калужской и Смоленской областей.

Особенностью пищи «карел» являются так называемые «шульчены», «шкальчины» и «карюльки», которые окружающее население, как говорят «карелы», якобы не умеет делать. «Шульчены» из пресного пшеничного теста, тонко раскатанного, начиняются кашей и пекутся на огне. «Шульчены» являются национальным блюдом карел Кар.-Фин. ССР и тверских карел. «Шкальчины» — из ржаного пресного теста с начинкой из творога. «Карюльки» пекутся из пресного теста в виде ватрушек с крупой или картошкой, что на севере называется «шаньгами».

Цикл сельскохозяйственных обрядов карел, выполнявшихся в прошлом, представляет типичные русские сельскохозяйственные обряды. Имеются пережитки обряда заклинания весны. На «сороки» пекли жаворонков, а 1 марта ребятишки бегали по улице и кричали: «Весна красна, што ты нам принесла: соху, борону, да кабылу ворону». А на благовещенье кричали: «Христос — благовещенье, не ночуй за рекой, приезжай ко мне на сохе, на бороне, на зеленой траве». В троицын день приносили березку из лесу и ставили перед избой. В петров день молодежь делала яичницу и шла в рожь есть ее, чтоб рожь «умолотнее была». По окончании жатвы оставляли несколько колосьев «Христу на бородку», и жнеи катались по ниве, приговаривая: «Жниво, жниво, отдай мою силу». В прошлом бытовал обряд «опахивания», который не характерен ни для северных, ни для тверских «карел». Свадьба у карел состояла из ряда моментов, характерных для русской свадьбы вообще, но вместе с тем ряд отдельных действий роднит ее со свадьбой Смоленской, Тверской, а частью и Калужской губ. Так, например, свадьба «с боярками» характерна для Смоленской и пограничных с ней областей, а особенно для белоруссов.

Сваты приезжали обычно ночью, чтобы никто не знал. Однако об этом быстро узнавали, и девицы посылали маленьких привязать веник к саням

сватов, чтобы скорее выйти замуж: как березовый веник чисто выметает, чтоб девиц «вымело», т. е. просватали бы их.

Если сватовство прошло удачно, то через день мать с отцом невесты ехали смотреть дом и хозяйство жениха. Тут же договаривались о приданом, состоявшем из скота, хлеба, денег и пр. Если дом и хозяйство понравились, назначали через 3—5 дней «лады» или «запои», после чего невеста считалась просватанной (молились, благословляли невесту с женихом и договаривались о дарах и плате «бояркам» — подругам невесты). Накануне свадьбы устраиваются вечерины у невесты (и у жениха также). «Боярки» приносят «кра́соту» — елку, украшенную лентами, и ставят ее на столе. «Поезжане» с женихом приезжают также ночью (в 3—5 часов). «Дружко» и «поддружье» выкупают у «боярок» место, выкупают «кра́соту»; затем выкупают «косу»: мальчику, стоящему около невесты с ножницами, дают деньги, когда он говорит: «Дайте полтину, а то косу откину». У другого ребенка (из родных невесты) выкупают стакан для пива, затем даются деньги «крестной» и «крестному» невесты. Когда невесту и жениха сажают за стол, им кладут одну ложку (причем перевертывают обратным концом), а левая рука жениха связывается с рукой невесты полотенцем. Во время происходящего угощения они не притрагиваются к еде. Невеста сидит закрытая платком или полотенцем. Затем благословляют невесту с женихом, на полу в это время кладется овчинная шуба, которая затем расстилается на санях молодых. Поезд отправляется в церковь. Выехав за деревню, дружко с поддружьями, остановив поезд, возвращаются в избу. Дружко говорит, что чересседельник оборвался, ему дают два полотенца. Он повязывает одно на себя, другое вешает на дугу. В церкви сваха подает попу головной женский убор (сборник) и платок на тарелке; он читает молитву, после чего платок (в церковной сторожке) надевают на невесту, и она в нем венчается. После венца в доме молодого встречают отец и мать (жениха) с хлебом-солью. Сваха покрывает хлеб самым лучшим полотенцем, которое идет свекрови. Молодых кормят в чулане. Приезжают «почесные» — родня невесты с ее добром и приданым (если оно есть). Выкупают постель невесты у крестной, которая сидит на ней. «Почесные» садятся за стол, дружко выводит молодых.

2. „Карелка“ в старинной одежде. Вид сбоку; виден способ завязывания платка и головной убор

д. Дороховая, Износковского района Калужской области

На другой день невеста метет избу, наполненную соломой, черепками от битых горшков. Ей кидают деньги и кричат, что она слепая, мести не умеет (она метет от порога к переднему углу). Девочка из жениховой родни берет у нее веник и метет (к порогу), а невеста покрывает веник полотенцем или платком. Невеста также покрывает полотенцем охапку дров, принесенную для топки, и вешает полотенце на коромысло, когда молодые впервые идут за водой. На следующий день устраиваются «отводины» — пирщество у родителей невесты.

Беглое знакомство с бытом «карел» позволяет все же сделать некоторые выводы. В настоящее время эта группа представляет русское население, в культуре которого сочетаются южно-и северно-великорусские элементы. В одежде, говоре преобладают северные или, вернее, средне-великорусские черты, в жилище воспринято немало местных элементов, характеризующих русское жилище южного типа. Очень незначительно количество элементов, говорящих о карелах (самоназвание, «шульчены»). Это приводит к мысли, что переселявшиеся в Медынский у. группы населения состояли преимущественно из русских; карелы, переселявшиеся сюда, либо были уже обрусевшими, либо это были настолько малочисленные переселения, что они быстро растаяли среди русских, как это было в ряде других мест (например в Московской губ.). В результате слияния местных элементов с пришлыми, связанными с северо-западной частью русской территории (Новгородская, Тверская, Смоленская губернии), создалась своеобразная культурно-бытовая группа русского населения, сохранившая от карел только имя.

В. И. БЕЛИЦЕР

РАБОТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КОМИ АССР

Осенью 1945 г. в продолжение двух месяцев на территории Коми АССР работал этнографический отряд комплексной археолого-этнографической экспедиции. В работе этнографического отряда принимали участие: автор настоящего сообщения в качестве руководителя отряда, старший научный сотрудник — А. И. Пинт, студентка Московского университета — И. М. Тулина и аспирантка Базы АН Коми АССР — Т. И. Фролова. Этнографическое изучение народа коми является частью большой комплексной работы, проводимой совместно несколькими институтами АН СССР (истории, этнографии, материальной культуры), с одной стороны, и правительством Коми АССР в лице базы АН Коми АССР — с другой. Экспедиция ставила своей задачей изучить материальную культуру, общественные отношения и религиозные пережитки народа коми. В результате изучения, рассчитанного на несколько лет, должны быть выпущены труды по истории этого народа. Этнографические работы 1945 г. были поставлены в двух районах: Сысольском — сельскохозяйственном, южном районе Коми АССР, расположенном по р. Сысоле и территориально и культурно связанном с Кировской областью, и в Железнодорожном районе, более северном, расположенном по р. Вымь, где природные условия неблагоприятны для зернового хозяйства и население занимается наряду с земледелием разработкой леса, охотой и рыболовством.

Основным занятием населения коми как в Сысольском, так и в Железнодорожном районах является земледелие. Большинство колхозов перешло на многопольный севооборот, но кое-где еще сохранилось трехполье. На Сысоле еще живы воспоминания о подсеке. Основными сельскохозяйственными культурами являются ячмень и рожь; овес сеют в небольшом количестве, а пшеница стала внедряться только в последние годы. Огородничество играло в прошлом незначительную роль и более широкое распространение получило только при советской власти. На огородах сажают картофель, капусту, репу и брюкву «галанку».

Земледельческое хозяйство коми очень близко по своему характеру к земледелию северных великоруссов. Наряду с механизацией сельского хозяйства кое-где продолжают сохраняться примитивные формы земледелия и такие орудия, как цеп и сук — «кичига», употребляемые для обмолота зерна, коса-горбуша, деревянная вязовая борона. Встречается овин — «рыныш», где сушка зерна производится при помощи

1. Замужняя женщина коми в национальном костюме
д. Турья Железнодорожного района Коми АССР; сним. 1945 г.

костра, разведенного на земле, в нижнем этаже постройки. В каждой семье имеется ручная деревянная мельница — «изки» и ступа для толчения зерен ячменя.

Охота не потеряла своего значения вплоть до настоящего времени. В селениях по р. Вымь охотники имеются почти в каждой семье. Охота производится по старым лесным тропам, где продолжают существовать лесные избушки — «вӧр керка» и традиционные амбары — «кум», на высоких столбах, для хранения пушнины и дичи. Сохраняется в быту и охотничий инвентарь: лыжи, подбитые мехом, нарты — легкие санки для перевозки пушнины и продуктов. Необходимой принадлежностью охотничьего костюма являются: пояс с пороховницей и мешочком для огнива, «лаз» — безрукавка из холста, обшитая кожей, с круглым отверстием для головы. Спереди и сзади на внутренней стороне «лаза» имеются мешки для дичи и беличьих шкурок. У некоторых охотников сохраняется и специальная охотничья обувь — «кӧм» из сыромятной кожи, с загнутым кверху носком.

Не меньшую роль играет и рыболовство. На р. Вымь оно носит полупромысловый характер и является, как и охота, большим подспорьем к земледелию. Ловят семгу, сига, щук разнообразными сетями; уезжают на лодках артелями человек по 4—5 в верховья Выми и по ее притокам километров за 200 вверх от селения. Делают остановки в лесных избушках, где производят и засолку наловленной рыбы.

Если в охоте и рыбной ловле преимущество остается за мужчиной, то такие домашние ремесла, как гончарство и ткачество, всецело лежат на женщине. Наряду с тонкой фарфоровой чашкой и эмалированной кастрюлей бытует грубая глиняная посуда домашнего производства. Ее лепят исключительно старухи из местной глины, в которую прибавляют дресву или песок. Лепят руками, без гончарного круга, примитивной техникой налепа. В результате получается грубый, толстый сосуд, который ставится в русскую печь для обжига, а затем опускается для крепости в квас.

Домашнее ткачество в современном быту коми играет незначительную роль. Домотканый холст почти не употребляется как материал для одежды. Значительно шире распространено прядение шерсти, употребляемой для чулок и рукавиц, а также сучение ниток для изготовления сетей.

Прядение и ткачество коми не сохранили специфических национальных особенностей. Терминология орудий также в большинстве случаев русская. Мы встречаем в селениях по р. р. Сысола и Вымь стан русского типа «кросна» с навоем, вертящуюся сновалку, прялку «печкан» северно-великорусского типа, с широким «лбом», расписанную вятскими кустарями или привезенную из Мезени. Коми умеют изготовлять пестроткань, браные и многоремизные ткани. Примитивное тканье без ткацкого стана сохранилось в изготовлении поясов при помощи бердечка «таб».

Поселения коми в большинстве случаев расположены по рекам. Для Сысольского района характерны более крупные поселки, где село почти слилось с окружающими его деревнями. На Выми мы встречаем отдельные деревни, расположенные по реке на расстоянии 7—10 км. В одних деревнях застройка домов идет вдоль дороги или реки, другие поселки сохранили характер старой застройки, без определенного плана, и деревня представляет беспорядочную группу строений, как, например, деревня Карто-сикт Куратовского сельсовета Сысольского района. Тип застройки северно-великорусский. Жилой дом и хозяйственные постройки расположены под одной крышей. Слеги, а иногда и охлупни крыши украшаются вырезанными из дерева головками коней и птиц.

Национальная одежда значительно лучше сохранилась в женском костюмном комплексе. В мужской одежде сохранились лишь отдельные национальные элементы: головной убор, обувь, безрукавка.

Женский костюм состоит из рубашки и сарафана. Рубашку шили из домотканого холста или покупной ткани с прямыми поликами северно-великорусского типа и украшали красным браным узором. Позднее распространилась рубашка на кокетке.

Сарафан-шушун — косоклинный, на лямках, сшитый из набойки (в селениях по Сысоле) или из пестряди и, наконец, из цветного кашемира, сатина и кумача. Сарафан подпоясывался тканым узорным поясом, сверху надевался белый вышитый передник с кружевами. Верхняя одежда на Сысоле не сохранила национальных особенностей. В селениях по р. Вымь еще бытует у мужчин и женщин одежда «в талию», сшитая из сукна или полусукна,— «сукман» и «зипун». Национальным девичьим убором была «сетка», сплетенная из ниток и перевитая лентами и бусами. По

2. Замужняя женщина коми в национальном головном уборе „сборникс“

д. Турья Железнодорожного района Коми АССР; сним. 1945 г.

3. Охотник
Колхоз „Вепр“, Сысольского района Коми АССР

выходе замуж женщина надевала высокий твердый головной убор из парчи — «сборник», который спереди повязывался шелковым платком — «патокой», а затем покрывался шелковым платком-полушалком. «Сборник» носили на свадьбе и по большим праздникам. В будни женщина надевала небольшой красный платок «ичмонь», которым повязывала закрученные спереди волосы, а сверху покрывала голову обычным платком. «Ичмонь» женщина надевала после замужества и носила до самой смерти.

В настоящее время самой распространенной обувью являются сапоги. Лапти были почти неизвестны ни в Сысольском районе, ни на Выми. Женщины носили «коты» с пестрыми шерстяными чулками, осенью — «валег» (валеные головки с пришитыми к ним суконными голенищами) и «катанки», т. е. валенки. У мужчин, кроме лыжной обуви «кöм», бытуют еще кожаные высокие сапоги — «бахил» для рыбной ловли и охоты.

Экспедиции удалось собрать материалы по родовым пережиткам.

Под термином «котыр» объединялась группа родственников по отцу от 15 и более семей, ведущих свое происхождение от общего предка. Котыр носил имя своего родоначальника: «Дур котыр», «Тим Вась котыр». К имени родоначальника прибавлялось собственное имя (например, Трофимов Иван Федорович относится к «Тим Вась котыру», его зовут «Тим Вась Вань»). Каждый котыр имел свои охотничьи и родовые угодья. Очень часто котыр носил название животного или птицы, например, «Ош» — медведь, «Ур» — белка, «Пышкай» — воробей, «Сырчик» — трясогузка и т. д. Не все однофамильцы относятся к одному и тому же котыру, хотя и считают себя родственниками. В селе Старый Чухлом, заселенном почти одной фамилией Сельковых, несколько котырей. В д. Шошках Железнодорожного района из 9 котырей, 6 принадлежат к фамилии Трошевых и считают себя дальними родственниками.

Брак в пределах одного котыра не допускался. До сих пор во многих деревнях коми считают грехом брать жену из своей деревни, и пять поколений считаются родственниками, среди которых брак недопустим.

В религиозных представлениях коми наблюдается большой синкретизм. Еще недавно в селениях по р. Вымь существовал обычай приносить в жертву мясо домашних животных и съедать его в вареном виде всем приходом, а затем пить общественное пиво.

В погребальных обрядах, как и у других финнов Волго-Камского бассейна — мари, мордвы, существовал заместитель умершего в лице обмывальщика, которому дарили одежду умершего и который инсценировал покойника в 9-й и 40-й день. Сохранились у коми и общественные поминки-тризны на кладбище по умершим предкам, совершаемые всей деревней по определенным дням в году. Экспедиция записала поверья,

4. Глиняная посуда, слепленная без гончарного круга
д. Визинга, Сысольского района Коми АССР

приметы и обряды, связанные с постройкой дома, охотничьими и рыболовными промыслами.

Фольклор коми чрезвычайно богат и разнообразен. Экспедиция записала 800 частушек, 20 сказок, 50 песен, 5 плачей, большое количество пословиц и загадок. В Сысольском районе широко распространены русские песни, которые зачастую заносились в деревню мужчинами, возвращающимися с заработков из Сибири. Интересны сказки о животных, крестьянах, былинных богатырях, в которых отразились местные географические и бытовые условия.

Этнографическое изучение народа коми нельзя считать ни в коей мере законченным. Работа 1945 г. — только первый шаг к более углубленному изучению культуры коми и к постановке вопроса о происхождении и культурных связях народа коми с другими культурами и народами.

А. В. ЗБРУЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КОМИ АССР

Археологический отряд экспедиции Института этнографии АН СССР в Коми АССР состоял из старш. науч. сотрудника Института истории материальной культуры — автора статьи, младш. научн. сотрудника того же Института И. А. Талицкой и аспирантки базы АН в Коми АССР В. А. Сорвачевой. Этот отряд производил археологическое обследование берегов Сысолы с 1 сентября по 5 октября 1945 г. В течение этого времени были обследованы следующие места: окрестности города Сыктывкара — Визинга, Кибра, Пыелдин, Палауз, Грива, Ужга, Койгородок и берега Сысолы от Койгородка до устья Визинги. В указанных районах на основании опроса местного населения и литературных данных было зарегистрировано свыше 30 археологических памятников, из них 4 городища, 5 могильников, 3 жертвенных места, 1 «чудской» рудник, 13 пунктов «чудских ям», несколько мест находок, «чудских» вещей и одна находка зуба мамонта. Кроме того, во время осмотра окрестностей Сыктывкара на Золотой горе были найдены новая древняя стоянка, относящаяся к концу эпохи бронзы, и могильник, а близ сел. Иб — два городища.

Интересно отметить, что среди местного населения в районе Койгородка — Вотчи совершенно отсутствует представление о каких-либо древностях, кроме «чудских», и чрезвычайно устойчиво распространена легенда о «чудах» или «чудовищах», которые не хотели креститься при Стефане Пермском или, по словам некоторых, при князе Владимире и предпочитали умереть, подрубая столб, поддерживающий кровлю подземного жилища — ямы, в которую была насыпана земля. Таким образом «чуды» погибали в своих жилищах вместе со всеми своими богатствами. Некоторые из «чудских» ям были раскопаны местным населением, и среди находок попадались железные ножички, бусы, серьги, медные образки и пр. О находках каменных и бронзовых орудий никто в этом районе никогда не слыхал.

Осмотр памятников, зарегистрированных по литературным данным и на основании рассказов местных старожилов, показал, что многие «чудские» ямы запаханы. От больших групп в несколько десятков ям остались лишь одна-две, лежащих по краям пашни, в кустах или иногда на склонах возвышенностей. Запаханным оказался и вход в чудской рудник, который находился в поле, между деревнями Велпом и Ляпин Вотчинского сельсовета, так что найти его сейчас почти невозможно. Среди предполагавшихся городищ по возвышенностям, названия кото-

рых начинаются со слова кар (город), некоторые, вероятно, не служили ни местами поселения, так как там отсутствует слой с культурными остатками, ни укреплениями, ибо они не имеют защитных сооружений. Так пришлось установить, что ни городище Кар-Дин, ни городище Кар-Шор в Кибре, повидимому, не существовали. Некоторые места, известные как древние могильники, оказались связанными со старыми христианскими церквами, которые когда-то находились совсем в других местах, чем современные. Такие случаи наблюдались в дер. Погост Куратовского сельсовета и в Ужге, где человеческие кости выпадают из обрыва высокого левого берега Сысолы и падают в воду. В Визинге название Шойна-яг связано с современным кладбищем, которое в течение некоторого времени было заброшено, а затем, после уничтожения кладбища у церкви, вновь было восстановлено.

От древних жертвенных мест в обследованном районе уже ничего не сохранилось; все священные деревья вырублены, и места эти распаханы. Только в Куратовском районе, по дороге в дер. Шор-Ил, сохранилась очень большая сосна, про которую говорят, что она росла «при чудах», но никаких более определенных легенд с этим деревом не связано. Возможно, что жертвенное место было на небольшом, теперь уже высохшем озере в Койгородке, где по преданию стоял дом «чуди», провалившийся в воду.

Не сохранились также и «чудские» вещи, которые когда-то находили местные жители при обработке земли. Металлические тарелки были сданы в церкви, и найти их теперь невозможно; мелкие вещи, в том числе «чудские образки» — медные изображения людей, зверей и птиц, утеряны или иногда переплавлены. Из старинных вещей у населения кое-где сохранились лишь сошники.

Таким образом, после проверки полученных сведений, число археологических памятников в обследованном районе несколько сократилось, и некоторые из них оказались более поздними, чем предполагалось. Тем не менее проведенная работа позволяет представить себе обследованный район в археологическом отношении и сделать некоторые, правда, пока еще очень предварительные выводы.

1. Археологические памятники находятся на высоких коренных берегах, там, где расположены современные деревни. Древние поселения относящиеся к эпохе неолита и бронзы и обычно расположенные низко у водоемов, на осмотренных берегах реки Сысолы отсутствуют.

2. В пределах проделанной работы можно сказать, что наиболее древние поселения находятся на севере (стоянки у Сыктывкара и близ с. Иб. Сыктывкарского района). На верховьях Сысолы (до Вотчи) никто не слыхал о каменных или бронзовых орудиях или древней глиняной посуде с ямочным или гребенчатым орнаментом. Поэтому можно предполагать, что верхнее течение Сысолы было заселено позднее, чем нижнее.

3. Городища относятся к сравнительно позднему времени. Нет никаких данных относить их к первому или даже к началу второго тысячелетия нашей эры.

4. Так называемые «чудские» ямы, повидимому, действительно являлись местами поселений. Так, в шурфах на урочищах Шойна-Керес Визингского сельсовета и Ивуш-Ключ Куратовского сельсовета, заложенных на дне ям, был обнаружен культурный слой, обломки глиняной посуды и остатки какого-то сооружения, скорее всего печи, сложенной из глины на деревянном фундаменте.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДОКЛАДОВ

И. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)[1]

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Этническая статистика большинства европейских стран крайне несовершенна. Не говоря уже о том, что отсутствует единый принцип определения национального состава населения во всех странах Европы, многие страны не имеют вовсе этнической статистики и не ведут учета населения по национальному признаку. К таким странам относятся, например, Франция, Голландия, Дания, Италия и Англия, в которой не существует этнической статистики на большей части территории. Страны, ведущие учет своего населения по этническому признаку, принимают за основу учета большей частью язык (то в виде материнского языка, то в виде разговорного языка в семейном быту, то в виде языка, на котором опрашиваемый думает, и т. д.).

Некоторые страны, к которым относится и СССР, добавляют в своих переписях к вопросу о языке вопрос о национальном происхождении (национальность), другие (например, Польша) — о национальной принадлежности, религии и пр.

Такая пестрота этнической статистики делает затруднительным использование ее материалов в тех случаях, когда территория с одним и тем же населением на протяжении нескольких десятков лет неоднократно переходила из пределов одного государства в пределы другого (например, Трансильвания, Юлийская Крайна и др). В таких случаях сопоставление статистических данных об этническом составе населения становится почти невозможным. А между тем именно в отношении этих территорий требовались наиболее точные данные о национальном составе населения, чтобы дать справедливое разрешение спорам об этнической границе.

Народы Европы нуждаются в унификации этнической статистики. Лингвистический подход к этносу однобок, потому что существует не только много двуязычных групп населения, но и целые национальности, пользующиеся чужим языком. Классическим примером являются ирландцы, большинство которых до сих пор говорит по-английски. Наряду с лингвистическим принципом необходимо этнографическое определение национальности, в которое входит широкий комплекс национальной культуры. Только при таком подходе к этническому учету можно будет говорить о научно обоснованных выводах из статистики национального состава населения.

[1] Автореферат доклада, сделанного на заседании сектора этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР. 1945 г.

Создание новой этнической статистики — дело будущего, а в настоящее время приходится пользоваться теми несовершенными, неполными или дефектными данными, которые существуют в разных странах. Большинство официальных народных переписей (цензов) европейских стран преуменьшает численность населения, относящегося к группам национального меньшинства. Частично эта заниженность цифровых данных может быть объяснена теми трудностями, которые возникают перед переписчиками, когда они сталкиваются с различными формами ассимиляции: например, при вопросе о национальной принадлежности детей при смешанных браках (когда родители разной национальности), о национальной принадлежности лиц, совершенно забывших свой материнский язык, и пр. Но гораздо чаще заниженные результаты объясняются актами принуждения, морального или административного давления, доходящего до открытого террора, направленного против представителей национальных меньшинств. Тенденциозная сборка первичных сведений нередко инспирируется специальными инструкциями по переписи. К тому же результату — уменьшению действительной численности отдельных национальностей в статистических сводках — приводит недобросовестная обработка итоговых данных. Примером открытой фальсификации могут быть народные переписи, проводившиеся в фашистской Германии. Совершенно очевидно, что такие явно фальсифицированные цензы не могут вообще браться за основу исчисления национального состава населения.

Дефекты переписей, однако, могут быть разной степени, и потому может встать вопрос об исправлении итоговых данных, чтобы после коррективов их можно было использовать. В таких случаях весьма важно выработать методологию анализа цензов, при которой скрытые дефекты переписи стали бы явными. Работы над европейскими переписями второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в. ряда стран (Германии, Австро-Венгрии, Италии, Румынии, Швейцарии и др.) дают возможность сделать несколько методологических обобщений, опирающихся на исследования этностатистиков Западной Европы и России, дополненных практическим опытом Института этнографии АН СССР.

Одним из основных методов вскрытия неточностей в цензах является сравнительный метод. Сопоставление данных цензов со статистическими данными церковной статистики (приходская статистика) или с данными о религиозной принадлежности в тех же цензах выявляет многие дефекты. Церковные приходы собирают у своих прихожан сведения о желательном языке богослужения или языке конфирмации. Такое сопоставление возможно, однако, только в отношении тех религий, которые отправляют богослужение на родном языке верующих. Весьма полезно бывает сравнение данных ценза с данными школьной статистики о количестве учащихся разных национальностей. Сравнение демографических данных отдельных половозрастных групп по национальности (в пределах, допускаемых специальными разработками данных цензов о возрастах) может также выявить искажения, допущенные в цензе. Большое значение имеет сравнение цензов за многие годы, исчисление по цензам прежних лет возможной численности населения по отдельным национальным группам в настоящее время — с учетом естественного прироста, эмиграции и пр. Этот генетический метод помогает установить возможную численность той или другой национальности (по происхождению). Разницу между этой возможной численностью и действительной численностью — по цензу — можно сделать объектом исследования. Ес-

ли эта разница образовалась в результате ассимиляции, то необходимо установить, какие причины привели к этому.

Исследователю сплошь и рядом приходится сопоставлять данные цензов с результатами различных местных этностатистических обследований. Следует также привлекать и чисто этнографические работы, которые обычно не содержат данных о численности отдельных национальных групп, но почти всегда указывают районы их расселения.

Вопросы этно-территориальные приобретают при установлении новых политических границ в Европе особую актуальность и остроту, и численность населения отдельных национальностей важна не столько в абсолютном выражении, сколько в отношении численности населения других национальностей, занимающего те же или смежные территории. Исследователю все время приходится работать с картой расселения национальностей, выявляя в конечном счете этнографические территории. Вот почему он добивается получения максимально подробных статистических данных, освещающих по возможности самые мелкие районы. К сожалению, большинство цензов, публикуемых для всеобщего сведения, ограничивают свою публикацию суммарными данными по более крупным административным делениям. В интересах научного исследования не всегда нужен микрорайон. В тех случаях, когда микрорайон совпадает с границами крупноземлевладельческих участков (в то время как в сельских общинах не отдельные дворы являются микрорайоном, а лишь владения всей общины), пользование таким микрорайоном при установлении национального состава населения и этнического характера территории искажает действительное положение вещей, ибо семьи сельскохозяйственных рабочих живут не в поместьи, а в ближайших сельских общинах. Но все же исследователю должен быть доступен материал по таким объектам как волость, польская гмина, немецкий амтсбецирк и соответствующие административные деления в других странах. В границах подобных районов картина расселения национальностей не искажается факторами, зависящими от права землевладения. Это не значит, что статистические данные по более дробным административным делениям должны игнорироваться, но они не могут быть положены в основу карт территориального расселения национальностей.

С. П. ТОЛСТОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА[1]

1. Задача воссоздания истории каракалпакского народа является одной из наиболее трудных задач, стоящих перед советской наукой в области истории народов Средней Азии. Это вызывается скудостью данных письменных источников, определяемой отсутствием у каракалпаков в прошлом собственной историографии, и окраинным их положением в отношении других народов Востока и Запада.

В силу этого особое значение приобретает использование для реконструкции истории каракалпаков и Каракалпакии археологических, этнографических, фольклорных, лингвистических и антропологических данных. В частности, изучение археологических памятников Каракалпакии и смежных территорий Казахстана и критическое исследование каракалпакской устной исторической традиции должны сыграть особо важную роль в этой работе.

2. В настоящее время проведена уже значительная работа по созданию источниковедческой базы для истории каракалпаков и Каракалпакии. Собирание и издание материалов Хивинских хроник и части русских архивных источников (выборка из ранее опубликованных данных, проделанная Пономаревым, и издание Пальмовым неопубликованных материалов Калмыцкого областного архива и Астраханского губернского архива) дали возможность П. П. Иванову опубликовать первый сводный очерк по истории каракалпаков (1935). За восемь лет работы Хорезмской археологической экспедиции АН СССР, АН УзССР и Каракалпакского научно-исследовательского ин-та истории, языка и литературы на территории Каракалпакии выявлено огромное количество археологических памятников от IV тысячелетия до н. э. до XIV в. н. э.

Эти материалы дали впервые возможность создания связной истории древнехорезмийской цивилизации, оказавшей большое влияние на культуру каракалпакского народа. Наконец, работами каракалпакских фольклористов и этнографов созданы богатые собрания материалов по каракалпакской историко-эпической традиции, еще ожидающей своего критического исследования. В текущем году в дело этнографического изучения каракалпаков включилась и упомянутая выше экспедиция АН СССР, АН УзССР и Каракалпакского научно-исследовательского ин-та,

[1] Из доклада «Основные итоги и очередные задачи изучения археологии Каракалпакии и истории каракалпаков» на выездной сессии АН УзССР в г. Нукусе в сентябре 1945 г.

собравшая значительные материалы по историко-эпической традиции, древнему социальному строю и материальной культуре каракалпаков.

3. Однако собранных материалов совершенно недостаточно для полного решения стоящей перед нами задачи — написания истории каракалпаков и Каракалпакии. Поэтому АН СССР совместно с АН УзССР и Каракалпакским научно-исследовательским ин-том приступлено к большим работам по выявлению источников для истории каракалпаков и Каракалпакии, в связи с чем планируется проведение крупных археологических раскопок и разведок как в ранее обследованных южных районах Каракалпакии, так, особенно, в северных районах республики и в приаральских областях Казахстана, в первую очередь по Жаны-Дарье и Куван-Дарье. В целях ускорения этой работы планируется широкое применение археологической авиаразведки.

Одновременно с этим приступлено к систематическому этнографическому описанию каракалпаков, к исторической разработке каракалпакской фольклорной традиции и, в особенности, к дальнейшему выявлению архивных источников по истории Каракалпакии (систематическое обследование и подготовка к изданию каракалпакских материалов московских, ленинградских, ташкентских и местных архивов). Особую задачу составляет разработка источников по истории Каракалпакии в советский период, к которой пока еще не приступлено.

4. Некоторые новые материалы и обобщения, которые могли быть уже сейчас поставлены на обсуждение научной общественности, относятся к древней истории Каракалпакии и проблеме этногенеза каракалпакского народа, являющейся, как и для всех народов, одной из самых трудных исторических проблем.

Археологические памятники, открытые и исследованные в 1937—1945 гг. на территории Каракалпакии, представляют огромное значение не только для истории Каракалпакии и каракалпаков. Благодаря этим памятникам, как отмечено выше, впервые стало возможным воссоздание древней истории Хорезма, представляющей исключительный интерес для истории Средней Азии в целом и сопредельных с ней стран, в том числе Восточной Европы и, в частности, древней Руси. Систематические работы над каракалпакскими памятниками позволили с полнотой, не известной пока для других районов, Средней Азии, воссоздать древнюю культурную историю народов, населявших Хорезм с IV тысячелетия до н. э. до средневековья.

5. В настоящее время на базе, в основном, памятников Каракалпакии, создана детальная классификация памятников первобытной, античной и средневековой Хорезмской культуры.

1. Первобытная культура

1. Кельтеминарская культура (неолит, IV — начало III тыс. до н. э. Открыта в 1939 г.).

2. Тазабагъябская культура (ранне-бронзовый век, конец III—II тыс. до н. э. Открыта в 1938 г.).

3. Су-ярганская культура (развитой бронзовый век, начало земледелия, II тыс. до н. э. Открыта в 1945 г.).

4. Амирабадская культура (ранне-железный век, начало I тыс. до н. э. Открыта в 1939 г.).

II. Античная культура

5. Культура городищ с жилыми стенами. Середина I тыс до н. э. Начало развитого ирригационного земледелия и сложение рабовладельческого строя и государства. Открыта в 1939 г.

6. Кангюйская культура. IV в. до н. э.— I в. н. э. Расцвет античного Хорезма. Открыта в 1938 г.

7. Кушанская культура. Поздний этап хорезмийской античности, II—III вв. н. э. Открыта в 1937 г.

III. Переход от античности к средневековью

8. Кушано-афригидская культура. Распад рабовладельческого общества. IV—V вв. н. э. Открыта в 1940 г.

9. Афригидская культура. Зарождение феодализма. VI—VIII вв. н. э. Открыта в 1937 г.

IV. Средневековье

10. Афригидо-саманидская культура. Развитие феодальных отношений. IX—XI вв. н. э. Открыта в 1940 г.

11. Хорезмшахская культура. Расцвет феодального Хорезма. XII — XIII вв. н. э. Была известна до начала работ экспедиции, детально изучалась в 1937—1940 гг.

12. Хорезмийско-Джучидская культура. XIII—XV вв. н. э. Была известна до начала работ экспедиции.

6. Исследование памятников первобытной и античной культуры Хорезма с особенной отчетливостью выявляет роль древних народов Хорезмского оазиса как связующего звена между народами древних ирригационных цивилизаций Востока, с одной стороны, и народами степей и лесов Восточной Европы, Сибири и Казахстана — с другой. Установление тесных историко-культурных связей между древним населением Хорезма и населением Восточной Европы, начиная по крайней мере с неолита, позволяет по-новому понять исторические взаимоотношения между народами различных частей нашей родины, выявив черты глубокой и древней общности их культуры. Существенно новые детали в эту картину вносит открытие в 1945 г. хорезмийской культуры развитого бронзового века, получившей название су-ярганской. Эта культура характеризуется крашеной лощеной керамикой и наличием, наряду с бронзовыми, крупных песчаниковых орудий макролитического типа, резко отличных от микролитических орудий кельтеминарской культуры.

Открытие этих древних культур позволяет говорить, что уже в IV - II тысячелетиях в Хорезме складывается та система культурно-этнических взаимоотношений, которая характерна для его дальнейшей истории: стык степных племен севера с носителями ирригационно-земледельческой культуры юга. Охотничье-рыболовная, а впоследствии скотоводческая культура полуоседлых кельтеминарцев и тазабагъябцев встречается здесь с оседлой ирригационно-земледельческой культурой су-ярганцев, тесно связанной с традициями носителей так называемой «культуры крашеной керамики» юга Средней Азии (Анау) и Ближнего Востока.

В амирабадской культуре мы видим уже синтез этих двух культурных традиций.

7. Есть основания предполагать, что обитатели северного Хорезма и прилегающих областей бассейна нижней Сыр-Дарьи и Приаралья в целом, сохранившие традиции полуоседлой рыболовческо-скотоводческой культуры с сильной ролью каирного земледелия, составили в ходе дальнейшей истории этническую базу предков каракалпакского народа, в то время как сложившаяся на основе скрещения тазабагъябской и суярганской культур амирабадская культура лежит у истоков истории хорезмских узбеков. О сложном характере хозяйственного уклада сакско-массагетских племен Аральского бассейна говорит и Геродот и особенно его предшественник Гекатей (в изложении Страбона), согласно которым в VI—V вв. до н. э. среди этих племен одни имели земледельческое хозяйство, другие — кочевое скотоводческое, третьи — охотничье-рыболовное, видимо, с элементами земледелия и скотоводства. Эти показания подкрепляются и позднейшими авторами.

Традиции рыболовно-скотоводческо-земледельческого хозяйственного комплекса сохраняются впоследствии у обитателей областей дельты Аму-Дарьи — Кердера и Халиджана (по данным ранне-средневековых арабских авторов) и особенно характерны для вероятных предков каракалпаков — печенежско-черноклобуцких племен (ср. указание Абу-Дулаф-Мисара о просе, как основной пище печенегов, о характерной как для печенегов, так и для, видимо, в основном тождественных с ними черных клобуков, тенденции к быстрому оседанию на землю в Киевском государстве, Византии и Венгрии; наличие в черноклобуцких погребениях на Украине, наряду с типичным для кочевников инвентарем, также и серпов еще более подкрепляет это положение).

Некоторые отголоски древней традиции оседлой рыболовно-земледельческой культуры страбоновских «массагетов болот и островов» можно усмотреть в крайне архаическом по тематике каракалпакском эпосе «Кырк-кыз». Матриархальные героини эпоса, каракалпакские амазонки Гулаим и ее 40 подруг, живут на острове и занимаются наряду с войной и охотой также земледелием.

8. Исследование античной хорезмийской культуры, под влиянием которой шло развитие полукочевых рыболовно-скотоводческо-земледельческих племен Приаралья, представляет в этой связи исключительный интерес для истории каракалпакской культуры. Так, печенежский термин для обозначения р а з в а л и н г о р о д а — «ката» (Константин Порфирородный) — в точности повторяет переданное Якутом средневековое хорезмийское слово «кат» в том же значении (в древнейшем хорезмийском — «город», откуда название древней столицы Хорезма Кята-Шаббаза).

Имя племени Кунград, занимающего в исторической традиции каракалпаков особое место, может быть расшифровано, как монголизированное изменение древнего имени печенегов, по Константину Порфирородному,— «Кангар», в свою очередь восходящего к древнему названию Хорезмского государства «Канга» («Кангюй» китайских источников).

В современной материальной культуре каракалпаков, особенно в женском костюме, сохранились яркие пережитки древнехорезмийской традиции. Так, каракалпакский женский головной убор с а у к е л е представляет точную имитацию древнейшей известной нам формы короны хорезмийских царей на монетах I в. до н. э. (характерно, что в эпосе Кырк-кыз саукеле служит у амазонок символом власти). Типичные для каракалпакского женского наряда приставные вышитые нарукавья

ж е н г с е мы можем видеть на изображении четверорукой хорезмийской богини афригидского времени и т. д.

9. Как и все народы, каракалпакский народ представляет собой исторически сложившуюся общность, сформировавшуюся в результате скрещения разнообразных этнических элементов на протяжении многовековой истории предков каракалпаков. Ярким свидетельством этого является племенной состав каракалпаков, включающий племена и роды с именами разнообразнейшего происхождения, причем большая часть этих племен оказывается вошедшей также в состав ногайцев, узбеков, башкир, казахов и отчасти туркмен. В связи с этим методологически ошибочной была бы попытка искать в отдаленном прошлом «чистых» каракалпаков, какой-то один народ, на культурное наследие которого могли бы претендовать одни каракалпаки. Узловой момент этногенеза каракалпаков, как и этногенеза других народов Средней Азии и смежных областей, падает на послемонгольский период, когда в процессе распада Золотоордынского, Чагатайского и Хулагидского государств особенно бурно развертывается межплеменное скрещение и этно-культурная консолидация новых этно-исторических объединений, легших в основу современных среднеазиатских наций. С этой точки зрения, в соответствии с каракалпакской народной традицией, историко-этнографической базой каракалпакского этногенеза явилась восточная группа так называемых ногайских племен, представлявших сложное скрещение различных ранне-средневековых тюркских и тюркизированных народов Приаралья и Приволжья и вошедших в иных сочетаниях и пропорциях также и в состав узбеков, западных казахов, башкир, ногайцев.

10. Однако, как и этногенез всех народов, этногенез каракалпаков может рассматриваться и с другой точки зрения, в аспекте изучения тех более древних историко-культурных процессов, которые, развиваясь на будущей территории каракалпакского этногенеза, в значительной мере предопределили последующее культурно-этническое обособление каракалпакского народа. С этой точки зрения мы можем говорить, например, о культурной преемственности европейских скифо-сармат и русских славян, о преемственности древних бактрийцев и таджиков, народов древнего кангюйского царства и узбеков, массагетов и туркмен. В еще большей мере мы можем говорить о роли саманидского государства в этногенезе таджиков, государства сельджуков — в этногенезе туркмен, караханидского и хорезмийского государств — в этногенезе узбеков.

В этом аспекте для ранне-средневековой истории предков каракалпаков, для ранних этапов каракалпакского этногенеза исключительную роль играет история союзов тюркских и тюркизированных племен этой эпохи, известных под именем печенегов X—XII вв., с одной стороны, и «черных клобуков» русских летописей или «народа черных шапок» восточных источников (кауми-кулахи-сиях Рашид ад-Дина, кара-бёркли Нувейри) XII—XIV вв. Географическая база формирования этих союзов охватывает территорию от Волги на западе до восточного Приаралья на востоке и от Хорезма на юге до предгорьев Урала на севере, т. е. степное Приаралье в широком смысле слова и северный Прикаспий.

Характерной хозяйственной особенностью этих племен, на протяжение веков определившей их культурно-бытовую (а отсюда и этническую) специфику, является сочетание оседлого комплексного рыболовно-

земледельческо-скотоводческого хозяйства с некоторыми элементами кочевой скотоводческой культуры в дельтовых областях больших рек этой обширной территории (Волга, Яик, Эмба, Аму- и Сыр-Дарья).

Этнографическая их база, повидимому, очень сложна, объединяя в основном различные древние племена этой территории сакско-массагетского и сармато-аланского происхождения, подвергшиеся тюркизации в лингвистическом отношении и монголоидизации — в антропологическом, за счет рано проникших в Приаралье восточных прототюркских (гунны) и древнетюркских элементов.

Слабая археологическая изученность Приаралья и почти полная неосвещенность его истории древними памятниками делает крайне затруднительным определение конкретного состава племен, легших в основу протокаракалпакских печенежско- черноклобуцких объединений. Специфический характер этнического имени, на протяжении тысячелетия ассоциирующегося с типом и цветом головного убора, позволяет предположительно искать прототип этого имени в обнаруживающих эту специфику древних переводах этнонимов скифской эпохи (Ср. с а к а т и г р а х а у д а — «саки в острых шапках», ортокорибанты — «посящие прямые шапки»). Географическое положение предполагаемой области формирования каракалпаков, скудные данные этнографического материала позволяют видеть в протокаракалпакской этнической среде своеобразное посредствующее звено между народами Восточной Европы, Средней Азии, северо-западной Сибири и Приуралья и Восточного и Центрального Казахстана и предполагать поэтому, что еще в печенежскую его основу легли различные этнические элементы, области расселения которых соприкасались в бассейне Аральского моря и Северного Прикаспия.

Древнейшие из этих племен, видимо, могут быть отнесены частью к фракийской, частью к скифо-сарматской группе древних индо-европейцев, с одной стороны, и к угорской группе уральской системы языков — с другой. До Приаралья, видимо, доходила с севера область расселения древних геродотовых йирков — предков ранне-средневековых угров — югров, тюркизированные потомки которых явились одним из важнейших элементов башкирского народа. Часть этих угорских степных племен, передвинувшись в VIII—IX вв. на запад, составила этническое ядро мадьяр, исторические судьбы которых в раннем средневековье тесно связаны с историей печенегов. С фракийско-массагетской культурной традицией, видимо, связан древний пласт каракалпакского эпоса Кырк-кыз, в котором сюжет амазонок выступает наиболее ярко, сохраняя даже детали, связанные с породившей амазонство системой возрастных классов, и в котором можно видеть отголоски массагетского эпоса о Томирис (Сур-тайша, Сурша — Куруш, Кир). Характерно, что именно в Приаралье, к северу от Хорезма, византийские послы в VI в. застали тюркские племена, управляемые женщиной. С алано-сарматской этнической средой, представляющей собой продукт очень древнего скрещения массагетов и скифов, связывает каракалпаков, кроме того, мюйтенское генеалогическое сказание, возводящее их к библейскому Ийсу (Исаву), в чем, видимо, надо видеть исламизированное осмысление имени прародителя, связанное с этнонимом «исов» или «ясов» — аланов (откуда имена Ясы-Туркестан, античные нижне-сырдарьинские племена асиев или ятиев и т. д.).

11. Начало тюркизации фрако-скифо-угорских племен Приаралья, видимо, восходит еще к началу н. э., к которому, по китайским источникам,

относится проникновение сюда первых групп протоюркских хуннов и подчинение ими местных сармато-алан (Яньцай), а может быть и к несколько более ранним временам (уже Авеста называет Урву-Ургенч хуннским городом). Что этот процесс тюркизации не был закончен еще в XI в., показывает свидетельство Бируни об устюртских аланах, говоривших на смешанном хорезмийско-печенежском языке. О слабой степени монголоидности печенегов говорит известное свидетельство Абу-Дулаф Мисара и других авторов о больших бородах у представителей этого народа, а также наличие соответствующей традиции о «волосатости» предков каракалпаков в каракалпакских преданиях (мюйтены). Между прочим, антропологические наблюдения позволяют установить сохранение этих особенностей и у современных каракалпаков.

12. Уже в X в. печенежско-черноклобуцкие племена находились в тесных взаимоотношениях со своими кочевыми и оседлыми соседями, подвергались их воздействию и в свою очередь влияли на них, включая в свой состав подразделения соседних народов и, обратно, входя отдельными частями в состав этих народов. Ярким свидетельством этого является наличие племени беджне (видимо, отложившейся группы печенегов) в составе огузов (по Махмуду Кашгарскому).

Консолидация в VII—X вв. хазарской державы и, особенно, передвижение ее центра на Нижнюю Волгу, видимо, определили разделение печенежских племен на две группы, не терявших, однако, окончательно связи между собой,— западных, «хазарских», история которых освещена русскими и византийскими источниками, и восточных, «тюркских», история которых мало известна. Последние, подвергшись в XI—XIV вв. сильным влияниям со стороны огузов, кыпчаков и тюркизированных монголов и, включив в свой состав значительные группы оттесненных обратно на восток потомков западных печенегов, также сильно этнически видоизмененных (с этой реэмиграцией, видимо, связаны «крымские» и даже «малоазийские» мотивы в генеалогических преданиях каракалпаков), явились этнической основой восточных ногаев и затем исторических каракалпаков XVI и последующих веков.

Видимо, этнографически очень близкую каракалпакам группу представляли «золотоордынские узбеки», явившиеся последним по времени компонентом этнического формирования узбекского народа.

13. Засвидетельствованные народной традицией и историческими документами поздние переселения каракалпаков (XVI—XVIII вв.) могут, в свете сказанного выше, рассматриваться, как заключительный этап исторических движений этого реликта древних приаральских и северо-каспийских племен, после сложных смещений и видоизменений вновь освоившего часть своих древнейших мест поселения — северную и восточную окраину Хорезмского оазиса.

В целом история предков каракалпаков рисуется как движение осколков древних приаральских и урало-эмбенских племен по замкнутой линии вокруг Аральского моря со значительным отклонением на северо-запад, сопровождаемое вхождением частей этих племен в состав разнообразных народностей, обитающих на этой трассе (украинцы, южные группы русских, различные группы европейских татар, ногайцы, башкиры, казахи, узбеки) и, обратно, впитыванием в состав протокаракалпакского этнического ядра разнообразных элементов, подхваченных в процессе этого движения.

В. В. БУНАК

ДРЕВНЕЙШИЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

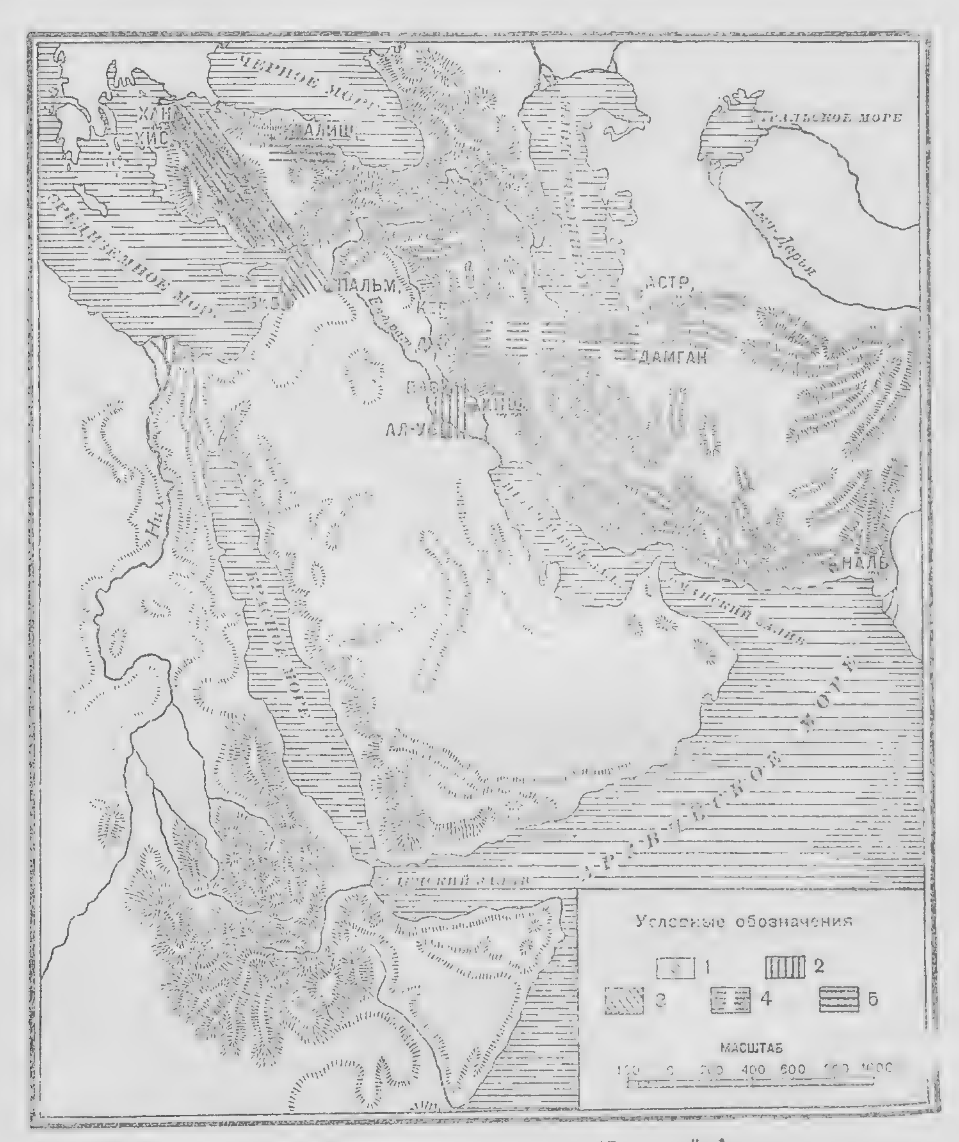
Древнейшая, известная до настоящего времени, серия черепов из Передней Азии восходит к IV тысячелетию до н. э.; она найдена при раскопках в селении Ал-Убайд в южной Месопотамии, в области древних сумеров. Женские черепа этой серии — мезокранного типа, мужские — долихокранные, с большой величиной поперечного диаметра (средние величины приведены в прилагаемой таблице). Более чем вероятно наличие двух элементов, брахимезокранного и резко долихокранного, с умеренной шириной лица и средним носовым указателем. Этому элементу свойственны также сильно развитое надбровье, крышеобразный скат черепного свода в поперечном сечении и высокая продольная дуга с резко обозначенным затылком в сагиттальном сечении; характерны также небольшой прогнатизм и резко очерченная нижняя челюсть.

Раскопки в селениях Ур и Киш в южной Вавилонии доставили материал, относящийся к сумерам III тысячелетия до н. э. Ал-Убайдский долихокранный вариант в Уре совсем отсутствует, в Кише представлен в видоизмененной форме, отличающейся сглаженным прогнатизмом и менее выраженной латеральной уплощенностью мозговой коробки. Наряду с ним в Уре и Кише выступает другой, тоже долихокранный вариант (ниже называемый II); он отличается меньшим рельефом, равномерно округлым сагиттальным контуром, шириной лица больше 130 мм, изменчивым носовым указателем.

Третья крупная серия древних черепов была раскопана в северном Иране, в области Эльбурского хребта, в районе Дамган. Раскопки вскрыли три слоя, обнимающих период от середины IV до середины II тысячелетия. Крогман выделяет несколько краниологических типов: сравнительно немногочисленный — брахикранный и не менее двух долихокранных, из которых один соответствует вышеописанному II типу (51 череп), другой — видоизмененному I (39 черепов). Он отличается большой высотой мозговой коробки, умеренной шириной ее и умеренным скуловым диаметром без заметного прогнатизма. Этот (III) в Передней Азии долихокранный вариант преобладает в позднейших слоях. Сходный характер имеет приблизительно одновременная серия черепов, раскопанная у Астерабада. Последняя крупная серия добыта при раскопках у селения Алишар вблизи древней столицы хеттов — Богаз-Кей. Из 18 чере-

[1] Автореферат доклада, сделанного на заседании сектора антропологии Института этнографии 31 января 1946 г.

пов I—III слоев восемь брахикранны, имеют небольшую высоту мозговой коробки, средний лицевой указатель и носовой указатель около 53. Остальные черепа долихокранны и по типу явно соответствуют II (кишскому) варианту; особенно ясно этот тип выступает в IV слое.

Места находок древних черепов в Передней Азии

1. Места важнейших находок. *Области преобладания типов:* 2. I тип, долихокранный прогнатный; 3. II тип, долихокранный с равномерным округлым контуром; 4. III тип, долихокранный, более массивный и высокий; 5. IV тип, брахикранный

Кроме этих сравнительно крупных серий известны еще единичные находки. Из них к III—II тысячелетию до н. э. относятся черепа из Хиссарлика, на месте Трои; II—III слои содержат, по описанию Вирхова, три

черепа гипердолихокранных и очень высоких. Женский череп из Ханай-Тепе принадлежит скорее к II, кишскому варианту; этот же вариант преобладает в Палестине и Сирии Ханаанского периода и начала арамейского, в частности в серии черепов из Библоса. В Луристане, в Тепе-Джамшиди, найдены два черепа мезокранных, явно смешанных по типу (Валуа). В Белуджистане, в районе Наль, добыт череп, аналогичный одному из типов Киша.

Таким образом, весь имеющийся материал свидетельствует о наличии на обширной территории Передней Азии четырех краниологических

Серии древних черепов Передней Азии и Средиземья

	Пол	N	L	P	A	Iar	Ial	Iap	ZZ	Ifac	Inas	Автор
Ал-Убаид . .	♂	7	193	141	139	73.0	72.0	99.0	126—130	—	48—49	A, Keith 1927
„ . .	♀	4	181	140	—	77.0	—	—				„
Ур	♂	3	194	135	—	70.0	72.0	100.0	132	—	49	„
„	♀	4	185	131	—	71.0						D. Buxton and
Киш	♂	20	189	134.7	131	71.2	69.0	98.0	131	—	44	F. Rice 1931
Дамган, III . .	♂	20	188	134	134	71.0	71.0	100.0	129	—	51	W. Krogman, 1939
„ . .	♂	50	186	133	—	72.0	>72.0	<100,0	128—130	—	>51	„
„ . . .	♂	39	192	136	—	71.0	>71.0	>100.0			<52	„
Алишар, I—III	♂	8	173	143	130	82.7	72.6	90.0	130	51	53	W. Krogman, 1937
Алишар, IV .	♂	44	187	133	133	71,0	71.0	100.0	128	—	51.4	„
Египет верхний додинастический		—	188	137	137	73.0	73,0	100.0	132	—	50	Fouquet
Египет верхний Накада . . .		—	188	132	134	72.0	73.0	102.0	125	55	50	G. Morant, 1925
Египет нижний, IV—V династий		—	185	139	136	75.0	72.0	97.0	127	55	48	„
Мохенжо Даро	♂	4	186	131	132	70.0	71.0	102.0	124	—	52	B. Guha, 1931
Эллада, средний период . . .		—	185	140	134	75.0	72.0	96,0	125	—	53	C. Fürst, 1930

Обозначения размеров: N — число черепов, L — продольный диаметр, P — поперечный диаметр, A — высота черепа (от базиона до брегмы) Iar — черепной указатель, Ial — высотно-продольный указатель, Iap—высотно-поперечный указатель, ZZ — наибольший скуловой диаметр, Ifac — лицевой указатель, Inas — носовой указатель

типов, не считая смешанных и промежуточных вариантов. Брахимезокранный вариант обычно описывается как арменоидный, с чем можно согласиться лишь, имея в виду своеобразную древнюю форму этого типа, отличную от современного. Древний брахикранный элемент имел широкое распространение в Передней Азии, но в наибольшем количестве он представлен на северо-восточной ее границе. Долихокранный элемент с равномерно округлым сагиттальным контуром (II тип) выступает преимущественно в западных и южных областях. Что же касается долихокранного типа с высоким сводом, то его прогнатный вариант (I тип), отмеченный в Ал-Убаиде, постепенно исчезает, другой же вариант (III тип) наиболее ясно выступает в более поздних слоях Дамгана.

Долихокранный с равномерным сагиттальным контуром тип обнаруживает заметное сходство с краниологическим типом древнего Верхнего Египта, так называемым типом «Накада». Совершенно сходные варианты имеются в энеолите острова Крит, Греции и Апеннинского полуострова.

Впрочем, в этой части Средиземья наряду с долихокранным элементом выступает и брахикранный, а также смешанный тип; средний головной указатель в энеолите в Италии и Греции достигает 75. Едва ли могут быть сомнения в том, что брахикранный вариант в восточной части Средиземноморья появился позднее и генетически связан с древними брахикранами Передней Азии. Серия долихокранных вариантов Месопотамии, Сирии, Египта, восточного Средиземья также представляет собою по всем данным генетически связанное целое (протомедитеранную расу?), к которому, весьма возможно, нужно отнести тип ленточной керамики Средней Европы.

С меньшей определенностью намечаются связи долихокранного умеренно прогнатного варианта (I типа) с древнейшим египетским и, может быть, дольменным европейским, а также близость позднейшего долихогипсикранного варианта Передней Азии из Дамгана (III типа) с типом шнуровой керамики европейского энеолита.

За восточными пределами Передней Азии, в Индии, черепа III—II тысячелетия до н. э. были найдены при раскопках в районах Баяна, Сиалкот, Хараппа, Мохенжо-Даро. Добытый материал позволил установить наличие брахикранного типа, аналогичного переднеазиатскому, и двух долихокранных, из которых один вполне соответствует II, переднеазиатскому, другой — I, древнему варианту. Б. Гуха первоначально назвал этот тип «австралоидным», но впоследствии отказался от этого термина, убедившись, что описываемый вариант широко представлен в неолите Британии. Впрочем, Б. Гуха для II—I тысячелетия до н. э. южной и центральной Индии признает наличие настоящего австралоидного типа; таковы, например, черепа из Адитаналлура. Они, действительно, отличаются заметной хамеринией, примитивным строением нижнего края носового отверстия, но в некоторых признаках сближаются с описанным выше древним долихокранным вариантом.

Выяснение взаимоотношения этих типов — одна из важнейших задач дальнейших исследований.

С. В. ИВАНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СТЕННЫХ РОСПИСЕЙ ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ[1]

Собирание и изучение стенных росписей горных таджиков представляет собою давно назревшую задачу, в успешном разрешении которой должны быть заинтересованы как этнографы, так и историки искусства Средней Азии. Несмотря на то, что о существовании этих росписей известно уже более 40 лет и они широко распространены в горных районах Таджикистана, литература по этому вопросу крайне бедна и отрывочна.[2] Собранный этнографами дополнительный материал остается пока не опубликованным (М. С. Андреев, Е. М. Пещерева). Между тем ознакомление с этим материалом и дальнейшее собирание его крайне желательны, так как этот вид изобразительного искусства таджиков быстро исчезает.

В 1943—1944 гг., находясь в Сталинабаде, я имел возможность собрать как от таджиков, так и от лиц, работавших на Памире, некоторые данные о стенных рисунках шугнанцев Горно-Бадахшанской автономной области.[3] Рисунки делаются во время празднования «науруза», (нового года), обычно во второй половине марта. Праздник продолжается в течение трех дней. Первый день называется «Днем уборки», второй — «Днем приготовления боджь» (пшеничной каши с мясом), третий — «Днем приветствий». В первый день науруза в доме остаются одни женщины; они выносят все вещи на улицу и передают мужчинам, которые вытряхивают и чистят их. Затем женщины приготовляют лепешки «камоч», кладут их для выпекания в горячую золу и, раздевшись донага, приступают к чистке помещения. Очистив стены, моются, одеваются и приступают к исполнению рисунков. Главная роль при этом принадлежит хозяйке дома,

[1] Автореферат доклада, прочитанного в Институте этнографии в Москве в декабре 1944 г.

[2] Упоминание о стенных рисунках у горных таджиков мы находим в книге А. А. Семенова. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. Дальнейшие сведения о них сообщают: А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908; И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартанга. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. V, П., 1917; М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928; Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел. Сов. этн., 1934, № 2; Охота таджиков реки Хингоу — в быту и фольклоре. Сов. этн., 1937. № 4; В. В. Гинзбург. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков. Сов. этн., 1936, № 3 (кратко).

[3] Этими данными я обязан следующим лицам: Мирсаиду Миршакару (уроженцу кишлака Сиидов, Рошткалинского района), директору Хорогского музея Хушкадамову, Тило Пулоди (кишлак Дарморахт, в 15 км от г. Хорога), Дауду Наурузову (Хорог), Г. Х. Гуламалиеву (Хорог), Худайберды Бекназарову (Рошткалинский район), директору Памирской биостанции в Мургабе О. В. Заленскому, директору ботанического сада в Хороге А. В. Гурскому и художнику Т. В. Саглиной.

Рис. 1—5

чаще всего старухе. После нанесения рисунков вынимают из золы лепешки, открывают двери и приглашают всех входить в дом (Хушкадамов). Впрочем, относительно исполнителей рисунков мнения расходятся; это, очевидно, объясняется тем, что в различных кишлаках обычаи различны. Иногда в исполнении рисунков принимают участие мужчины и даже дети (кишлак Дарморахт). Мне объясняли также, что рисунки, помещаемые на наружной (передней) стене дома (в айване), а также на стене следующего за айваном помещения (дализа), делаются мужчинами, рисунки на стенах главного помещения (хона), где имеется очаг, исполняются женщинами (кишлак Синдов). По словам других, орнаментальные мотивы делаются женщинами, а изображения животных — мужчинами (кишлак Мденшар). В иных случаях все рисунки внутри дома исполняются женщинами, но некоторые изображения (например, фигуры козлов) предназначаются «для мужчин» (Шах-Дара). Так или иначе, количество рисунков, исполняемых женщинами, весьма значительно. В этом отношении стенные росписи припамирских районов отличаются от росписей, широко применявшихся прежде в городских центрах Средней Азии; там, как известно, ими занимались мужчины и притом профессионалы. Эти мастера-орнаменталисты расписывали мечети, дворцы, дома феодальной знати и богатых горожан и т. п. В Горно-Бадахшанской автономной области искусство стенных росписей — массовое искусство. Каждый умеет украсить жилище незатейливыми рисунками, передавая свои навыки детям. Материалами, употребляемыми при этом, служат мука и мел, сажа и цветная глина (желтая или красная). Мука употребляется в сухом виде, глина размешивается на воде. Рисуют обычно пальцем, а для повторяющихся орнаментов делают шаблоны из прутьев тальника, скрепленных ниткой или шнурком и насаженных на длинную палку (рис. 5). При нанесении точек пользуются палкой, рабочий конец которой обвязан тряпкой. Такие шаблоны называются «зорг». Если стены дома побелены, то рисунки наносятся глиной или сажей, если покрыты копотью, то — мукой или мелом. Среди рисунков главного помещения (хона) встречаются изображения различных животных — козла, верблюда, коня, яка; всадники, пастух со стадом овец, деревья (чинары), а также отпечатки рук, круги, пересеченные крестообразно, розетки, скобки, ромбы и другие геометрические фигуры. Размеры животных различны, от 10 до 50 см высоты, розетки и круги — до 15 см в диаметре. Пастух со стадом рисуется один, и притом в определенном месте, всегда над очагом; иногда по сторонам пастуха помещается по пересеченному диагонально ромбу. Изображения козлов, коней, верблюдов попадаются или одиночные или в количестве двух, трех; они рисуются на правой или левой от входа стене или против входа. Вверху, в виде фриза, располагаются геометрические орнаменты, пунктирные линии, а также отпечатки рук. На стенах дализа рисуются козлы, всадники, иногда сосуды (офтоба), а в некоторых домах пишутся стихи или делаются надписи религиозного содержания. В айванах встречаются изображения всадников, деревьев и геометрические орнаменты.

По словам Х. Бекназарова и других лиц, стены жилища покрываются рисунками «для красоты». Желание придать дому красивый вид во время праздника вполне естественно, тем более для таджиков, резьба и вышивка которых отличаются высокими достоинствами и тонким художественным вкусом. Однако одной эстетической стороной дело не ограничивается

Уже то обстоятельство, что рисунки в хона исполняются один раз в году и притом в день празднования нового года, само по себе говорит о том, что за ними скрывается и другое значение. Иначе трудно объяснить, почему исполнение рисунков считается обязательным. Саид Шарифов из кишлака Вир (в 80 км к востоку от Хорога) объяснил: «Тот, кто не выполнит этого обычая, будет плохо жить в наступающем году»; а относительно отпечатков рук добавил: «человек, который их не сделает, рискует умереть». Стирать рисунки нельзя, это рассматривается как знак неуважения к хозяевам дома. По словам шугнанцев Рошткалинского района, рисунки на стенах делаются для того, «чтобы жизнь была хорошей», «чтобы был урожай в наступающем году», «чтобы в доме все водилось». Особое значение придается отдельным сюжетам. Так, например, изображения горных козлов делаются с целью удачи на охоте, а круг, заполненный точками, около которого нарисован пастух с собакой, должен способствовать размножению скота и обеспечивать в то же время охрану последнего. Круг означает ограду или загон для скота, точки — условные изображения овец, баранов и коз. Пастух с палкой в руке, обычно сопровождаемый собакой, исполняется в более или менее реалистической манере.

Рис. 1 представляет собой карандашный набросок, сделанный на эту тему в 1944 г. шугнанцем Шоскандаром Алибахшевым, живущим в кишлаке Вир. Серия точек, помещенных над кругом — загоном, означает дорогу для скота; точки — овцы располагаются концентрическими кругами. Изображение пастуха дано в профиль, так же как и фигура собаки. В домах шугнанцев подобного рода рисунки делаются мукой и помещаются на стене за очагом. Магическое значение их не вызывает никаких сомнений и в этом отношении полностью согласуется с теми фактами, которые в свое время были отмечены М. С. Андреевым и Н. А. Кисляковым. Следует еще раз подчеркнуть, что в практике изготовления рисунков и в настоящее время большую роль в Шугнане играют женщины. Есть основания предполагать, что прежде эта роль была еще значительнее. Изображения животных, представленные на рис. 2, 3 и 4, сделаны мелом на цветной бумаге шугнанцем Бекназаровым. Принимая непосредственное участие в изготовлении подобных рисунков в своем доме, в кишлаке Мденшар, он старался воспроизвести эти фигуры как можно точнее, с соблюдением масштаба оригиналов. Рис. 2 — верблюд (высота 27 см), рис. 3 — козел (высота 34 см), рис. 4 — лошадь с коновязью (высота 32 см).

Значение отпечатков рук, несмотря на большой интерес этих изображений, раскрыть значительно труднее, так как таджики, с которыми мне пришлось разговаривать на эту тему, воздерживались от объяснений или противоречили друг другу, вследствие чего нельзя было прийти к каким-либо определенным выводам. Столь же неясен вопрос о происхождении и значении отдельных мотивов орнамента. Хорогские шугнанцы пересеченный крестообразно круг называли «гуль» (цветок), полукруг — «мэст» (луна). Поясок, идущий вдоль верхней части стен, состоящий из скобочек, каждая из которых представляет собою приблизительно одну треть окружности, делается с целью оберега (Шах-Дара). Раскрытие значения орнаментики в целом и выяснение смысла отдельных ее мотивов можно получить только на месте, путем обследования ряда горных кишлаков, где еще сохранился старый обычай новогоднего украшения жилища.

М. Г. ЛЕВИН

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ [1]

На территории Северной Азии можно выделить по этнографическим материалам несколько хозяйственно-культурных типов, приуроченных к определенным географическим зонам:

1. Таежные охотники и рыболовы.
2. Арктические охотники за морским зверем;
3. Оседлые рыболовы бассейнов крупных рек;
4. Охотники-оленеводы тайги;
5. Оленеводы тундры.

Вопрос о культурно-историческом соотношении указанных типов имеет первостепенное значение для решения проблемы о времени и путях освоения севера человеком и стадиях развития культуры в Северной Азии. В советской этнографической литературе этот вопрос получил освещение в работах В. Г. Богораза и, особенно, А. М. Золотарева. Последний, исходя из общей концепции датского этнографа Биркет-Смита, развивал следующую схему стадиального развития культуры Северной Азии. Древнейшей формой культуры севера, общей для территории Северной Азии, Америки и, в известной степени, Европы является так называемая культура зимних рыболовов. Для этой стадии характерно преобладающее значение рыболовства в течение круглого года, основанное на зимнем подледном промысле. Отсутствие на этой стадии лыж делает невозможной зимнюю охоту в тайге и определяет оседлый образ жизни зимних рыболовов. С последним связаны: жилище подземного типа, развитие гончарства и ряд других элементов культуры. Для этой стадии характерны собаководство, лодка из кожи, глухая (не распашная) одежда, особые орудия рыболовства и др. Эта культура является основой для развития различных хозяйственных форм Северной Азии. Одна линия развития ведет к культуре арктических охотников за морским зверем, другая — к культуре лыжных охотников. Центральное место в рассматриваемой концепции занимает положение, согласно которому развитие охоты в таежной полосе Северной Азии и широкое расселение по тайге стали возможны только с изобретением лыж. С лыжами связано развитие таежной кочевой охотничьей культуры. Переход от оседлой культуры зимних рыболовов к лыжной культуре связан с появлением переносного жилища, заме-

[1] Автореферат доклада, сделанного в Институте этнографии в Ленинграде в июне 1945 г.

ной глухой одежды одеждой распашной, утратой гончарства, исчезновением собаководства и рядом других элементов культуры, отвечающих кочевому охотничьему хозяйству. Следующей стадией культуры в Северной Азии является оленеводческая культура. На основе культуры лыжных охотников развивается оленеводство, возникающее независимо в различных районах.

Указанная схема, представляющая собой несомненный шаг вперед в разрешении проблемы соотношения культур Северной Азии, нуждается вместе с тем в значительных коррективах. Для этого весьма существенно привлечь материалы по развитию средств передвижения в Северной Азии.

Упряжное собаководство, представляющее собой весьма специализированную форму, не может рассматриваться как древнейший тип транспорта Северной Азии. Ему предшествуют ручная охотничья нарта и менее совершенные способы использования собаки для транспорта, в том числе и использование ее под вьюк. На территории Северной Азии ручная охотничья нарта распространена повсеместно. По своей конструкции ручные нарты весьма разнообразны. Среди них представлены различные типы, в том числе и наиболее примитивные формы саней вообще: замороженная в виде короба шкура, однополозная дощатая нарта в виде широкой лыжи, корытообразная нарта и др. Очень широко распространена ручная нарта, по конструкции сходная с собачьей нартой восточносибирского типа. В ручную нарту эпизодически впрягаются в помощь человеку одна-две охотничьих собаки. Этот тип транспорта мы находим широко распространенным как в Северной Азии, так и в Северной Америке. В этих примитивных способах транспортного использования собак следует видеть древние формы, на основе которых развилось собственное упряжное собаководство. Археологический материал также свидетельствует о молодом возрасте упряжного собаководства. Последнее возникает в специализированном хозяйстве оседлых рыболовов и связано с потребностью в транспорте в условиях развивающегося обмена и возможности заготовки корма для большого числа ездовых собак. Анализ различных форм упряжного собаководства позволяет выделить несколько основных типов, возникших независимо друг от друга на основе древних форм использования тяговой силы собаки в охотничьей практике.

Датировка лыж в концепции Биркет-Смита, основанная на искусственных построениях диффузионистского метода, неубедительна. Лыжи, как и ручная нарта, должны быть отнесены к древним типам сухопутного транспорта Северной Азии. Ручная нарта по характеру своего применения неразрывно связана с наличием лыж. К лыжам восходят по своему генезису и основные типы ручной нарты (дощатая нарта, все типы двуполозных нарт).

С указанными выше хозяйственно-культурными типами связаны определенные виды сухопутного транспорта: ручная нарта характерна для хозяйства таежных охотников и рыболовов; развитые формы упряжного собаководства — для специализированного хозяйства оседлых рыболовов и арктических охотников.

При рассмотрении вопроса о соотношении различных хозяйственно-культурных типов и видов транспорта необходимо учитывать, что зафиксированные этнографическими наблюдениями формы являются в значительной мере результатом длительного исторического процесса развития и специализации. Так, развитие таежного кочевого хозяйства

неразрывно связано с развитием промысловой пушной охоты, в основе которого лежит вовлечение аборигенного населения севера в обмен с культурными центрами юга, все выраставший с давних времен спрос на пушнину на рынках Индии, Ирана, Китая и других стран.

В свете приведенных данных мы рассматриваем в качестве древнейшего хозяйственно-культурного типа Северной Азии комплексную охотничье-рыболовческую неспециализированную культуру, каковой в значительной степени является культура неолитических насельников Северной Азии. С этой стадией связаны охотничья собака, ручная охотничья нарта и лыжи. От этой культуры линия развития ведет как к специализированным культурам оседлых рыболовов и арктических охотников с их упряжным собаководством, так и к культуре современных таежных охотников и рыболовов, сохранивших в наибольшей степени черты этой древней стадии.

Развитие кочевой таежной культуры, связанное, как указывалось, с ростом пушной охоты, получило свое высшее оформление с появлением оленеводства. Только вьючно-верховое оленеводство создало базу для развития тех совершенных форм кочевого быта, которые мы встречаем у таких современных групп, как тунгусы, и открыло возможность постоянных перекочевок в течение круглого года.

В. Н. БЕЛИЦЕР

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ УДМУРТОВ[1]

Основными источниками для работы «Национальный костюм удмуртов» послужили полевые материалы, собранные автором во время экспедиций, организованных по изучению удмуртов в 1930, 1931, 1937 и 1938 гг., дополненные литературными материалами, вещественными и иллюстративными коллекциями музеев: Народов СССР, Этнографического музея в Ленинграде, Художественных ремесл в г. Загорске и Областного музея в г. Кирове.

Этнографическое изучение удмуртов, начавшееся со второй половины XVIII в., носило вначале случайный, любительский характер, типа путевых заметок и впечатлений. Во второй половине XIX в. появляются более крупные работы Верещагина, Островского, Бехтерева, Смирнова и др. Однако костюм не являлся в них центральной темой исследования, и до настоящего времени в этнографической литературе об удмуртах не имеется специальных работ на эту тему.

Задачей настоящего исследования является: описание удмуртского костюма, украшений и связанных с ним технических процессов, выявление исторических связей, игравших роль в сложении отдельных форм костюма, и технических приемов его изготовления. Задача автора проследить в одежде также отпечаток общественных отношений и религиозных представлений, раскрыть художественное значение костюма, как произведения удмуртского народного творчества.

Основным материалом для одежды удмуртов служили в XVIII, XIX и первой четверти XX столетий ткани домашнего производства, приготовленные из растительных волокон (льна, конопли) и шерсти домашних животных. Прядение и ткачество удмуртов не сохранили ярких специфических особенностей удмуртской национальной культуры и близки к орудиям прядения и ткачества соседних народов, живущих в лесостепной зоне Восточной Европы: мари, чувашей, русских, мордвы. При этом удмурты удержали наиболее примитивные формы обработки (снование по стене, плетение) и типы орудий (трехподставный стан, корневая мялка и др.), которые прослеживаются на данной территории еще в эпоху Чепецкой культуры.

Наиболее распространенным покроем женской удмуртской одежды является покрой туникообразный, представленный в рубашке и верхней одежде, и покрой одежды, сшитой «в талию».

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной 14 июня 1945 г. в Ин-те этнографии АН СССР.

Удмуртка в национальном костюме
д. Бакино, Балезинского района Удмуртской АССР

Повседневной обувью удмуртов были лапти, сохранившие до последнего времени свои национальные особенности. Лапти носили с чулками: портяными, сшитыми из холста, или связанными из разноцветной шерсти, белыми холщевыми обертками и черными онучами. Кожаная обувь до Великой Октябрьской революции не имела у удмуртов широкого распространения.

Преобладающую группу среди женских украшений составляют металлические украшения: кольца, браслеты, серьги и разнообразные ожерелья из монет.

Головные уборы удмуртов могут быть разбиты на группы по возрастной принадлежности (девушек, молодушек, пожилых замужних женщин, старух) и по форме самих уборов: 1) Повязки: «йыр кертет», «укотук»; 2) Платки, полотенца, покрывала — «солык», «чалма», «пелькшет»; 3) Шлемообразные шапки: «такия», «подурга»; 4) Высокие конусообразные твердые головные уборы — «айшон».

Сравнительный материал позволяет установить близкие аналогии между «солыком» удмуртов и платком казанских татар — «яулык», между «чалмой» удмуртов, «тастаром» казанских татар, «сарпаном» чувашей и мари, «намиткой» белоруссов; провести этнографические параллели между «такией» удмуртов, «тухьей» чувашей и башкир; между «айшоном» удмуртов и уборами аналогичной формы у мордвы (панга), мари (шурка) и казахов; наконец, проследить этот тип в культурах скифо-сарматской эпохи.

Костюм удмуртов сохранил до последнего времени возрастные отличия в цвете, расположении вышивок, головных уборах, которые указывают на положение женщины в семье и в обществе. «Такию» могли носить только девушки. «Айшон» и «чалма» являлись символами замужества. «Пелькшет» надевался женщиной с прекращением периода деторождения

Анализ женской национальной одежды удмуртов позволяет объединить материал в два основных комплекса: северный и южный — и установить их географическое распространение. Южный комплекс женского костюма связан в своем происхождении с древними степными культурами юга, на нем сильно сказались и более поздние следы татарской культуры (покрой рубашки и верхней одежды, характер украшений). Северный комплекс костюма по покрою и украшениям (бусы, вышивки) стоит ближе к костюму мари, мордвы и позднее тесно связан с культурой северных

великоруссов. Мужская одежда удмуртов сохранила значительно меньше своеобразия и уже по отзывам исследователей XVIII в. почти не отличалась от костюма русских крестьян. Более углубленный анализ материала позволяет выделить и в нем северный и южный комплексы, восходящие к двум различным культурам: северной, охотничьей — «таежной» и южной, степной.

Большой интерес для исследователя представляет культовая одежда жрецов и «васясей», сохранившая до последнего времени наиболее архаичные формы покроя и специальную расцветку.

Анализ костюма бесермян подкрепляет языковую близость, существующую между удмуртами и бесермянами. Наряду с этим в костюме бесермян (вышивках, покрое, головном уборе) сохранились очень древние культурные пласты, общие с чувашами, башкирами, встречаемые у мордвы-терюхан и каракалпаков, что позволяет видеть в бесермянах остаток древнего до-татарского населения, по всей вероятности группу болгарского происхождения.

Орнаментальное творчество удмуртов нашло свое богатое выражение в художественном тканье и вышивке, украшающих части костюма и бытовые предметы. Анализ узоров позволяет выявить наиболее характерные изображения (косой крест, конские головки, розетки и т. д.) и проследить их развитие в более ранних культурах Прикамья, установить многочисленные аналогии с орнаментом других народов Советского Союза, доказать связь ряда изображений (птиц, животных) с культом удмуртов.

Подводя итог, можно сказать, что национальный костюм удмуртов возник и развился на базе древних культур Прикамья. Население южных районов Прикамья, связанное с древними культурами Средней Азии и Причерноморья, находившееся под длительным воздействием татарской культуры, дало южный комплекс удмуртского костюма, в то время как население Чепецко-Вятского речного бассейна, экономически связанного с северными культурными центрами, а исторически с мари, столкнувшись с воздействием русской культуры, дало северный комплекс удмуртского костюма.

Замужняя женщина-удмуртка в национальном костюме

д. Кушманская, Глазовского района Удмуртской АССР

ХРОНИКА

Р. И. КАПЛАН-ИНГЕЛЬ

О РЕСТАВРАЦИИ ЗДАНИЯ БЫВШЕЙ ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

(ныне здание Института и Музея этнографии)

В связи с 220-летним юбилеем АН СССР еще раз был поднят вопрос о реставрации здания Кунсткамеры и о восстановлении вышки башни, сгоревшей в 1747 г. Еще в 1938 г. академиком С. И. Вавиловым возбужден был в Президиуме АН вопрос о реставрации Кунсткамеры, но лишь в 1946 г. восстановление Кунсткамеры стало реальным делом. В марте 1945 г. автором этих строк составлен проект

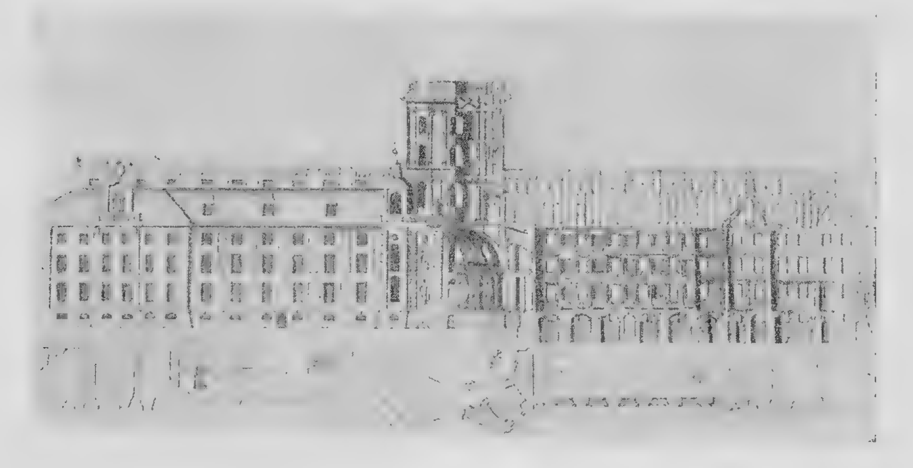

Рис. 1. Проект Маттарнови

реконструкции здания Кунсткамеры, который Архитектурным советом был отвергнут, как несвоевременный в условиях тогда еще незаконченной войны. Все же по предложению Президента АН академика С. И. Вавилова научно-исследовательская работа по истории постройки здания Кунсткамеры и проектирование не прекращались. Были составлены еще три варианта проекта. Сложность проектирования заключалась в том, что это здание строилось и перестраивалось в XVIII в. несколькими архитекторами, имена которых достаточно известны в истории русского искусства. Составил первоначальный проект и начал постройку архитектор Маттарнови (1718—1719), пересоставил проект и выстроил по совершенно новому варианту архитектор Киавери (1724—1727), причем вышку достраивал по его проекту архитектор Земцов (1734). После пожара 1747 г. здание восстановил по вновь измененному проекту архитектор С. Чевакинский (1755—1758). Чевакинский значительно изменил весь верх здания, начиная с карниза, доведя его в средней части здания до одного общего уровня; барóчные фронтоны Чевакинский заменил низкими парапетами и вместо колоннады

Рис. 2. Проект Киавери

Рис. 3. Вид Кунсткамеры в 1737 г.

выстроил вокруг цилиндрической башни четыре фигурных павильона. Чевакинский также уменьшил высоту окон и ниш III этажа башни и вместо одного большого среднего окна сделал два. Таким образом, современный вид здания явился результатом творческой мысли трех известных архитекторов XVIII в. После Чевакинского в облик здания внесен ряд изменений и наслоений, не улучшивших внешнего вида здания. Приходится также принять во внимание и то, что в здании Кунсткамеры с 1741 по

Рис. 4. Вид здания по проекту Чевакинского

Рис. 5. Современный вид здания

1765 г. работал Ломоносов, и в павильонах башни намечено устройство музея, посвященного памяти великого русского ученого.

При проектировании пришлось решать вопрос о том, восстанавливать ли здание согласно проекту Маттарнови или Киавери, или восстанавливать то, что было выполнено в натуре Чевакинским, с учетом того, что им было представлено несколько вариантов оформления здания, в числе которых имелся и вариант восстановления завершения башни, им не выполненный под давлением академической строительной комиссии. Составленные автором проекта реставрации здания четыре варианта имеют следующие отличия:

Первый вариант предусматривает восстановление внешнего вида по проекту Чевакинского, но с надстройкой вышки башни по проекту Киавери.

Второй вариант является проектом компромиссным. По этому варианту сохраняется нижний массив башни по Чевакинскому, но по Киавери восстанавливаются фронтоны и колоннада с уничтожением павильонов Чевакинского.

Третий вариант отличается от второго тем, что колоннада вокруг башни не выполняется, а павильоны сохраняются.

Четвертый вариант представляет собой дальнейшее развитие третьего варианта, но с заменой прямой крыши мансардной. При выполнении этого варианта придется

Рис. 6. Проект реставрации здания Кунсткамеры. Автор проекта—архитектор Р. И. Каплан-Ингель

выполнить сложные работы по подвеске лепного потолка большого восточного зала.

Следующим вариантом мог бы быть чертеж гравюры 1741 г., по которому придется переделать верх нижнего массива башни, изменить в этой части верхние окна и ниши, а также среднее окно с входом. Должны быть восстановлены барочные фронтоны с разборкою шести парапетов над ризолитами, выполненных Чевакинским. Должны быть разобраны прямые крыши и заменены мансардными. Четыре павильона Чевакинского разбираются и строится колоннада вокруг цилиндрической части башни. Переделывается парапет верха цилиндрической части башни с заменой его баллюстрадой. Полностью восстанавливается вышка башни с увенчивающей ее сферою. При выполнении этого варианта придется заменить прямоугольные окна подвального этажа дугообразными с восстановлением наличников, а также восстановить боковые входы с балконами. Весьма сложным делом была бы замена существующего венчающего карниза, выполненного по проекту Чевакинского (и притом при ошибке, допущенной им в шаблоне), карнизом по гравюре 1741 г. В общем этот вариант полностью уничтожает все то, что выполнено при реконструкции здания Чевакинским, и заново создает оформление здания согласно гравюрам 1741 г., сделанным, как предполагают, по проекту Киавери.

Все эти варианты обсуждались в Академпроекте и в Москве, и в Ленинграде совместно с академиком А. В. Щусевым.

11 января 1946 г. в выездном Научно-экспертном совете госинспекции охраны памятников с участием начальника Ленакадемпроекта профессора В. Л. Гофмана, начальника госинспекции охраны памятников архитектора Н. Н. Белехова, профессоров Е. И. Катонина, В. П. Никитина, А. П. Удаленкова, директора Архива АН Г. А. Князева и др.— решено было отказаться от мысли восстанавливать Кунсткамеру по Маттарнови и Киавери, так как это привело бы к необходимости разрушить все, что было выполнено Чевакинским, имя которого достаточно авторитетно в истории русской архитектуры. Научно-экспертный совет принял решение о восстановлении Кунсткамеры в том виде, какой придал ей Чевакинский, с освобождением здания

от позднейших наслоений и изменений. Вышку башни решено надстраивать по гравюрам 1741 г., т. е. по проекту Киавери, так как не сохранилось проектов Чевакинского. Такое же решение было принято совещанием Академпроекта в Москве под председательством академика А. В. Щусева 16 января 1946 г.

Во время январской (1946 г.) сессии Академии Наук комиссией Президиума под председательством президента академика С. И. Вавилова рассматривался вопрос о реставрации здания Кунсткамеры. В состав комиссии вошли академики В. П. Волгин, Б. Д. Греков, И. А. Орбели, А. В. Щусев, И. Э. Грабарь, от Академстроя и Академпроекта уполномоченный Президиума А. С. Коренев, главные инженеры А. В. Беляев и В. В. Полюхов, директор Института этнографии профессор С. П. Толстов, зам. директора Института этнографии доцент М. Г. Левин и докладчик — автор проекта. Кроме того, присутствовал ряд приглашенных лиц. Демонстрировалось большое число фотографий со старинных гравюр, рисунков и чертежи проектов Маттарнови, Киавери и Филиппова, а также эскизы четырех вариантов реставрации здания с приложением планов, схем и научно-исследовательских материалов.

Совещание открыл президент академик С. И. Вавилов, ознакомивший собрание с историей возникновения вопроса о реставрации Кунсткамеры; еще в 1938 г. им подано было заявление о необходимости придать зданию Кунсткамеры тот вид, который оно имело до пожара 1747 г.

Доклад автора проекта вызвал оживленный обмен мнениями, в котором приняли участие академики А. В. Щусев, И. Э. Грабарь, И. А. Орбели, чл.-корр. М. М. Карпаухов, проф. С. П. Толстов, А. С. Коренев, А. В. Беляев. Академик И. Э. Грабарь, отметив компромиссность всех решений, предложил либо полностью реконструировать фасад по гравюре 1741 г., либо ограничиться расчисткою фасада от всех позднейших наслоений, внесенных в здание после Чевакинского. При этом И. Э. Грабарь отметил участие архитектора М. Земцова в деле постройки вышки башни. Остальные выступавшие в прениях в основном соглашались с тем, что здание надо восстанавливать по Чевакинскому. Академик И. А. Орбели обещал оказать содействие предоставлением соответствующих образцов скульптуры XVIII в. для украшения фасада здания.

В заключительном слове президент академик С. И. Вавилов отметил, что лишь теперь, при советской власти, представляется возможным придать зданию Кунсткамеры тот вид, который оно должно иметь как первое здание, где первоначально помещались учреждения Академии Наук, впоследствии разросшиеся в самостоятельные институты и музеи. Здание, которое справедливо называется колыбелью русской науки, простоявшее 200 лет в незаконченном виде, наконец, примет соответствующий его значению вид. Академией Наук дано распоряжение об утверждении реставрации здания бывшей Кунсткамеры в соответствии с тем видом, который придал ему Чевакинский, но с реконструкцией вышки башни. Академстрою поручено произвести необходимые проектно-архитектурные работы, обмеры и научно-исследовательские изыскания.

Автором проекта утвержден автор настоящей статьи. Реставрационный совет — в составе академика А. В. Щусева (председатель), чл.-корр. Академии архитектуры В. Л. Гофмана (зам. председателя), академика И. Э. Грабаря, проф. Е. И. Катонина, проф. А. П. Удаленкова, архитектора К. Д. Халтурина, ст. науч. сотрудника Н. И. Архипова и начальника Ленакадемстроя Г. И. Логашева. На осуществление проектирования отпущены соответствующие суммы. Проект в течение 1946 г. автором статьи, под руководством Реставрационного совета и Ленакадемстройпроекта (проф. В. Л. Гофман), закончен и утвержден во всех инстанциях.

Таким образом, дело восстановления здания Кунсткамеры из области мечтаний и предположений перешло в действительность, и вскоре башня увенчается вышкой с астрономической сферой, перекликаясь на берегах Невы со шпилем Петропавловской крепости и адмиралтейской иглой.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

II. АВТОРЕФЕРАТЫ ДОКЛАДОВ

III. ХРОНИКА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

⁂

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *О. В. Залышкина*
Корректор *Е. И. Матюнина*
Обложка художника *Н. М. Лобанова*

⁂

РИСО АН СССР № 2536. А-04654. Издат. № 1027.
Тип. заказ № 1369. Подп. к печ. 24/III 1947 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 6. Уч.-издат. 8.
Тираж 2000.

⁂

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

⁂

Цена 6 р. 50 к.

Цена 6 руб. 50 коп.

